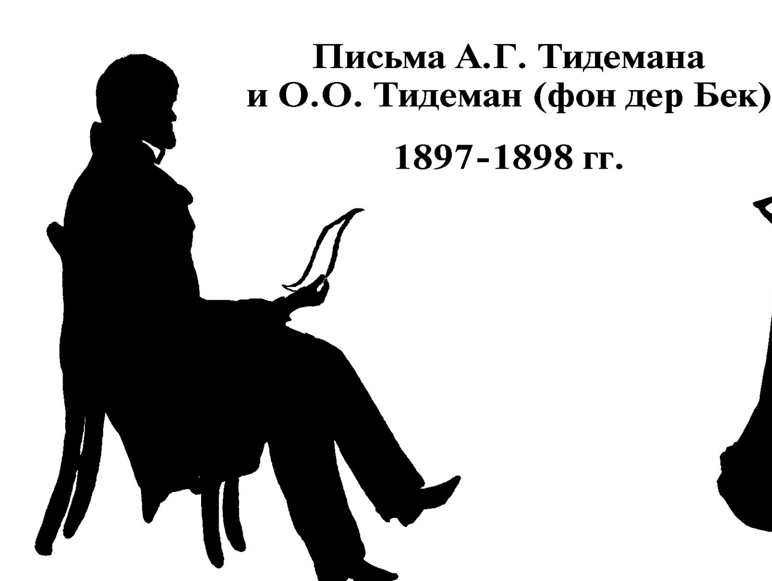
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
«КРАЙ СМОЛЕНСКИЙ»

Долгое ожидание

**Письма А.Г. Тидемана
и О.О. Тидеман (фон дер Бек)**

1897-1898 гг.



Долгое ожидание

**Письма А.Г. Тидемана
и О.О. Тидеман (фон дер Бек)**

1897-1898 гг.

Смоленск
2012

УДК 9 (С127)
ББК 63.3(2Рос-4Смо)5
Д 64

Составитель, автор вступительной статьи и подготовка текста к печати
Юлия Витальевна Петрова

Редактор
Леонид Леонидович Степченков

Авторы комментариев
Юлия Витальевна Петрова, Юрий Николаевич Шорин,
Михаил Вадимович Иванов, Леонид Леонидович Степченков

Рецензент
Михаил Вадимович Иванов,
к.и.н., доцент кафедры музейного дела и охраны памятников СГИИ

Д 64 **Долгое ожидание. Письма А.Г. Тидемана и О.О. Тидеман (фон дер Бек) 1897-1898 гг. / сост. Ю.В. Петрова; ред. Л.Л. Степченков; авт. комментариев Ю.В. Петрова, Ю.Н. Шорин, М.В. Иванов, Л.Л. Степченков.** – Смоленск: Край Смоленский, 2012. – 184 с.: ил. – (Библиотека журнала «Край Смоленский»).

В издании представлена переписка супругов Александра Генриховича Тидемана и Ольги Оскаровны Тидеман (фон дер Бек), датированная 1897-1898 гг. На этот период приходится служба А.Г. Тидемана инженером в московской компании, занимающейся установкой отопительного оборудования на территории Смоленской губернии. Его письма отправлены из Белого, Вязьмы, Гжатска, Духовщины, Ельни, Поречья, Рославля, Смоленска и Сычевки. Большинство писем, написанных супругой, было отправлено из Москвы.

Александр Генрихович Тидеман, предположительно, родился в Смоленской губернии. Во всяком случае, его детство и юность связаны со Смоленщиной, где земской акушеркой работала его мать.

Публикуемые документы представляют исключительный интерес для всех, кому дорога история родного края и страны в целом. Читатель получит уникальную возможность познакомиться с укладом жизни молодой московской семьи конца XIX в., взглянуть на российскую провинцию того времени глазами приезжего человека, почувствовать красоту русского языка, лучше понять ушедшую эпоху.

УДК 9 (С127)
ББК 63.3(2Рос-4Смо)5

© Журнал «Край Смоленский», 2012
© Ю.В. Петрова, Ю.Н. Шорин,
М.В. Иванов, Л.Л. Степченков, 2012

Предисловие

Вы держите в руках впервые опубликованную личную переписку супругов Александра и Ольги Тидеман, датированную 1897-1898 гг.

Александр Генрихович Тидеман (1867-1920 гг.) происходил из семьи обрусевших немцев. Его мать, Матильда Карловна Тидеман (ум. в 1889 г.), служила земской акушеркой 1-го санитарного участка Смоленского уезда Смоленской губернии. Сохранилась письменная благодарность Корохоткинского волостного правления от 9 марта 1876 года М.К. Тидеман за то, что она «возложенную на нее обязанность исполняла с ревностным желанием, полным знанием и во время многих тяжелых родах оказывала вспомоществование, а равно и при других болезнях многим лицам посредством безвозмездного пользования лекарствами и ухода своих больных приносила беспримерную пользу и тем улучшала больных состояние здоровья».

А.Г. Тидеман учился в Вяземской мужской Александровской гимназии (в списке выпускников его нет, вероятно, завершал обучение он в другом учебном заведении), затем в Инженерном Морском училище в Кронштадте (1883-1888 гг.). По окончании учебы проходил службу в Кронштадте и на судах императорского флота России до 1895 года. Плавал на кораблях: монитор «Единорог», «Герцог Эдинбургский» (1890 г.), «Африка», «Пластун». На фрегате-крейсере 1-го ранга «Дмитрий Донской» он служил в должности минного механика.

В 1895 году Александр Тидеман вышел в отставку и женился на Ольге Оскаровне фон дер Бек. Он жил и работал в Санкт-Петербурге, Москве. В период 1897-1898 гг., отраженный в публикуемой переписке, А.Г. Тидеман служил инженером в московской компании М. Дреземейера, которая занималась установкой пароводяного отопительного оборудования. Из «смоленских» писем Александра Тидемана видно, что в дальнейшем он планировал переехать с семьей в Харьков, что и осуществилось, судя по его переписке из этого города 1900-1906 гг.

Александр Тидеман погиб в 1920 году, обстоятельства его смерти неизвестны. Его супруга Ольга Оскаровна умерла в 1944 году в Москве. В семье Тидеман было трое детей.

Переписка, охватывающая в общем-то небольшой временной период, сегодня представляет исключительный интерес для всех, кому дорога история родного края и страны в целом. Читатель получает уникальную возможность познакомиться с укладом жизни молодой московской семьи конца XIX века, взглянуть на российскую провинцию того времени глазами приезжего человека, почувствовать красоту русского языка, лучше понять ушедшую эпоху и найти множество созвучий с днем сегодняшним.

Источники личного происхождения, к которым относится переписка, лучше любых других способны передать атмосферу времени и воссоздать портрет жившего в нем человека со всеми его переживаниями, радостями и горестями. Перед вами письма обычных, незнаменитых людей. В этих письмах не найти глубоких размышлений, упоминаний о событиях имперского масштаба, здесь – описание будней. Но именно в повседневности зачастую лучше различима та ценностная опора, которая лежит в основе человеческих судеб. Рефреном всех писем супругов друг к другу была взаимная любовь, сохраняемая ими, несмотря на бурлившую и полную соблазнов столичную жизнь эпохи декаданса, когда традиционные семейные и духовные ценности подвергались серьезной ревизии, а, зачастую, и просто осмеянию.

Письма супругов Тидеман привлекают внимание зарисовками московского и провинциального быта, поэтому сегодня они могут быть интересны как москвичам, так и смолянам. Занимавшийся устройством систем отопления казенных винных складов в Смоленской губернии инженер Александр Тидеман почти ежедневно отправлял жене письма, в которых помимо признаний в любви, вестей о здоровье и ходе работ, давал весьма яркие характеристики уклада жизни смолян. Тидеман немного потешался провинциальной патриархальностью, замедленным темпом жизни, способностью удовлетворяться не самым высоким искусством и не самой хорошей организацией быта, но он и умилялся тишиной наших городов, красотой природы, искренне благодарил людей, с которыми его свела судьба.

Письма Ольги Тидеман к супругу открывают читателю все то, чем жила образованная москвичка чуть более столетия

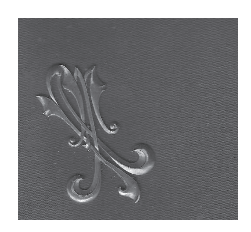
назад – воспитание детей, домашние хлопоты, гости, чтение, занятие музыкой, походы по магазинам, посещение театров, увеселительных мероприятий и ресторанов (чего стоит только описание обеда, данного в знаменитом «Эрмитаже» В.П. Бергом!). Из писем Ольги к мужу можно узнать меню обычного семейного обеда или праздничного обеда в ресторане, цены на различные товары и услуги, а также их соотношение с доходами средней московской семьи. Переписка супругов свидетельствует, что столетие назад женщина была уже довольно самостоятельной, деятельной и зачастую занималась решением таких важнейших вопросов, как ведение домашней бухгалтерии, наем квартиры или дачи.

Большинство написанных Ольгой Тидеман писем было отправлено из Москвы. Письма Александра Тидемана отправлены из Белого, Вязьмы, Гжатска, Духовщины, Ельни, Поречья, Рославля, Смоленска и Сычевки. Во всех этих городах, за исключением Вязьмы, Тидеман бывал по работе. В Вязьму же он приехал всего на один день с целью навестить родную мужскую Александровскую гимназию, в которой когда-то учился.

Сегодня эпистолярный жанр почти ушел в прошлое, поэтому ценность подобных публикаций только возрастает. Мы получаем возможность «прочитать» хоть и чужую, но подлинную жизнь, соотнести прочтенное со своим жизненным путем, пережить и перечувствовать что-то вместе с героями переписки. Барон Николай Николаевич Врангель в начале XX века писал: «Вы все, маленькие и большие, значительные и незначительные, думали ли вы, что когда-нибудь будут читать вашу жизнь? Я, надеюсь, не оскорбил ее».

Письма расположены в хронологическом порядке, недатированные помещены согласно контексту повествования, в одном из писем допущена купюра. Орфография и пунктуация писем приведена в соответствие с современными правилами только частично, что позволяет сохранить стиль эпохи.

Оригиналы писем предоставлены для публикации коллекционерами Леонидом Леонидовичем Степченковым (г. Смоленск), Юрием Николаевичем Шориным (г. Сафоново), Михаилом Вадимовичем Ивановым (г. Рославль),



Серебряная накладка в виде вензеля А.Г. Тидемана на папку, содержащую архив

Юлией Витальевной Петровой (г. Вязьма). Ими же подготовлены комментарии к тексту писем.

В качестве приложения к переписке супругов Тидеман в данном издании представлена повесть А.Г. Тидемана (указана подпись А. Т.) «Не судьба», напечатанная в журнале «Родина» за 1890 г. № 17 (стлб. 590-597), № 18 (стлб. 622-629), № 19 (стлб. 646-654). Данные номера журнала, хранящиеся в отдельной папке с серебряным вензелем Александра Тидемана, находятся в частной коллекции (г. Москва).

Издатели выражают сердечную благодарность за помощь в подготовке данной публикации Алексею Алексеевичу Иванковичу (г. Москва), Джеско Озеру (г. Москва), Наталье Александровне Мицюк (г. Смоленск), Татьяне Александровне Чистяковой (г. Белый).

Юлия Петрова

Письма А.Г. Тидемана и О.О. Тидеман (фон дер Бек) 1897-1898 г.

«3-го апреля 1897 г.

Миленький мой Саничка!

Еще раньше, чем твое письмо, я получила письмо от М. Дреземейера[1], где он сообщает мне, что едет в Гжатск и что нет ли у меня чего тебе передать или переслать. Рубашка у меня еще не была стирана, а поэтому я написала только благодарность. Но теперь я кое-как успела сделать рубашку и хочу поехать на вокзал отослать тебе, моя радость, письмецо последнее в Гжатск и посмотрю, не увижу ли Дреземейера, тогда отдам ему посылочку. Миленький, дорогой, ненаглядный мой Саничка, как я опечалилась, что ты не приедешь, так ужас. Как хорошо все-таки, что мне удалось побыть с тобой, моя цыпка.

Оличка была, говорят, ужасная умница, совсем не капризничала без мамы. Она тебя крепко целует и делает слюнки.

Пиши скорее, куда мне писать, а то я больше уже в Гжатск не напишу.

Ехать было ужасно скучно и бесконечно долго.

Ах, как жаль, что ты не приедешь, а я сегодня и за свежим кофе ходила.

Нет, какова любезность от твоих приципалов[2]. Сижу у открытого окошечка в спальне – сегодня открыла два: здесь и в столовой и воздух, конечно, совсем другой стал.

Итак, значит, радость моя, мы не увидимся до июня месяца!

Господи! Как скучно мне теперь опять стало, просто ужас!

Уже лучше кончу письмо, а то разревусь. От меня и от дочки прими массу поцелуев, мой дорогой, голубок Саничка.

Какое хорошее воспоминание оставил у меня 1-ый май, проведенный с тобою, моя радость.

Страстно, крепко целует твоя Люкуша».

«25-го апреля 1897 г.

Милый, дорогой мой цыпка Саничка!

Как я обрадовалась получить от тебя известие, и, хотя, сама чуть жива от усталости при поисках дачи, все же хочу написать тебе, моя радость, несколько строк, зная, что и ты ждешь от меня письма. Проводивши тебя, я почувствовала себя гадко уже на вокзале, а приехавши домой, меня начало так ужасно рвать и вообще было ужасно гадко. На утро это все прошло, встала в 10 час., подумала об тебе, мой голубок, и стала шить Оличке пальто.

К 12 $^{1}/_{2}$ ч. было пальто и шляпа готовы, была чудная погода, я наняла извозчика, и мы с Ольгушкой поехали к маме. Только несколько домов отъехали, как моя крошка заснула и так и спала довольно долго там, потом проснулась, покушала и опять уснула; в это время набежала тучка, прошел хороший дождь, потом погода опять разгулялась, теплота и деревья сразу зазеленели и мы в хорошую погоду вернулись домой. Маме лампа ужасно понравилась, просила тебя поцеловать и благодарить. Вечером папа и мама были у меня.

Сегодня 10 $^{1}/_{2}$ ч. утра, и пошла к А.А., мы взяли извозчика и поехали втроем все же (Конст. Петрович[3] прямо на вокзал) до Петровско-Разумовского[4]. Пришла я домой 6 $^{1}/_{2}$ ч. веч. – целый день на ногах и все без толку. Кажется, с К.П. каши не сваришь!! Если бы ты знал, до чего я устала! В воскресенье опять хотят туда ехать, чтобы решить с дачей в 100 руб.[5] Очень хорошенькая – но не думаю, чтоб она нас ждала – надо было сегодня же взять, а это он – такая баба, что страсть.

Ты не сердись, цыпленок мой, если я закончу письмо крепким, долгим поцелуем, но я, право, еле сижу. Оличка тебя тоже крепко целует и пищит от радости. Господи! Как она вче-

ра лезла к папе, думала, что это ты. Квартиру уже двое смотрели, но пока еще ничего.

Всего хорошего, целует твоя Люка».

«26-го апреля 1897

Милый, дорогой мой Саничка!

Я и дочурка тебя крепко, крепко целуем и сообщаем, что мы изрядно скучаем о нашем дорогом, милом папочке.

Получила я твое письмо и удивилась, что ты так скоро решил повидаться со мною. Не знаю, как сказать, но думаю, что устрою и приеду.

К.П. уже опять решил по Рязанской ж.д., я ужасно, конечно, стесняюсь и не могу отказать прямо, а сказала, что соглашусь, если это будет очень близко от станции. Ужасное непостоянство у него!!

Сегодня я уложила шубы и платья, пообедала и собралась с Оличкой второй раз гулять, как вдруг слышу, кто-то спрашивает: «Здесь Г-жа Тидеман?». Выхожу и вижу молодую M-me[6] Дреземейер – ужасно я была удивлена ее любезностью. Просила показать Оличку, осталась, кажется, от нее в восторге и просила непременно побывать на целый день у нее в Малаховке[7]. Замечательно любезна – не правда ли?

Получила сегодня письмо от Эльзы, целует тебя и ужасно жалеет, что не может осуществиться наш план, т.к. она сама приезжает в Москву.

Напиши, сколько стоит билет в Гжатск и когда мне выехать отсюда? Привозить ли тебе галоши?

Ну, пока сообщила все, разве только еще сказать тебе, что я ужасно тебя люблю, моя гулинька и крепко целую без счета раз. Ольгушка не спит сейчас (12-ть ч. ночи) и вздумала капризничать, но я ей показала розги и она умолкла сейчас же.

Еще раз целую крепко и иду спать. Прощай, моя радость!»

«Вязьма
27 Апреля 97

Дорогая ненаглядная моя женушка. Пишу тебе письмо это из Вязьмы, куда я сегодня утром приехал из Гжатска. Люлюша, как хорошо у меня на душе: приехал я в 9 $^{1}/_{2}$ час. утра и прямо в гимназию[8], там по случаю царского дня торжественная служба[9], два хора певчих из гимназистов и так хорошо, светло было на душе, думал о Вас мои дорогие... Нашел двух старых учителей, которые хорошо меня припомнили. «Уж если что-нибудь выкинуто, – значит Тидеман. Помните?» – спрашивал меня один из них. Рады были ужасно! Затем после обедни оказалось, что это все еще тот же батюшка[10] в Гимназии, у которого я – лютеранин был 1-ым учеником по закону Божьему. Не узнал я его благодаря его болезни, которая его страшно изменила, хотя по голосу всю обедню я чувствовал, что это тот самый. Обрадовался он, целовал меня много раз, просил тебе передать его благословение, хотя ты его и не знаешь, благословение также и дочке нашей Олюше, – плакали оба. Дурак ли я, или сентиментален – не знаю, но только и теперь у меня капают

Г. Вязьма. Мужская гимназия. Почтовая открытка начала XX в.

Михаил Иванович Тредиаковский, священник и законоучитель Вяземской мужской гимназии. Фотография из фондов Вяземского историко-краеведческого музея. 1904 г.

«8 класс Вяземской Александровской гимназии в 1893 году». Фотография из коллекции М.М. Ермолаева

одна за другою слезы на скатерть стола 1-го Вяземского трактира, где я прекрасно пообедал (куриный бульон и бифштекс). Не жаль пяти истраченных на поездку рублей – так хорошо на душе, и вы, мои дорогие, со мною в сердце и в мыслях. Как бы страстно, горячо поцеловал тебя моя радость, моя жизнь, как бы нежно поцеловал нашу дочурочку.

Ну что же Люлюша, написала ты мне письмецо, или нет еще. Приедешь ты ко мне, или тебе это неудобно.

Не могу больше писать, потому что кругом русский народ (хотя и почище), а потому самые отборные ругательства.

Итак, целую тебя горячо крепко и надеюсь, что, наконец, сегодня я прочту вечером от тебя весточку. Дома буду в 11 час. вечера. Целую детку.

Твой Саничка».

«27-го апреля 1897 г.

Миленький мой, золото мое, Саничка!

Я совершенно растерялась теперь без тебя, моя радость. Сегодня в 9 ч. веч. пришла эта дама, которая смотрела уже нашу квартиру и спрашивает меня, могу ли я освободить квартиру

Г. Вязьма. Торговая площадь. Почтовая открытка начала XX в.

к 30-му. Первое, что мне пришло в голову – это, что, значит, я не могу ехать к тебе, мое золото, не могу поцеловать твою дорогую мордочку! Но, ведь, надо пользоваться случаем и сдать, если берут. Теперь, положительно, не знаю, что насчет дачи – хотели сегодня дать вечером ответ, но не пришли и я ничего не знаю: взяли ли они или нет? Вообще, уже такие сосули, право! В Петров.-Разум. упустили дачу из-за 10 руб. Ведь, это даже смешно!! Господи! У меня голова кругом идет, как это мне все устроить; куда мне мебель девать, если они на дачу не поедут? Завтра утром пойду узнаю у них, как и что, и тогда уже надо будет решить, к ним ли мебель или отдать на сохранение в склад. Папа пришлет артельщика упаковывать посуду. Итак, голубок, мне, наверно, не придется побывать у тебя, хотя, может быть, я все же управлюсь кое-как и приеду все-таки.

Страшновато мне отдавать нашу квартиру, какую-то еще найдем; вдруг наскочим на холодную.

Думаю я вот как устроить: мебель и пианино отдам в склад, серебро все заложу за 10 рубл., ящики и еще кое-что попрошу в сарай к Вязмитиновым, а сама с Олей и Акулиной к своим, а там или на дачу, или квартиру искать. Уже, право, не знаю, хорошо ли я придумала. Если бы ты только знал, как мне тяжело без тебя, мой милый, добрый, заботливый муж и отец. Оличка сегодня три раза ходила со мною гулять, весела и кричит целый день от радости.

Пока кончу, а завтра сообщу, что сделаю утром. Пальто я не отдам, пока Ал. Вас. – Может быть, сама привезу. Целует крепко твоя жена, а также и дочурка.

Твоя Люкуша.

Как насчет денег, цыпка?».

«28-го апреля 1897. 12 ч. ночи

Дорогой мой, миленький Саничка!

У меня голова идет кругом!

Сегодня эта дама пришла, чтоб покончить насчет квартиры и переписать контракт.

Я послала Акулину к управляющему, чтоб попросить контракт, она вернулась без оного и сказала, что управляющий не позволяет переписывать контракт и вообще никакого дела, как с нами, он не имеет и не может иметь. Я сейчас же с этой дамой отправилась к нему, а он мне сказал: «Что переписывать контракт он не может и вообще никакого дела с передачей нашей квартиры не имеет и желает принять на себя, а чтоб уже мы делались с ними, как хотим, но деньги он будет взыскивать с нас, а не с них.

Вязмитиновы, конечно, ничего не сняли, не могли ничего найти, хотя Отто вместе с ними ехали и наняли дачу в Кускове[11], 6 комнат – 150 руб. Теперь уже отложил он попечение до 10-го мая – едва ли мы тогда что-либо найдем!?

Завтра будет ответ от моих съемщиков о том, могут ли они мне заплатить за 3 месяца вперед или нет. Если нет, то я, право, не знаю, как поступить: боюсь, не зная, кто они, рискнуть передать квартиру, чтоб не влететь и не заплатить самой за то, что они въедут. Радость моя, я так волнуюсь, сегодня так ревела, так скучно и тяжело мне без тебя теперь здесь управляться, что и сказать не могу, а, главное, я так обрадовалась, что поеду к тебе, а теперь вот на тебе! Я совсем потерялась без тебя, мой дорогой, милый Саничка. Иду спать, т.к. уже 1 час, а мне еще, Бог знает, что предстоит завтра. Узнавала насчет хранения мебели – это будет стоить очень дорого: 40 руб.

К.П. предложил поставить все к ним, я и воспользуюсь этим, а сама должна буду жить у своих, благодаря тому, что об даче и помину нет.

Нет уж, с такими сосулями связаться, не дай Бог.

Ну до свидания, моя радость, целуют тебя крепко твоя горячо любящая жена и дочь. Ах, если б я могла с тобой посоветоваться!»

«6-го мая 1897 г. 9 ч. веч.

Миленький, золотой мой Саничка!

Сижу у своих в столовой, Ольгушка спит, в уютно устроенной кроватке из кресел, в гостиной. Сегодня я с 1 ч. дня здесь

и останусь на ночь. Крошка наша гуляла целый день в саду и ужасно довольна, что не надо одеваться, в особенности, шляпу, чего она ужасно не любит. Она сегодня что-то все куксит, я думаю – не зубки ли у нее? Часов в 6-ть я побежала домой узнать нет ли от тебя весточки и так обрадовалась письму, что и сказать тебе не могу, а прочтя его содержание, так прямо восторжествовала.

Как Господь помогает нам, дорогой, ненаглядный мой Саничка.

Как, право, любезен Дреземейер. Дай Бог, чтоб ты только наладил с Кохом.

Вот пойду к старым Дреземейер – может быть, увижу его там.

Что же, разве ты не получил мое письмо в воскресенье, я нарочно в субботу вечером на вокзал ездила, чтоб ты хотя в последний день еще имел от меня известие.

Неужели правда, что мы в Харьков поедем? Тогда, значит, и квартиру не надо искать или это будет еще только в январе?

Я ужасно рада буду посмотреть Харьков, кажется, это очень хороший город?

Завтра, может быть, снесу твою посылку Алекс. Вас.

Вообще, я теперь скоро днем с Оличкой и Акулиной отправлюсь к alte[12] Дреземейер; только вот, сошью белый чепчик Акулине.

Оличка сегодня нарядилась первый раз в платье, я ей сшила голубенькое – ужасно к ней идет! Такая она хорошенькая в нем, просто прелесть.

Я так довольна, что у тебя все хорошо сошло, что даже не могу последовательно думать и поэтому лучше уже закончу письмо крепкими страстными поцелуями, тебе, мой родной, золото мое, ненаглядный голубок мой!

Мама и папа тебе шлют также поклон и поцелуи, а мама еще особо благодарит за поцелуй за 1-ое мая.

Крошка наша шлет тебе свои поцелуи с открытым ротиком и ужасно слушает и ищет тебя, когда я скажу: «Папа где? Папочка, поди сюда!» Ну, до свидания, радость моя, целую тебя, без конца твоя Люкуша.

Значит, мы не видались – ладно!!!»

«Сычевка 8 мая 1897 г.

Золотая моя цыпуша, Люка ненаглядная. Целую тебя, моя радость, и дочурочку родную.

Получил я сегодня твое милое письмецо, бесконечно рад ему, благодарю тебя и прошу писать каждый день твоему любящему тебя мужу Саничке. Сегодня сочинил такое грозное письмо в Контору, что просто беда, – попадет и Ал. Вас., но не могу иначе, очень небрежно набирают материал, – раскупориваю и нахожу совсем не то, что мне нужно... А что же я буду делать в Белом? Письмо писать? Почта ходит 2 раза в неделю, и потом жди, когда пришлют. Поэтому я их немного пугнул, чтобы и они поработали. Нет, знаешь, серьезно, довольно основательно письмо, только я должен был так сделать: здесь у меня тоже два дня пропало. Нельзя же так. Письмо 6 страниц, – и потому для тебя не осталось времени. Ну, да я в нескольких строчках скажу тебе, что я тебя люблю страстно горячо и целую тебя всю с пальчиков на руках и до пальчиков на ножках.

Г. Сычёвка. Общий вид. Почтовая открытка начала XX в.

Пиши мне про Ольгушу каждый день. Адрес: Город Сычевка Смол. губерн. Казенный Очистной склад инженеру Тидеману.

Со всеми очень поладил, ибо Леванда[13] их понауськал, взяли меня 2 акцизных к себе на квартиру бесплатно. Мои рабочие работают молодцами – радостно смотреть. Разыскал некоторых знакомых – все старушки – пью с ними чай. Каждый день думаю о моей радости, моей Люкуше и жалею, что она не со мной: тут еще лучше, чем в Гжатске.

Совсем здесь деревня; вечерком чудо-хорошо. Ну, зато, в Дорогобуже ты у меня неделю целую пробудешь.

До свидания, радость моя.

Целую тебя, Олюшу, папу и маму.

Твой навсегда Санька».

«8-го мая 1897 г.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Я вчера днем отнесла Алекс. Вас. тебе посылочку и узнавши от него, что задержка материала тебя, по крайней мере, на 2 дня задержит от работ – я почему-то решила, и у меня было такое предчувствие, что ты приедешь сегодня утром, отчего я даже и письма вчера тебе, моя радость, не написала. Сегодня утром лежу в постели и все жду, жду, что вот, вот звонок и мой миленький явится, но напрасно прождала я тебя, и письма уже второй день. Повестку, цыпка, получила, так что завтра получу деньги. Я все еще надеюсь почему-то, что, может быть, завтра ты приедешь, как хорошо бы было, пошли бы в сад «Фантазию»[14].

Мама сегодня рано утром пришла и тоже, говорит, думала, что ты приехал. Пошли мы с ней в Пассаж[15], она себе купила платье, мне подарила батисту на кофточку и Олиньке очень хорошенький белый капор. Какая она в нем миленькая!

Сегодня я очень много работала шила; какой шикарный чепчик Акулине смастерила, теперь, хоть, куда хочешь ехать можно. На этой неделе думаю пойти к Дреземейер.

Вязмитиновы еще все ищут дачу, но не могут найти. Я набралась храбрости и наотрез отказалась ехать с ним. Не знаю,

как они об этом рассуждают, но, тем не менее, просили тебе кланяться. Знаешь, Отто меня вдруг так сразу спрашивает: «А вы не ездили к мужу?». «Нет, – говорю, – только обрадовалась, что он приедет, а и то не выгорело!»

Говорит, что у них замечательная тишина в конторе воцарилась.

Больше, кажется, сообщить нечего, кроме только того, что я тебя страшно, ужасно люблю, и хотела бы задушить тебя просто поцелуями.

Не знаю, что же это два дня нет от тебя весточки, так скучно, дорогой мой, и я уже начинаю волноваться, не болен ли ты.

Хоть бы повидать тебя, мое солнышко, родной мой.

Дочка тебе шлет горячий поцелуй и говорит, что она пай; я же тебя целую горячо, крепко, страстно, бессчетное количество раз.

Твоя Люкуша.

1 ч. ночи».

«11-го мая 1897 г.

Золото мое, дорогой мой голубок!

Только что приехала от Бюрнье[16] из Останкина[17] (11 $^1/_2$ ч.н.) и нашла твое письмецо. Ты, может быть, удивишься, что я оставила Ольгушу дома и уехала, но у нее понос прекратился и поэтому я решила поехать проветриться. Как славно у них на даче, просто прелесть! Какая миленькая дачка (6 ком.) и сад и всего 140 руб., а Вязмитиновы до сих пор все ищут.

Теперь на неделе поеду с Акулиной, Дружком и Оличкой на ночь, а в квартире хочу оставить одну старушку, Акулина говорит, что очень честная, хорошая.

Знаешь, Саничка, Тагер[18] сказал, что менять Оле молоко нельзя, т.ч. гостить нельзя никуда ехать и вот я не знаю, как мне к тебе-то выбраться.

Еще схожу к нему и спрошу насчет этого.

Врать я согласна, только я не знаю, про какой понедельник ты пишешь, завтра или через неделю? Значит, первый раз

ничего не говорить, а потом рассказать: что вот, мол, в понедельник я была у Вас, а в среду муж приехал! Да, так? Только напиши мне, какого числа мне идти и какого ты приедешь, чтобы уж врать, так врать.

Денег у меня 20 руб. Завтра отдам за квартиру (35 руб. отлож.).

Завтра пойду готовую летнюю кофточку покупать 2 р. 50 – 3 р. 50 к., т.к. сама себе никак не соберусь сшить, а жарища непомерная. Очень возможно, что останусь без платья, т.к. у Сашенькиной сестры у детей корь и она мне прислала письмо, что не может придти.

Очень внимательно! Напишу тебе, когда останется 10 руб. Ольгуша сейчас проснулась, сидит у Акулины и смеется, когда с ней говоришь, кажется, ей лучше. Сейчас даже запела песенку. Она тебя крепко целует. Вот так-то у нас дела; жарища у нас страшная, клопов тьма, так что Оля спит в креслах. Сегодня в Останкино я ехала с чужим господином, ждали в линейке[19] очень долго, он предложил нанять извозчика пополам и мы поехали за 60 коп. Оттуда папа нанял за 1 руб., до них ехали втроем, а потом он довез меня до дому. Знаешь, дядя Макс был здесь у Андр. Андр., но ничего не вышло. Очень плохо у них!

Отчего в конторе получить 75 руб. Ну прощай, моя радость, целуем тебя крепко и много твоя Люкуша и Олюша.

Шарль и Надя шлют тебе сердечный привет, пили шампанским твое здоровье, моя радость».

«15-го мая 1897

Миленький мой, дорогой Саничка!

8 ч. веч. и мы только что пришли от Дреземейер. Очень милы и любезны и Оличка нагулялась вдоволь – целый день из саду не выходила. Я сказала старику, что ты еще один денек остался из-за меня, он сказал, что это ничего, пустяки и чтоб я поскорее ехала к тебе гостить. Осенью ехать придется в Харьков, только я не могла расспросить, т.к. он уходил из дому.

Madame была очень любезна и взяла слово, что я скоро опять соберусь.

Как ты только уехал, ко мне приехали гости и в ужасном опять количестве. Ольга всю ночь не спала, т.ч. я вчера совсем больна была – лежала.

Просто ужас, как плохо Оличка спит по ночам, она меня изводит совсем. В квартире оставалась Малашина родственница, я ей оставила чай и хлеб и дала 20 коп.[20], она, кажется, осталась довольна.

Теперь поеду к Наде на дачу.

Как же это ты пальто-то забыл? Не забыл ли и еще чего-нибудь, смотри.

Напиши, почему одного слесаря отправил в Москву.

Я купила себе башмаки, заплатила 4 руб. – правда, дешево? Взяла очень свободные, лучше уже на лето!

Пока все сообщила новое. Теперь буду ждать от тебя, моя цыпурка, письма, а пока скажу, что я тебя, моя радость, страшно, бесконечно люблю и целую, целую без счета.

Оличка все тебя ищет и тоже крепко целует, а также папа и мама.

Горячий, долгий поцелуй от твоей Люкуши.

Извозщ. 1.70
Кофе Чай на вокз. 40
Носильщ. 30
Билет 1.28
Извозщ. в гостин. 50
Завтрак 90
Извозчик по городу 1
Обед 1.50
Израсх. на театр 2 р.
Вечером чай 40
Извозчик 60
Завтрак 1 р.
Обед 1.40
Прохладит. 20
Счет гостин. 3.40
На чай 60
Извозчик 50

Билет 1.28
Чай на ст. Ярц. 30
За отправку письма 40
Извозчик Духов. 1.60

Поездка в Смоленск 21 р. 26 к.*».

«17-го мая 1897 года
10 ч. веч.

Сижу, пью чай, мой ненаглядный Саничка, дождь льет и так скучно, что тебя нет, мой соколик, солнышко мое, что просто страсть. Сегодня ходила на часок к Вязмитиновой, а то она уже второй раз приходила узнать, почему я не прихожу. В 6 час. пришла домой, дождик уже шел. Не знаю, Ольгуша чего-то сегодня опять куксит, погода ли или не здоровится. Ужасно много кричала целый день; в 8 час. я ее выкупала и вот она теперь спит; ела она тоже уже 2 бут. без аппетита, то полбутылки, а то так четверть.

Вязмитиновы все еще собираются на дачу.

Сегодня ты не прислал письма, верно, занят был устройством на жительство себя и своих младенцев? Ты, моя радость, тоже долго, только завтра, получишь от меня письмо, но знаешь, придя вчера от Дреземейер, я хотела попасть на вокзал, но пока я написала и не поспела бы уже к поезду, так и решила отнести собственноручно в ящик.

Сегодня еще одно дело сделала: вымыла Дружка; знаешь, он все ловит мух и заболел совсем – ничего не ест и все рвет его.

Вот у нас и испортилась погода, как видно, надолго дождь заладил.

Буду ждать завтра от тебя письма более подробного, напиши, что старик, не писал ли тебе о Харькове.

---

* Подсчет расходов не имеет отношение к тексту письма, он написан др. подчерком, предположительно А.Г. Тидемана.

Пока закончу письмо крепкими, страстными поцелуями и признанием в моей горячей, бесконечной любви к тебе, мое золото, родной мой Саничка.

Крошка наша тебя крепко обнимает ручонками и целует.

Покойной ночи, гуличка моя, милый, дорогой, ненаглядный мой Саничка.

Господи! Как сильно, ужасно я тебя люблю.

Крепко целую милую шейку твоя Люкуша»

«Москва 18-го мая 1897 г.

Миленький, золотой, дорогой, ненаглядный мой Саничка!

Первым делом обняв, крепко, горячо целую тебя, моя радость, и деточка твоя тоже.

Сегодня очень обрадовалась, получив от тебя, родной мой, весточку. У Ольгуши опять открылся понос, я дала опять касторки, ее хорошо прочистило и теперь вот не знаю, что будет. Она мне делает большие заботы с ее желудком. Думаю, уж не больна ли корова, да они не говорят, иначе, как от молока, не может быть, т.к. я не ем ничего зелени. Вчера я ее выкупала и она ночь хорошо спала до 6-ти час. утра. Утром и куксила, и бодрилась; посылала гулять в сад, а сама стряпала: варила бульон и котлеты. Как жаль, что так далеко, а то бы послала тебе покушать, все очень вкусно было, а ты вот, бедный, Бог знает, что там ешь. Пекли булку домашнюю.

В 4 час. я прошлась с Дружком к нашим, отец простудился тогда в Останкине – страшная лихорадка. В 7 час. пришла домой и вот до сих пор (10 ч.) занималась с Олюшей; играла ей на пианино, ходила, пела, а она все хныкает; теперь слава Богу, заснула – не знаю, надолго ли.

Когда шла в слободку, видела Дреземейеров, должно быть, в Сокольники ехали. Что Кох белокурый? С ним ехал какой-то господин. Ты спрашиваешь, все ли я купила? Пока только сапоги. Мама видела Сашеньку и она сказала, что у них корь совсем прошла и что она, не смотря на массу работы, и мне, и маме сделает к Троице[21] платья. Видишь, теперь, значит, надо деньги на платье накопить.

Денег у меня: большой золотой, Олин золотой и два руб. Еще Акулине не отдала. Больше, кажется, сообщать нечего, а потому я закончу и лягу скорее спать, пока Оля спит.

Всего хорошего, моя радость, дай Бог тебе хорошо работать и окончить поскорее.

Целую крепко, много, много раз твоя Люкуша и Оличка.

Мама и папа целуют».

«Москва 20-го мая 1897

Миленький, дорогой мой Саничка!

Ждала сегодня от тебя письмеца, но напрасно, хотя ты сам обещал, что сегодня будет. Я сегодня ходила к Мюру[22] за почтовой бумагой и конвертами. Купила Ольгуше кольцо и избегала все игрушечные магазины, все искала белого зайчика, хотела ей купить, да не нашла. Ведь, вчера ей исполнилось полгода, так я и хотела ей игрушку подарить. Вчера она вдруг начала кричать: «Дя-дя-дя-да-да!» и ручонками фокусы выделывать. Как бы она не раскапризничалась, только стоит сказать: «Папа, миленький папочка, поди сюда с розгой!» – сейчас же умолкает и озирается вокруг, все ищет тебя.

Теперь я ей шью панталончики и длинную юбку.

Твое pince-nez[23] отдала, сделают новую половину, взяли за это рубль и будет готово в субботу.

Была у Иверской Божьей Матери[24], помолилась, чтоб у тебя все хорошо кончилось.

Не знаю, что Вязмитинов завтра именинник или нет?

Знаешь, я теперь пеку дома белый хлеб, а сегодня и квас сделала, не знаю, как этот удастся. Жаль, что ты не можешь поесть нашего домашнего хлеба – очень хороший вышел прошлый раз.

Дорогой мой, как скучно без тебя, просто ужас! Как я тебя люблю, ненаглядный ты мой!

Крепко обнимаю, целую, целую без конца по-бутырски[25] и заканчиваю письмо.

Будь здоров и пиши, пиши твоей Люкуше, а то так скучно! Оличка тебя обнимает и целует, а также мама и папа, но, все же, мой поцелуй пусть будет последний, твоя любящая жена».

«27-го мая 1897 г.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Я не писала тебе эти дни, т.к. была в гостях у Нади и в Малаховке.

К Наде я поехала с Оличкой, Дружком и Акулиной в воскресенье в 1 ч. дня; Ольгуша всю дорогу не спала, смотрела по сторонам, а туда приехала, увидела все чужое и чужих, сделала такие ужасные грибы и заревела. Гуляла в саду целый день, заснула час. в 8 и спала до 12-ти, потом поела и спала до 5 ч. утра. Акулину в 9 ч. веч., когда Оличка заснула, я усадила на линейку, т.к. боялась оставить ночь квартиру, да и молоко надо было кипятить в 6 ч. утра, а сама осталась на ночь, а в понедельник с мамой в 10 ч. утра поехала домой. Папа и мама в воскресенье, ведь, тоже там были, просидели до часу ночи и отправились домой, но должны были вернуться ночевать, т.к. ни одного извозчика не было. Вчера я приехала домой, позавтракала и стала собираться на 3-х час. поезд в Малаховку, вышла из ворот, смотрю – туча ужасная, совершенно черная в той стороне, я вернулась, разделась и решила не ехать в такую погоду, села шить вдруг погода опять совершенно разгулялась, я опять живо (в 10 мин.) оделась и поехала к 4-х час. поезду. Приехала туда, Анна Егоровна, оказывается, весь день, к каждому поезду ходила меня встречать (ходьбы минуты 3 до станции), а на этот поезд как раз не пошла, решив, что я не приеду. Очень обрадовалась она меня, только жалела, что не с Оличкой и не на ночь.

У нее уже живет акушерка, такая милая, симпатичная особа, что я просто влюбилась, гораздо симпатичнее Елизаветы Васильевны. Она ожидает числа 10-го. Павел Михайлович приехал в 8 ч., мы уже отобедали, знаешь, он говорит, что в Харьков тебе надо ехать только недель на 7-8. Хоть бы выяснилось это дело, а то, как нам поступать с квартирой. В 10 ч. веч. она и акушерка меня усадили в вагон с большой просьбой, чтобы я навестила их, а она обещала дать мне знать, как только можно будет приехать навестить Анну Егоровну. Очень милы и радушны были все со мною.

Сегодня была Сашенька, взяла платье и в субботу будет готово. Иду сейчас после обеда (3 ч. дня) в городе транжирить твои денежки, золотой мой добренький Саничка! Отпишу тебе подробно, что куплю потом, а теперь отошлю письмо. Всего хорошего, скорого окончания твоего дела. Оличка крепко целует, мои тоже, а я так прямо душу тебя своими поцелуями».

«г. Белый
28/V 97

Дорогая разлюбезная моя супруга ненаглядная, милая Люкуша; во первых строках этого письма приношу тебе мое извинение за то, что не писал тебе вчера по прибытии моем в Белый, но это только лишь потому, что по вторникам отсюда почта не уходит. Писал я тебе, что чуть не проспал Гжатск, да Леванда, спасибо, такой догадливый. Затем, по прибытии на ст. Ярцево в 1 ч. 30 м. ночи я до 6 выспался и к 9 час. прибыл на склад в Духовщину. Там оказалось уже все оконченным. Нанял я лошадей: 4 под слесарей, 3 под инструменты и для себя пару; вечером побыл на музыке, поглядел, как провинциалы прыгают под отвратительную музыку на еще более отвратительном

Г. Духовщина. Смоленская улица. Почтовая открытка начала XX в.

дощатом, плохо сколоченном помосте; а на-утрие, написав тебе крохотную цидулечку, двинулся в Белый: слесаря в 6 час., а я в 9 утра, запасшись булками, колбасой и сыром. Через два часа и догнал свой отряд, сидевший за завтраком, перекусил и сам и отправился дальше в 12 час.

В 2 часа прибыл в село Пречистое[26], откуда отправил опять тебе весточку. Так я по тебе скучал этот переезд, просто беда, – хотелось мне, чтобы ты могла со мной проехать! Да, увы! Все же один двинулся в путь в 5 час. вечера и ехал до 9 вечера.

С 9 до 12 ямщик кормил лошадей на лугу, с 12 до 2 спал, я же с 10 до 2. в 2 выехали и в 6 час. утра прибыл я в город Белый. Какой это миленький городишко – прелесть: много каменных домов, красивая река[27] (получше куда Гжатской[28]), хороший мост, 5 церквей[29], кондитерская[30], парикмахер, контора нотариуса[31], частный поверенный, хороший клуб[32], здание почты. Около города есть вал, на котором раскинут недурненький садик, с беседок которого прекрасный вид на весь город, на окрестные луга и нивы с деревушками; на теряющуюся вдали речонку. Есть мужская 6-классная прогимназия[33], духовное 6-кл. училище[34] и 4-х классная женская прогимназия[35]. Словом, город хоть куда, да и люди есть,

Г. Белый. Городской вал. Почтовая открытка начала XX в.

не то, что Чертовщина[36], где за все мое пребывание ни одни человек из служащих не пригласил на стакан чаю. (Впрочем, против одного погрешил – фон Штейн[37] был мил и любезен). Здесь же все очень любезны; в первый же день был приглашен к завтраку к одному, а к чаю к другому. Остановился я совсем против склада, мои рядом в доме. Вчера вечером был в садике на музыке: здесь 3 раза в неделю играет оркестр – 14 человек.

Сегодня такой здесь холод, что я в синей и в пальто мерзну – сильнейший ветер, небо покрыто свинцовыми тучами: того и гляди, снег выпадет. Что-то ты поделываешь – письмо я могу получить от тебя только еще завтра, ибо почты сегодня к нам нет, но зато сейчас закончу и пойду не почту, чтобы тебе послать скорее мои уверения в горячей любви, уважении и дружбе, а вместе с ними и массу горячих страстных поцелуев, из которых ты выберешь несколько и передашь Олюше. Поклонись и поцелуй папу и маму. Пиши побольше про себя и про Олю, – есть ли надежда ожидать тебя видеть в Дорогобуже. Как обидно будет, если нет, я прямо не представляю возможности такой, – так я свыкся с мыслью, что мы будем в Дорогобуже вместе.

Твой горячо любящий и нежный и ласковый Саничка.

Поцелуй дочурочку и пиши».

«30 Мая 97
г. Белый

Как я вчера волновался, не получив от тебя письма; ждал с замиранием сердца почтальона, когда же он не принес, побежал я сам на почту смотреть, нет ли до востребования – и там не оказалось – ведь, это 6 дней без весточки, дорогая моя.

Ну, теперь я покоен – все, слава Богу, хорошо у тебя; насчет Харькова мы разъясним вскорости, – ты не волнуйся.

Работы у нас идут успешно, люди здесь симпатичные; погода поправилась совсем, а то 2 дня было так холодно, что я в теплом пальто мерз. Жаль, цыпуша, что Белый не стоит на месте Дорогобужа и ты не можешь его повидать – хороший

Г. Белый. Большая Смоленская улица. Почтовая открытка начала XX в.

городишко. А что же, свидимся мы? Я думаю быть в Дорогобуже на станции 8-го числа, так что, вероятно, и тебе придется выехать 8 или 9 с курьерским II класс[38], а то в почтовом будет очень тесно, а в пассажирском очень долгий путь, – впрочем, ты обдумай и напиши мне, – на пассажирском лучше всего, можно отдельное купе достать, сунувши 1 рублевик кондуктору, – и поезд приходит в Дорогобуж часов в 11 утра, а почтовый 7 час. утра и курьерский ночью.

Думает ли мама приехать? Няньку-то мы там достанем в городе.

Работы у меня затянуться на 2 недели, но я буду переезжать из Дор. в Ельню и обратно, и оставаться по 2 дня на каждой стройке. Пока благодарю тебя за твои горячие поцелуи, отвечаю на них вполне и люблю тебя, моя ненаглядная. Будь здорова ты и дочурка, которую я крепко, нежно целую.

Привет и поцелуй папе и маме. Твой тебя любящий Санька».

«Воскресенье 1 Июня
Г. Белый

Милая моя Люкушенька, ненаглядная женушка; огорчен я был, не получив от тебя вчера письмеца, а сегодня еще больше огорчен, получив таковое...

Что же ты это, моя радостная, плохо так ведешь себя без меня, – что же это такое жаба? Горловая болезнь? Или простуда? Поправишься ты к пятнице? Сходишь к Тагеру, расспроси – как он думает насчет поездки и какие предварительные меры принимать, в случае, Олечка занеможет. Уж, разумеется, Дорогобужскому доктору ее не понесем, – хотя, Бог даст – это и не понадобится.

Милая моя цыпочка, пиши мне хоть на открытых бланках[39] по два словечка, только не оставляй меня без известий, особенно теперь, когда ты больна, а то я измучусь... Я тебе писал уже, что предполагаю твой отъезд из Москвы назначить на пятницу вечер, если, конечно, Господь даст, вы все будете здоровы: я надеюсь!

Успеешь ли ты со своими сборами? Мне бы это очень хотелось, чтобы из Дорогобужа не ехать на станцию назад для встречи, а сразу уж и ехать вместе. Как ты думаешь?

Миленькая моя, добрая Люкуша – что-то ты сегодня поделываешь? Ты пишешь: «В субботу можно будет встать...» Встала ли ты? Как сегодняшний день проводишь, радость моя, моя жизнь...

Завтра и послезавтра буду с нетерпением ожидать от тебя известий, – в среду почты нет, в четверг, если еще получу, а то уж в 10 часов утра в четверг 5-го я выезжаю в Духовщину, где думаю пробыть 1 день, и в пятницу в 3 часа выехать из Ярцева во Гжатск, куда приеду в 11 час. вечера; переночую у Леванды, посмотрю утречком рано в субботу работы на складе и к поезду, на котором ты будешь, прибуду на вокзал с Левандой, чтобы с тобой вместе путешествовать дальше до Дорогобужа. Так что, благодаря этому, я и хотел бы, чтобы ты выехала с пассажирским в 11 час. вечера в пятницу, тогда я тебя на $^1/_2$ дороги встречу. Поезд этот, хотя и дольше идет, но зато ты можешь

купе достать рубля за 2 и 1/2 дороги со мной проедешь. Ведь, хорошо? Я нарочно ради этого хочу и во Гжатск ехать, чтобы тебя встретить. Последнее письмо пиши в Белый в понедельник вечером или вторник прямо на вокзале, а то оно меня уже не застанет в Белом.

Люблю тебя, моя золотая. Сегодня, точно чувствуя, что тебе нехорошо, встал к ранней обедне и горячо молился за Вас, мои две Олечки. – Целую Вас крепко, горячо, надеюсь, Господь даст вам здоровья, а мне радость с вами свидеться.

Поцелуй папу и маму.

Тебя целую без счета.

Твой любящий тебя Сенька.

Жду письма».

«2-го июня 1897 г. 8 1/2 веч.

Золото мое, ненаглядный мой Саничка!

Получила я твое письмецо, где ты спрашиваешь, что я поеду тоже куда-нибудь веселиться в Троицу.

Теперь уже ты знаешь, что я просижу эти праздники дома, да еще волнуюсь об Оличке.

Вчера мои тоже, конечно, никуда не поехали и обедали у меня – были блины и я все только об тебе, моя радость, мой соколик, думала.

Вечером Оличка вырвала всю бутылочку, что покушала, я, конечно, ужасно взволновалась, у отца сделалась лихорадка, одним словом, просто беда!

Сегодня утром мама поехала к Тагеру, швейцар сказал, что он сегодня обещал в 3 ч. быть на квартире, мама оставила письмо, но его не было, значит, завтра утром будет. Сегодня она немного веселее, но понос водой так и моет ее. Хоть бы она поправилась – неужели нам не придется увидеться в Дорогобуже! Что-то завтра доктор скажет.

Я сижу с закрытыми окнами и форточками.

Мои тебя крепко целуют – можешь себе представить, как это приятно.

Чувствую себя совсем уже хорошо, только очень осторожна с горлом. Нервы, конечно, не в блестящем порядке, да это и странно бы было требовать. Ольгуша заснула теперь и я тоже сейчас лягу, а то скучно невыносимо и только будешь плакать, а я буду умница и лягу спать. Мама недавно приходила второй раз проведать.

Ну, цыпка моя, крепко, страстно тебя целую много, много раз и крошка наша тоже. Будь здоров, люби нас, твоих горячо тебя любящих больнушек».

«3-го июня 1897 г. 6 ч. веч.

Милый, дорогой мой Саничка!

Письмо твое я получила и вот что могу ответить пока: Тагер был сегодня, прописал ей 12 порошков через 2 час. давать и тогда, если не будет лучше, приехать к нему с ней показать. Ехать разрешил. Сама я себя чувствую хорошо и думаю, если Бог даст все хорошо, поспею сделать это, как ты просишь. Все же, почему ты не пишешь мне, до какой станции брать билет: я не знаю, Ярцево или Духовщина, или еще как-нибудь.

Не знаю, придется ли мать уговаривать, т.к. у них ломка страшная – полы и накаты новые делают.

Итак, значит, если ничего худшего не будет, постараюсь все сделать и выехать в пятницу в 11 ч. вечера, хотя, положительно, из головы вон, какая станция?

Думаю, еще напишу тебе на станцию Гжатск.

Сегодня, вот, попробую выйти, отвезу письмо на вокзал.

Оличка очень веселенькая сегодня, слава Богу, поет песни на всю квартиру. Я даю ей молоко с овсяным отваром и доктор сказал, что ничего, можно давать. Животик ее тоже лучше, хотя и слабит еще, но гораздо реже.

Ну, пока, закончу письмо и поеду, пока еще солнышко.

Значит, если ничего худшего не будет, я выезжаю в пятницу, а то дам телеграмму.

До скорого, значит, свидания, моя радость, мое золото, ненаглядный мой Саничка. Мои тебя целуют.

Крепко, бессчетно целуем тебя твои миленькие».

«Милая моя женушка, дорогая Люкуша.

К крайнему моему огорчению, письмеца я не получил от тебя, завтра и подавно не будет, ибо почта закрыта по случаю праздника. Завтра думаю на дачу отправиться к акцизным чиновникам в гости.

Здесь все приготавливаются к Троициному дню, украшают дома березками, пол посыпают осокой. Завтра все уходят гулять в поле. Вероятно, и ты, моя цыпуша, поедешь куда-нибудь на дачу. Желаю от души тебе удовольствия. Хоть бы поскорей время прошло до Дорогобужа.

Тебе придется, моя радость, ехать на пассажирском, что идет в пятницу вечером 11 час. и приходит в 1 час дня. Я только к этому времени прибуду в Дорогобуж и встречу тебя. Подробнее сообщу в следующем письме.

Что делает наша деточка? Здорова?

Да я писал тебе, кажется, что ты должна рассчитывать 2 недели погостить у меня, но не меньше уж 12 дней.

Заканчиваю письмо как всегда горячими поцелуями, лучшими пожеланиями и признаниями в любви.

Целую крепко деточку нашу родную, папу и маму, да так и быть уж, кстати, и тебя, моя радостная.

Любящий тебя твой Санька».

«гор. Ельня См. г.
23 Июня 1897 г.

Дорогая женушка, милая, ненаглядная Люкуша. Надеюсь, ты доехала удобно и благополучно, и теперь с любезною дочерью нашею здорова и довольна; скучаешь только, да зато слаще встреча будет... Правда, Люкуша? Ты, конечно, уже отписала подробно свое путешествие и прибытие домой. Не знаю только, когда я получу твою радостную весточку, ибо я завтра во вторник 24-го в 4 часа выезжаю на ст. «Починок», откуда Голубев в Поречье, а я в Рославль на 2 дня, а через 2 дня на 2 дня тоже в Поречье и затем назад в Рославль, куда приедет

ко мне и Голубев, окончив работы. Погода стоит здесь отвратительная, дождь проливной; грязь непролазная в городе; вообще мерзость – хочется в Москву поскорее, а то скучно мне без тебя, радость моя.

Теперь, дорогая моя, большая у меня к тебе просьба: сходи, как свободна будешь около 2 часов к папе и попроси его сходить к Швабе[40] и купить там золотое pince-nez со стеклами № 20, оправа посолиднее и размер побольше (по прилагаемому чертежу видишь размер стекол без оправы); зажим носа, как и на моем pince-nez, внутрь к глазу.

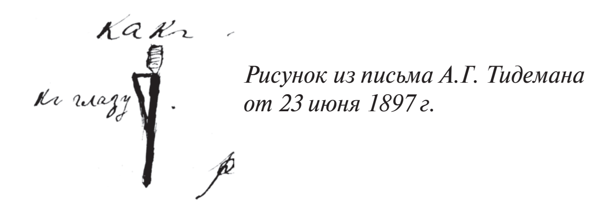


Рисунок из письма А.Г. Тидемана от 23 июня 1897 г.

Поторгуйтесь и купив таковое pince-nez, вышли его, моя цыпочка, по адресу: гор. Ельня Смол. губ. Семену Егоровичу Г. Бобылеву Заведующему Казенным очистным складом вина. (Пошли это посылкою). Сделай мне это одолжение и попроси папу, ибо господин этот чрезвычайно симпатичный, со мною очень любезный и который оказал мне большие услуги в работах моих. Деньги отдам папе по приезде моем в Москву.

Кроме того, еще одна просьба для него же: спроси у папы 2 лучшие фирмы или 2 магазина, но не очень дорогих, писчебумажных принадлежностей с их адресами и потрудись, душечка, прогуляться до этих магазинов и спроси их прейскуранты, а затем вышли их по тому же адресу Г. Бобылеву или попроси прямо из магазинов отправить пр. кур. по адресу.

Если вы вдвоем выполните мою просьбу ту и другую, то окажете мне большую любезность и я вас крепко расцелую по лишнему разу по приезде в Москву.

В ожидании от тебя весточки остаюсь твой искренно тебя любящий – твой Санечка, который жаждет тебя видеть, целовать и глядеть на тебя.

Поцелуй папу и маму.

Что деточка наша? Целую ее горячо, нежно, пусть почаще вспоминает папу. А ты любишь меня, моя ненаглядная? – А я тебя?

Шлю тебе свою любовь, привет и лучшие пожелания.

Твой Санька. Надеюсь, исполнишь мои просьбы.

Письма адресуй в Рославль.

P.S. Выпили мы тогда мадерцы[41] с Самплонским, сел я почтовых в 11 $^1/_2$ и в 7 $^1/_2$ прибыл в Ельню, причем, просыпался только при пересадках».

«23-го июня 1897 г.

Миленький, ненаглядный мой Саничка!

Вчера не написала тебе, т.к. закутила совсем, а потом все равно только сегодня бы ушло, так я уже лучше отвезу на вокзал. Доехали мы отлично, Оличка спала хорошо и никто нас не беспокоил. Здесь нас встретили папа и Акулина. И папа угощал нас обедом в Эрмитаже[42], т. что велел мне к 2-м час. быть там. Домой я приехала, стол был накрыт к чаю, только самовар поставили. Все вымыто-вычищено, все салфеточки белые, капоты, юбки черные. Дружок мне от радости чуть нос не откусил.

Сделала молоко Оличке, собралась и поехала в Эрмитаж. Там были Шарль и Надя, уютно пообедали все вместе, много пили за твое здоровье, а папа даже на 6 персон велел накрыть, забыл, что ты не приехал. Потом поехали на дачу к Бюрнье, а затем в первом часу вздумали к Яру[43]. У нас была взята на весь вечер парочка (воробушки), а они нашли в Останкине лихача. Приехали туда, а там народу тьма тьмущая – благодаря вчерашнему «дерби», между прочим: давали за 19 руб. – 325 руб. – здорово!!

Мы потолкались, постояли и, наконец, поймали стол. Концертное отделение скоро окончилось и был опять дамский оркестр. Вернулись домой около 3-х час. Весь вечер я вспоминала тебя, моя гулька, моя радость, как я жалела, что не с тобой.

Вчера отдала жалованье Акулине, которое мы упустили совсем из виду; сегодня она ходила со двора и вот только что пришла, а теперь уже 9-ый час, и поэтому я так спешу писать.

Прачка была, выругала ее и дала только рубль вместо трех.

Оличка ничего, слава Богу, веселая и целует тебя крепко.

Будь здоров, голубок, не скучай, пиши твоей Люкуше, которая тебя горячо, страстно целует всего, всего, дорогой мой, золото мое.

В среду Надя придет навестить свою крестницу, я звала ее к обеду.

Ну еще раз крепко обнимаю и целую».

«24-го июня 1897 г.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Сегодня думала получить от тебя, радость моя, письмецо, но не было оного, должно быть, тебе некогда было, все же скучно, хоть бы завтра получить.

Сегодня я собиралась со своей ордой к маме в сад с утра, но шел дождь и мы остались дома; после 3-х час. погода разгулялась немного и в 5-ть мы отправились туда, погуляли, попили чайку и в 9-ть час. пришли домой. Оличка по дороге уснула, я проводила их домой, раздела ее и пошла к Вязмитиновым узнать, где они берут молоко. У нашей молочницы стало ужасно гадкое молоко, Оличка очень неохотно ест его, почти всегда оставляет, а в Дорогобуже-то как ей вкусно было!

Они очень рады были, у них гостит сестра А.А. Рассказала, что у Ольгушки зубы, у Коли еще нет и он не сидит еще.

Жара, духота у них в квартире еще хуже нашей и окна не открывают, т.к. он боится простудиться!

Оличка говорит «папапапа» и «ма-ма-ма-ма»! Такая милушка она, просто прелесть.

Голубок мой, как скучно, нехорошо без тебя, хоть бы поскорее ты вернулся домой! Цыпурочка моя, сердит ты что ли на меня, что не пишешь или тебе некогда?

Любишь ли ты меня по-прежнему? Золото мое, как горячо, как бесконечно я люблю тебя, жизнь моя, мое счастье!

Мои тебя горячо целуют, Вязмитиновы шлют привет. Мы же с Оличкой, обняв тебя крепко, целуем горячо много, много раз.

Твои любящие жена и дочь.

P.S. Между прочим, сообщу тебе, что расходы у меня уже порядочные: Акулине 7 руб., водовозу 1 руб., прачке 3 р. 30 коп. и на харчи[44] и мелкие расходы 3 р. 11 к. За квартиру заплатила и Джимми еще не отдала.

Воспользуюсь еще раз поцеловать тебя хорошо, по-бутырски и закончу письмо.

Твоя бесконечно любящая Люкуша».

«Рославль
25 Июня 97

Дорогая Люкуша.

Спешу тебе сообщить, что прибыл благополучно в Рославль, миленький городок. – Только, как и всегда, в конторе беспорядке!!! Кроме труб нет ничего! И сколько дней пробуду без работ – не знаю. Грустно, – но зато больше времени о тебе думать, моя радостная Люкуша.

Пока от тебя письма не имею – и ничего не знаю.

Сейчас уходит поезд.

Прощай цыпочка, радость. Целую дочурку и тебя крепко, крепко. Твой Санька».

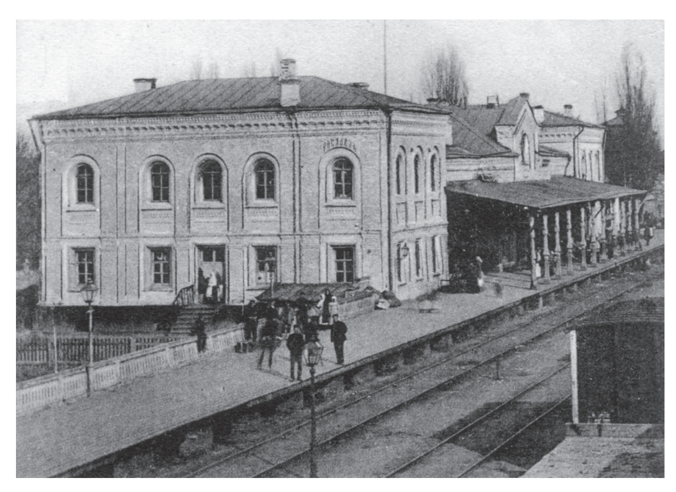
«гор. Рославль 26 Июня 97

Дорогая цыпочка, радость моя, женушка ненаглядная, милая Люкуша.

Еще только 5-ый день как я без тебя, моя дорогая, а кажется, будто месяц тому назад я видел тебя, – тянется время ужасно, несносно, а особливо эти два дня без дела в Рославле, а сегодня, кроме того, с 4 часов зарядил дождь и вот теперь уже 11-ый час, а он сабе дует да шабаш. Поместился я в первоклассной гостинице[45]: за неимением свободных номеров пришлось взять единственный предложенный в мое распоряжение – это № 1 за 2 рубля в сутки. Вот уж драть то умеют – цены почище московских или петербургских. Зато, правда, комната хо-

роша, – на улицу, с балконом, мягкою мебелью... Ах, радость моя, нет тебя со мною! Хозяйка гостиницы – немка содержит буфет на вокзале. Вокзал, кстати сказать, прелесть какой симпатичный; это там я тебе писал вчера несколько строчек «на курьерском», чтобы успеть написать письмецо до ухода почтового поезда. Так вот эта самая хозяйка второй день уже кормит меня, прелесть как!» О бурачках и котлетах и помину нет. Борщ, как ты его делаешь и бифштекс – вчера, бульон в чашке и 2 рябчика – сегодня, – каково меню? Только с непривычки пустовато в желудке, и вечером «дуже йись хоцца», так что вчера на вокзале пирожков поел да чаю заодно уж с булочкой. Сегодня же в 5 час. попросил дать мне кофейку и дали 2 стакана такого кофе – чудо! Только когда ты мне готовишь – он лучше бывает, а то прелесть!!!

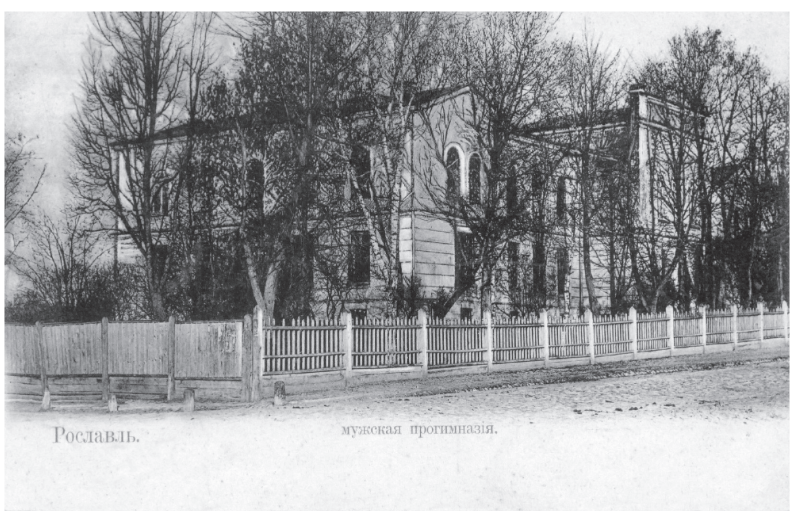
А все же и сегодня «йись хоцца», – чаю дали пустого. Спросил себе молока с черным хлебом, а пока сел писать тебе сию писулечку (от слова писать, конечно, а не писать). Да, Люлюшенька моя ненаглядная, жаль, что ты не в Рославле у меня была, куды лучше бы было! Тут и извозчиков штук полторасто есть, – хотя, по правде сказать, гулять-то, пожалуй, и негде бы было, – садики есть да неважные по части зелени, да и переть-то



Г. Рославль. Здание железнодорожного вокзала.
Почтовая открытка начала XX в.

(извините за выражение) до них далеко по мостовой. Вообще же город симпатичный; стоит и полк здесь, Невский 1-ый[46] и гимназия[47] есть и всякая штука (т.е. всякая ли, – не знаю, это уж я заврался!). Ходил сегодня на почту – ждал от тебя письмеца, да нет, где уж – сам напутал: письма-то в Поречье, а вот, разве Ельнинское одно перешлют мне сюда. Завтра толкнусь снова. От тебя письма нет, хоть бы Дреземейер деньгами утешил, да как бы ни так! Сижу и без денег и без работы. Поеду с горя завтра в ночь в Поречье поглядеть, делает ли хоть Голубев-то что-нибудь; – тому отдал последние деньги, да и то не знаю, выпутается ли: велел уже ему призанять в случае чего: Да! Порядку все же мало... Если помнишь, Павлуша мне писал: «На днях уйдут последние 17 батарей (вертикальных) для Рославля – трубы и соединения уже там. Если бы это было так, то я отлично мог бы работать здесь, а дело-то в том, что, кроме труб нет ничего, – склеивай эти трубы хоть слюнями. Безобразие... Безобразие... Запоешь с горя.

Заведующий в Рославле оказался знакомый – неделю тому назад переведенный из Гжатска. Здесь почти все уже кончено, т.е. и электричество уже проведено, так что меня с моими



Г. Рославль. Мужская прогимназия. Почтовая открытка начала XX в.

трубами никуда не пускают, а несчастный этот калорифер – камень преткновения во всех складах – здесь и совсем негде поместить. Телеграфировал М. Дреземейеру: «Необходим приезд господина Кох Рославль этих днях». Не знаю даже, приехал ли он вообще из-за границы, а то прискачет Павлуша, а толку «из эфтаго не выдеть». Отослал сегодня 2 отчета – о Дорогобуже и Ельне, благодаря свободному времени; прочел почти половину французской книги, сидя у раскрытых дверей балкона (кстати сказать: балкон, должно быть, будут устраивать заново, а потому он теперь настолько разобран, что можно сказать – он не существует вовсе, так только балочки лежат). Дождь лупит вовсю, а вовсю хочу обязательно дописавши этот листик, закинуть его на почту, так $^1/_2$ версты[48], примерно; – хотя «пужаться не след», – все время ездят извозчики – движение, что на Невской першпективе в Питере. Не отправлю – завтра, наверно, просплю и, моя радость, моя ненаглядная женушка останется без Саничкиного горячего страстного поцелуя на целый день. А потому я хочу, чтобы этот горячий Бутырский поцелуй, хотя и заочный, сказал тебе еще сегодня, как я тебя люблю, цыпа моя, ласточка, милая… После «Бутырского» целую тебя всю, всю… и родинку на животике твоем, и ножки твои аппетитные, и то местечко на одной из них (на левой), которое я впервые поцеловал в доме Казаринова[49], моей дорогой невесте.

Да, Люкуша, люблю я тебя, люблю бесконечно и не «пока», а навсегда, навсегда… пока я только дышу… я дышу тобой и для тебя, – люблю я тебя больше всех, больше Ольги, больше себя. Ты мое счастье и твоим счастьем я жив. Господь нам поможет, а мы будем постоянно благодарить Его за милость Его на нас. Хорошая ты моя, родная… Скучно мне без тебя… Будь ты со мною сейчас, я бы так тебя прижал к себе, так бы поцеловал тебя, что ты поняла бы, что я достоин любви твоей, если не как человек, то за любовь мою к тебе, Люкуша. И так мне хочется, чтобы ты любила, любила меня, так мне хочется ласки твоей всегда, всегда… Не уходить бы от тебя никогда, никогда. ну дай я тебя еще раз по-бутырски поцелую, обниму, прижму, скажу еще, что я люблю тебя горячо, нежно, страстно, что я твой, твой… А затем и кончать письмо пора, снести его нужно…

А «дож идет». Ну, пиши мне, родненькая моя, в Рославль все время, пока не отпишу другого адреса. Крепко надеюсь, что вы все, мои радостные, здоровы, счастливы и думаете о Вашем «ми»леньком Саничке. Жду с нетерпением твоего письмеца. Завтра напишу в контору, чтобы 30 июня тебе вручили 100 рублей. Начала поиски квартиры? Не видала еще Джимку? Смотри, отпой ему хорошенько, тем более, что я его предупреждал о невозможности скоро уплатить. Поцелуй Ольгушу нашу родную – все же я люблю сильно деточку нашу, а тебя больше и больше всех, как и ты меня. Привет и поцелуи папе и маме и еще один на твою долю, конечно, самый горячий, так что прежде подуй на него, чтобы не обжечься.

Твой любящий тебя Саничка».

«27-го июня 1897 г.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Сегодня получила я от тебя, родной, два письма зараз – одно от 24-го, другое от 25-го числа. Ты пишешь опять насчет размера pince-nez, а для какого зрения опять не пишешь. Что же это из конторы опять ничего не высылают, какое безобразие, право!!

Я сегодня собиралась к Поликарповым[50], но погода что-то не очень приветливая была и мы решили не ехать, а поехали к Тагеру. Он очень обрадовался, что у Оличке зубы вообще сказал, что она получала, должно быть, хорошее молоко и очень поправилась, совсем замоскворецкая купчиха стала. Велел ей давать два раза в день манную кашку и в обед немного бульону. Через неделю в бульон подмешивать сырой желток, а потом и яичко давать и котлеточку можно. Через день делать соленую ванну, а через день втирание водки с солью и только в субботу мыть с мылом.

Теперь, миленький мой, сообщу тебе, что Ольгушка встает в коляске на ноги и поэтому ей обязательно нужно покупать кроватку и ванну. Денег у меня совсем нет, так что я взяла из 75 руб., теперь как получу, так сейчас нужно покупать Оличке,

так что от 100 руб. опять не особенно много останется.

Молоко я беру теперь в Шереметьевской больнице[51], очень хорошо пока, такой же устой в бутылочке, как в Дорогобуже.

Саничка, как ты думаешь, надо купить маме что-нибудь на именины или нет? Напиши мне об этом и что, ты думаешь, лучше купить. Хотя бы ты приехал, вот лучший подарок был бы для меня, увидеть, обнять и поцеловать моего дорогого, милого, любящего мужа.

Сегодня была у меня Вязмитинова, узнать, купила ли я кроватку – она прицenялась хорошая кровать стоит 13 руб.

У ихнего Коли все время понос, а доктор их уехал за границу и теперь другой опять.

В воскресенье думаю поехать в Останкино, а на той неделе как-нибудь к Поликарповым.

Вот и все я тебе написала теперь и, поэтому, закончу на сегодня и пойду спать, пока Оличка заснула.

Крепко, горячо обнимаем тебя и целуем твои любящие дочь и жена Люкуша.

Мои тебя крепко сердечно целуют и шлют сердечный привет».

«28-го июня 1897 г.

Спасибо тебе, радость моя, за твое милое, дышащее любовью, письмо. Как оно меня обрадовало, ты, конечно, знаешь!

Целую тебя в ответ также горячо и страстно, по-бутырски. Солнышко мое, жизнь моя, я тебя также бесконечно люблю и также живу тобою и твоей любовью ко мне – не будет этого, и моей жизни конец, ничего для меня тогда не останется. От нашей взаимной любви мы уделим и нашей девочке, будем любить ее и она, Бог даст, вырастет у нас на радость и гордость нам.

Сегодня она после долгого, долгого времени опять мылась и не плакала, а ужасно довольна была, хоть все порывалась сесть, но в корыте это еще нельзя пока. Теперь она спит (11 ч. веч.) такая миленькая, как амурчик. Она говорит «па-па»! Ты рад?! Ей мама купила белые, точеные деревянные игрушки

и она очень мило занимается с ними. Сегодня она первый раз получила манную кашу и ела с большим аппетитом, дай Бог, чтоб ей это хорошо пришлось.

Что же ты, Саничка, спрашиваешь, что ищу ли я квартиру? Разве решено, что мы останемся тут? Квартир почти совсем нет пустых, а если увидишь где билетики, так через дня 2-3 уже живут, так что теперь присматривать толку нет – ведь, за 2 месяца платить и там и тут нельзя. Цены все ужасные; меньше 40 руб. без дров на 4 комнаты и цены нет! Не знаю, как и найду-то я; в слободке, не доходя наших, был особняк в 5 комнат 35 руб. – через 2 дня уже жили!

Ну, цыпурка, я кончаю письмо горячим, крепким, долгим поцелуем и ложусь спать.

Хотя бы поскорее ты приехал, а то так скучно, просто беда!

Будь здоров, мой голубок, и думай об твоей горячо, бесконечно любящей Люкуше. Дочка и мои тебя также целуют».

«г. Рославль 29 Июня

Милая, золотая цыпочка, дорогая женушка.

Час тому назад вернулся из Поречья: еще одну деревню видел, именуемую на Руси городом! В 12 час. выехал (ночью) и великолепно спал до самой ст. Рудня. Из вагона выйдя был неприятно поражен пресквернейшего характера дождем: мелким, прямым, частым – настоящим осенним; после ночи в вагоне на такую погоду посмотреть, так и то холодная дрожь пройдет, а тут еще впереди удовольствие: 47 верст проехаться!!!... (47 восклицательных знака). Выглянул на улицу с вокзала: один единственный ямщик – заломил, конечно, 5 рублей, кое-как уступил: за 4 р. согласился и то благодаря тому, что один дурашный мужичонка предлагал довезти меня до Поречья в совершенно новеньком тарантасе тройкой, на рессорах и всего лишь за 2 р. 50 к., а я для виду и согласился, так что ямщик-то и сбавил рублевочку. Ты, пожалуй, спросишь, почему же я не поехал в тарантасе тройкой, на рессорах, – да потому, моя радость, что у мужичонки была лишь одна клячеватая ло-

шаденка, на которой прибыл верхом из города за этим тарантасом для какого-то помещика. А тут еще дождь все сильнее и сильнее, – дорога, значит, невозможная, даже не большак, а проселок – так бы я в тарантасе 24 часа и просидел.

Итак, нанял я пару лошадей, приказал ему через час за мной приехать, а сам лег спать в ожидании, когда проснется начальник станции, которого мне нужно было видеть по делу о материале. Через час проснулся и не узнал погоды: совершенно разгулялась.

Повидался с начальником и в 7 $^{1}/_{2}$ час. выехал в Поречье. Что я перетерпел за этот переезд – ужас... Это были такие толчки, такая тряска, что я приехал в город в 2 часа (6 $^{1}/_{2}$ час. езды!) совершенно больной: страшная головная боль, расстройство и резь в желудке, сонный, измученный и, вдобавок, страшно голодный, а в городе ни гостиницы, ни трактира – ничего. У слесарей своих все же раздобылся яичницы и молока, а потом и чаю с булками.

Хотя я и думал о тебе всю дорогу, но не жалел, что тебя со мною не было, моя ненаглядная, уж очень дорога хороша была. Мои в Поречье работают хорошо, я ими доволен – там все трезвые, а себе я оставил под надзор «до водочки

Г. Поречье. Общий вид. Почтовая открытка начала XX в.

охочих». Зашел к акцизному помощнику вроде Леванды, хороший парень – Манчтот[52], сестра в консерватории в Москве, а нынче уезжает в Париж в число восходящих звезд[53] – он страшно жалел, что у меня не было уже времени подождать, пока сбегают за говядинкой и сделают бифштекс (очень уж ему хотелось меня угостить!), а потому выпили по 2 рюмочки водки, закусили, затем выпили по стакану чаю, вернулся я к слесарям с ними попрощаться, причем, разумеется, выклянчили по рублику они у меня и в 7 $^{1}/_{2}$ час. вечера двинулся в обратный путь. Хотя дорога и поправилась уже немного, т.е. подсохла, но все-таки такие трисучки были всю дорогу, что только за чрево держись. Однако, водка подбодрила меня, на полдороги я заснул, открыл глаза только, когда пошел изрядный дождь, велел ямщику меня накрыть с головой и доспал до самой станции.

Приехал туда в $^{1}/_{2}$ 2-го ночи. В 3 сел на поезд и в 9 был в Рославле сего 29 Июня.

В Поречье получил твое письмецо от 24-го, где ты пишешь про визит к Вязмитиновым и спрашиваешь, люблю ли я тебя по-прежнему? Хотя, это письмо я и получил только вчера 28-го, но мною уже раньше, т.е. 26 числа был послан подробный ответ на этот вопрос, из которого ты видишь ясно, что я люблю тебя, моя радость, мое счастье, родная моя женушка, люблю бесконечно, горячо – навсегда твой.

Пишешь ты насчет расходов – не стесняйся, истрать пока из Олиных или Джимминых, если еще не отдала ему их, а М.Е. Дреземейеру уже написана просьба, и ты, вероятно, во вторник, т.е., когда это письмо будет у тебя, получишь и деньги из Конторы.

Завтра ожидаю Г-на Кох проездом из-за границы с визитом ко мне первому, как сообщили мне сегодня письмом. А материала все нет и нет и вот за 4 дня 6-ти слесарям деньги уплачены зря, порядки! порядки!! Ну еще батарей нет – ладно. А этот необходимый мне прежде всего материал не прислан лишь по халатности Конторы, – так что и надежда твоя, высказанная во втором твоем ко мне письме от 25 с/м, которое я получил сегодня, – вряд ли осуществится. Т.Е. кончены работы быть к 11 не могут, а вот разве я как-нибудь... Хотя, право, не знаю. Как обстоятельства сложатся, увидим.

Насчет pince-nez: стекла № 20 для близоруких, размер для самого большого носа. Спасибо за обещание исполнить просьбу.

Поеду провожать Г. Кох до Смоленска, имею телеграмму (получил в Поречье вчера): «Заезжайте Смоленск Акцизное Управление[54] ускорьте выплату просимых письмом девятнадцатого Июля десяти тысяч рублей». Заехать, однако, не мог, ибо в той же телеграмме говорится: «Кох, вероятно, понедельник или вторник Рославле», – значит, боялся разъехаться и не увидеть его; во-вторых, сегодня воскресенье – в Управлении никого не застал бы, а 3-е был в весьма неподходящем костюме, чтобы представиться Акц. Генералу. Но все же решил завтра ехать в Смоленск узнать о деньгах. Если бы Кох и приехал через час после моего отъезда в Смоленск, то все же может меня и подождать до 10 час. вечера. В Смоленске буду с 11 до 6 час.

Если успею – зайду к Дорогобужским танцорам. Поклонюсь от тебя, – а ты поклонись от меня Наде и Шарлю.

А все же до сего дня я не знаю, как вы доехали до Москвы – ты мне, вероятно, в воскр. или понедельник писала, а, может быть, и 22, и 23, да из Ельни мне до сих пор их не переслали. Удивительно. – Все же, черкни пару слов в следующем письме о том, как вы добрались до дому.

А теперь позволь мне тебя горячо страстно расцеловать, крепко прижать к себе, поглядеть тебе прямо в глаза и еще раз по-бутырски поцеловать.

Целую дочурочку нашу родную; Дай Бог Вам обеим здоровья. Не скучайте миленькие, – Саничка о вас думает, любит Вас и ждет не дождется вас расцеловать. Поцелуй папу и маму.

Твой любящий тебя Санька».

«30-го июня 1897 г.

Миленький, золото мое Саничка!

Вчера, ради праздника, я осталась без весточки от тебя, моя радость, но, зато, рада была даже маленькому, открытому письму сегодня. Вчера погода была неважная и мы никуда

из дому не двигались. Сегодня я с мамой ездила навестить M-me Бер, а в это время принесли из конторы деньги, но только 80 руб., а не 100, как ты говорил. Почему это? Что же, только и будет этот месяц!

Сегодня купила кроватку Ольге, заплатила 12 руб. Теперь у меня всего наличных денег 136 руб. и Джимми еще не отдала. Как мне поступить теперь, надо за квартиру отдать, значит останется 100 руб. из них если Джимми отдать, так останется 25 руб., а надо Акулине, водовозу, ванну – одним словом, не выйдет ничего! Напиши мне, как сделать теперь, ты, я надеюсь, не рассердишься, что я дорогую кроватку купила, но очень уж она мне понравилась, и она в ней лет до 7-ми будет спать. Вообще-то, я никуда не тратила деньги и записываю теперь каждый день.

Сегодня я на Троицкой ул. квартиру видела подходящую, 4 комнат большая передняя, два хода, вся чистенькая, только кухня внизу, хотя из комнаты и холодная. Ю.С. Цена 35 руб. Окна все выходят в сад.

Что же до сих пор ничего не пишут насчет Харькова?

Сегодня первый раз делала Оличке соленую ванну. Посадили ее в котел для белья, но очень неудобно в нем, узко и ей неловко сидеть, надо обязательно ванночку. Завтра хочу купить, вот Оличке на именины и вылетят 15 рублей. Это что, такой крошке и сколько всего надо; и ведь это еще не все, еще надо стул с горшочком, а потом и высокий стул.

Оличка ужасно мила, сидела очень мило (несмотря на неудобство) в котле, хлопала по воде своими лапками, играла с деревянной игрушкой и раза два хлебнула водицы.

Теперь на кроватку нужен полог, надо опять сколько кисеи покупать!

Вот так-то дела у нас, мой дорогой, напиши нам хорошее письмо, а мы тебя заранее за него крепко, горячо целуем, твои любящие беззаветно дочь и жена Люкуша.

P.S. Что же ты не пишешь, получил ли ты мое письмо? Мои тебя крепко целуют».

«гор. Рославль 1 Июля 97

Дорогая женушка,
ненаглядная Люкуша,
милая цыпочка!

Как и сообщал тебе третьего дни – вчера ездил в Смоленск. Прежде, чем что-нибудь сказать тебе об этой поездке, должен тебе сообщить, что с 8 час. утра 30 июня (вчера) и до 8 час. утра сего 1-го июля шел, не переставая даже на 5 минут, сильнейший и скверенейший дождь. После же этого сообщения и о самой поездке уже нечего больше говорить... Очень мокрая история выйдет. Однако, в Управлении Акцизном побыл, какой будет результат, не знаю: разослали во все склады запрос о материале телеграммой (доставили ли, мол, материал?... А мы уже и установку-то кончаем). Далее, вместо того, чтобы ехать к Дорогобужским знакомым, сел я на поезд и проехал на ст. Рудня узнать, нет ли материала для Поречья (этих несчастных вертикальных батарей!) – оказалось «нет». И затем вернулся домой в Рославль и лег спать. Теперь, поработавши целый день, сел писать тебе, моей цыпочке, ответ на 3 письма: на твое самое первое, которое из Ельни дураки какие-то

Г. Рославль. Вид на реку Глазомойку. Почтовая открытка начала XX в.

вернули в Контору Дреземейер в Москву, где Павел Михайлович его вскрыл, но не читал, как он мне пишет (между прочим, благодарит за телеграмму, сообщает, что жена поправляется, детка здорова, и просит передать тебе поклон) и которое я получил перед самым отъездом в Смоленск, второе, в котором ты сообщаешь успехи дочери нашей возлюбленной, и которое я получил утром и, наконец, третье ответное на мое любовное. За ширмами у меня спит Herr Koch, прибывший сегодня утром из-за границы с визитом ко мне первому. Кислятина такая же, как и перед отъездом – со своим Mogen[55] вечно. Со мной очень мил и любезен. Я встретил его, привез к себе, съездили на $^1/_2$ часа на склад, где, кстати сказать, был сегодня молебен и торжество введения монополии в Смоленской губернии. Оттуда едучи с Кохом домой нарочно заехали в казенную винную лавочку и купили за 3 $^1/_2$ коп. бутылку водки (с бутылкой 5 $^1/_2$ коп.) и одну в 10 коп. (на 7 коп. водки и 3 коп. бутылка), которую раскупорили и попробовали – сивуха, да и только! Маленькую же бутылочку Кох везет в Москву, хочет в музей куда-то отправить. Затем часа 2 шатались по городу; потом Кох спал, а я работал и писал Мих. Егор. письмо; далее обед, чай, концерт Невского полка на горушке в саду[56] (Кох очень доволен остался музыкой); теперь вернулись и Кох опять лег, а я сел за письмо к моей радости, которое Кох завтра по приезде бросит в кружку и, вероятно, завтра же ты его и получишь. На первое письмо могу сказать только, что радуюсь благополучному приеду домой, тому, что ты хорошо воскресенье, благодарю, что думала обо мне, моя женушка.

На второе письмо в ответ должен, прежде всего, сказать, что о pince-nez теперь все для тебя ясно, значит, могу надеяться, что ты исполнишь мою просьбу. Затем бесконечно радуюсь успехам дочурки – встает сама на ноги! Геркулес!! Право. Рад, что ей прописана такая хорошая пища и рад, что могу послать тебе завтра 50 рублей на разные покупки, которые тебя так волнуют. Следовательно, преспокойно покупай ванну и кроватку. Если от Дреземейера прислали только 80 рублей, то не волнуйся, – не хватит чего – пиши и я устрою: я сам просил Мих. Егор. вычитать по 20 рубл. в месяц

в погашение взятых мною перед отъездом 100 рублей. Маме, конечно, должно сделать подарок, только этот раз должна быть твоя идея (лампу я приписываю моей идее) и расход на подарок не скупой, а ассигновка моя 10 рублей – найди только что купить и напиши мне, что купила или думаешь купить. Теперь ответ на 3-е письмо. Там только квартирный вопрос. Решать его надо так: поедем ли мы в Харьков – неизвестно, а если и поедем, то когда? Тоже темный вопрос, а между тем подбежит через месяц срок контракта и если тогда еще у тебя не будет квартиры, то что? Возобновлять контракт у Кирхгофа немыслимо, а выехать куда? Значит, 15-20 (позднее нельзя) надо снять квартиру за 40 рублей 4 комнаты и уж за 3 недели не беда и за 2 квартиры заплатить – не за неделю же искать... А то как не найдешь, то на улицу... Даже за месяц хорошо заплатить 2 квартиры, если будет квартира подходящая. Итак, ищи – только без контракта, чтобы в случае чего и были таковы. Поняла? Ну и действуй. А то ждать разрешения вопроса, да остаться без квартиры – дело выйдет табак.

Я уже Коху представил расчет: 40 руб. – квартира
5 – дрова
35 – стол
5 – молоко дочери
7 – прислуга
____
92 рубля – остается на стирку, чай, сахар, одеться, обуться и т.д. 8 рубл.

Он обещал 25 прибавить. Не вспомнит, я этот расчет покажу и Павлу Михайловичу. Бог даст, дело уладится. Следовательно, горевать нечего.

Завтра высылаю денежным письмом 50, которые можешь потребовать доставить тебе за 10 к. (ну, прибавишь 10 к. почтальону) на квартиру и распоряжайся, – не робей.

Я о вас, мои радостные цыпочки думаю, люблю Вас, скучаю по Вас, крепко Вас целую, а тебя еще отдельно по-бутырски... Дорогие Бутырки!

Кончаю, кончаю, сейчас надо ехать на вокзал – Коха провожать. Все же успел весь лист исписать.

Прощай радость – пиши скорее, расти дочку, люби меня и знай, что твой Санька – твой, горячо тебя любит и ждет не дождется обнять, прижать и расцеловать тебя всю, всю, всю...

Санька

Поцелуй папу и маму.

Поклон Бюрнье».

«гор. Рославль 2 июля
97

Ненаглядная, милая, радостная женушка моя, Люкуша.

Согласно вчерашнего письма посылаю с удовольствием 50 рублей на расходы для деточки (кроватку и ванну) и маме на подарок (10 рубл.), а затем крепко, горячо целую и остаюсь любящий тебя твой Санька.

В последний момент выяснилось, что Г. Кох отправит письмо тебе чрез посыльного (я додумался), а потому и не успел вложить денег в то письмо.

До свидания».

«гор. Рославль
3-го Июля
1897

Милая моя женушка, Люкуша.

Поздравляю Вас с обновками: кроватью, ванной и т.д., которые теперь, вероятно, все куплены и беспокойство твое насчет денег рассеяно, надеюсь. Думаю, что теперь все выйдет, а то ты уж писала мне, что ничего не выйдет. Значит, теперь у тебя, если даже отдать за квартиру и Джимке (сделай это поскорей, пожалуйста, да?), остается 75 р. Истрать на подарок маме, отдай Акулине, водовозу и т.д., и то у тебя останется рублей 30-35...

Следовательно, дела совсем не так плохи, как они тебе представлялись. Ты, небось, улыбаешься и, если бы я был около тебя, ты непременно поцеловала бы меня... (Принужден был встать и зажечь 2 свечи, хотя еще только 4 часа!,

до того стало вдруг темно... Все небо обложило серо-зеленоватою тучею, поднялся порывистый ветер, дождь льет, как, вероятно, он лил в 40 дней потопа, вверху не удары, а непрерывный рокот, и молния мигает, как электрическое освещение... Через дорогу ничего не видно). Свечи зажжены, ладно... И так ты, наверно, меня поцеловала бы, а я пользуясь этим случаем не только охотно подставлю свои губы, но даже еще и сам-то присосусь... Родная ты моя!

Погода скучная, работы идут медленно, тебя со мною нет!.. Поскорей бы опять вместе быть.

Да!

Насчет квартиры я писал тебе подробно с M-r Кохом, который, если не забыл, обещал мне доставить письмо мое с посыльным, так что я рассчитываю на твой рапорт ответный завтра 4-го, ибо твое от 30-го июня я получил сегодня. А что Оличкины золотые? Целы ведь? Ты про них не пишешь. Значит, ты не стесняйся, покупай, что нужно; я вполне одобряю твои покупки, зная, что ты лишнего не израсходуешь, а вместе с тем и дряни не купишь... Я того же мнения, что лучше дороже, за вещь заплатить, да чтобы хорошая была, ты ведь знаешь. В этом месяце можешь еще на 30 рублей рассчитывать, и быть совершенно спокойною, хоть это время – без меня то, пожалуйста, не волнуйся.

Что на улице делается, трудно себе представить – шум, грохот, идет то дождь, то град, дует не ветер, а ураган, молния как будто по улице скачет. и конца грозы не видно.

Написал сегодня Клюверу, чтобы он сходил к Ант. Ив. Реут, навел бы справки о вещах наших или о ней самой, а если можно, то чтобы немедля переслал бы чрез Росс. Общ. нам в Москву, а то мне все думается, не пропали бы они зря-то! Одобряешь?

А ты бы написала тете Бетти и Анне Федоровне хоть бы несколько строчек, впрочем, если есть желание.

... Прилег на диван, да и проспал до 10 час. вечера. Теперь поцелую тебя крепко горячо и понесу письмо в ящик. Деточку нашу, папу и маму целую.

Жду письмеца каждый день.

Твой любящий тебя Санька».

«3-го июля 1897 г.

Миленький, ненаглядный мой Саничка!

Можешь поздравить твою дочь: у нее наверху два зуба! Ничего, она просто молодец, только немного капризничает. Теперь благодарю тебя, моя радость, за письмо, я его получила через рассыльного и думала уже, что ты приехал и ухитрился устроить фокус. Какой Г-н Кох любезный, поблагодари его при случае. Я только что окончила варку малинового варенья (13 фун.[57] по 8 коп.), это с утра 10-ти час., а теперь 7 ч. веч. Устала ужасно, совершенно распарилась, но все же хочу написать тебе письмо и отвезти на вокзал, чтобы ты завтра не остался без письма.

Жара у нас стоит невозможная, хотя тоже было несколько дней дождливых. Оличка с Акулиной, в коляске, с игрушками и Дружком – в саду сидят.

Сегодня у меня были Надя и потом Вязмитинова с сестрой, конечно, никого ничем не угощала, т.к. была занята важным делом.

Вязмитинова приходила полюбопытствовать, купила ли я кровать и какую, а также и ванну.

Да, я, ведь, писала тебе, что я купила ванну за три рубля.

Вчера Оля первый раз принимала в ней соленную ванну. Ты бы посмотрел, что она выделывала, на кого я была похожа и вокруг ее пол – это лужа стояла кругом, до того она брызгалась и бултыхалась от радости. Теперь еще полог на кроватку и Оличка наша справлена, как следует.

Цыпурка, я думаю маме купить такие рюмки, как наши? Что ты скажешь?

Неужели ты не устроишь приехать 11-го как-нибудь?

Вчера на меня такая тоска напала, я ревела и не могла даже писать тебе, так гадко, скверно было на душе.

Хотя бы повидать тебя опять, моя радость, мое золото. Смотри напиши мне раньше, непременно, приедешь ли или нет.

Вчера Оличка получила бульон, но ей не нравится и ест неохотно, а кашу любит.

На этих днях пошлем pince-nez. Один прейс-курант я послала. Теперь, кажется, я все сообщила, закончу, оденусь и поеду на вокзал хоть немного отдохну, отдышусь на воздухе.

Целуем тебя с дочуркой, крепко, горячо и ждем 11-го иметь возможность сделать это лично. Мои тебя целуют. Еще раз, обняв крепко, целую горячо, по-бутырски.

Твоя Люкуша».

«4-го июля 1897

Миленький, дорогой мой Саничка!

Сегодня первый день поисков квартиры и я наняла уже таковую и дала задаток 10 руб. Не знаю, радость моя, будешь ли ты ругать меня или останешься доволен квартирой. На Садовой и здесь вокруг ничего нет подходящего. Это на Долгоруков. ул. недалеко за Гундоревым[58]. Квартирка очень миленькая, удобно размещена, полы паркетные натираются от хозяина, очень миленький садик и хорошая беседка, которую я нам выговорила, так что Ольгуша может целый день быть в саду, и вытаскивать можно, в чем есть, без одеванья, потому что внизу и прямо из парадной и сад.

Двор чудный, чистый, большой, жильцов мелких нет.

Посылаю план, ты приблизительно увидишь, как устроена.

Если почему-либо уже ты не хочешь в той местности, то скажи прямо, уже, пускай, пропадет задаток. Я здесь смотрела, все ужасные цены и вышина и уже, конечно, для Оли ни лоскуточка зелени нет.

Получила твое письмецо, а также и повестку о деньгах. Сейчас смотрю, оказывается, я главное о цене и не написала. Стоит она 33 руб. в месяц и без контракта.

Значит, этот месяц придется заплатить за две, ну что же делать, зевать нельзя, а то квартиры так из-под носа и тащат. Напиши твое мнение. Как жаль, что не выходит у тебя дело к 10-му; ну что же делать, коли уже совсем нельзя, так ничего не сделаешь.

Что ты напишешь, а то я скоро и собираться буду туда, чтоб Ольгунька могла пользоваться воздухом.

Ну, милочек, спасибо тебе, что думаешь об нас, крепко целуем. Сейчас полечу на вокзал отсылать тебе весточку.

Мама ходила со мной искать квартиру и теперь шлет свой поцелуй тебе. Целую крепко, горячо, моя радость, будь здоров и люби нас, как мы тебя.

Твоя Люкуша».

«Суббота 5 июля
97

Милая моя Люкушенька, дорогая женушка, цыпка ненаглядная.

Так мне хотелось от тебя сегодня радостную весточку получить, в ответ на мое, чрез Г. Кох отправленное, письмо и увы! Не получил и не получу до вторника 8-го числа, ибо сегодня вечером уезжаю в славный город «Поречье». В понедельник вывезу оттуда шайку свою, вторник, среду и четверг буду работать «на ура!» и думаю кончить... Но что будет дальше, не знаю.

С этим письмом послал в контору извещение, что в пятницу утром могу отправить слесарей и инструменты в Москву, оставив себе лишь 4-х для второго, подтвердил усиленно, что в четверг кончаю и просил распоряжений из конторы – отправлять ли их и что самому предпринять. Если вызовут в Москву, буду с тобой 11-го, родная... Если нет, то нет. Вчера вечерком написал тебе на бланочке несколько любезных слов, чтобы ты не осталась без весточки и это воскресенье, как прошлое. Работы, слава Богу, идут хорошо, только невнимание конторы бесит. Вот что я им сегодня пишу:

«В то время, как я стараюсь ускорить всеми мерами работы на складе, Вы обременяете меня лишними работами: присланный мне водогрейный аппарат не имеет 12 просверленных дыр. – Что, конечно, гораздо удобнее и скорее можно сделать у Вас в мастерской, а не у меня трещоткою; присылку этого аппарата без просверленных дыр нельзя даже мотивировать желанием не задержать мои работы, ибо аппарат прислан мне уже три дня тому назад, а фланцев к нему нет еще и сегодня. А.Т.».

Право, досадно, как это все зря в конторе делается.

Жду, что вызовут в Москву, ибо я Коху говорил о своем горячем желании быть 11-го в Москве, а он мне в ответ: «Ну, что же, кончайте 10-го». Так что, может быть, что-нибудь да и выйдет, а то так тоскливо мне будет, так тяжело быть вдали от тебя, моя родная, золотая, радостная. Помнишь Парголово[59]? Вместе были. И тебе-то будет скучно без поцелуя моего в именины остаться.

Да, впрочем, рано еще об этом беспокоиться. Если же устроиться, то в четверг в 12 час. ночи выеду из Рославля и в 2.15 дня на курьерском буду в Москве. То-то радость была бы! Соскучился я без тебя, родная. Теперь вот 2 дня без весточки останусь вдобавок. Ну, да даст Бог через недельку сегодняшний день будет хороший, хороший – черствые именины. – Вдвоем будем справлять!

Ладно? Мне кажется, что получу известие из конторы, – приезжайте для переговоров насчет дальнейших работ. Теперь с такою светлою надеждою распрощусь пока с тобой, радость моя, и снесу на почту письмецо это. Крепко, горячо, страстно целую тебя – мою... (милая Люкуша).

Поцелуй детку родную от папы.

Привет папе и маме.

Твой, твой и твой».

«5-го июля 1897 г.
1 ч. ночи

Миленький, ненаглядный мой Саничка!

Пишу тебе короткое письмецо, т.к. ужасно уставши, да и нездоровится, к тому же, по причине. Ты сегодня уже узнал, наверно, из моего письма насчет квартиры, интересно, что ты скажешь. Твое письмо я получила, а деньги еще нет, хотя повестку опустила в ящик вчера вечером. Сегодня нарочно никуда не выходила, все ждала.

Ольгины золотые целы. Денег у меня теперь всего с твоими будет 153 руб. Затеяла варку варенья, и здорово оно стоить будет, но я рада это делать, если только ты доволен будешь,

мое счастье, мой дорогой! Сегодня сварила 7 фун. клубники и принес еще 15 ф. черной смородины; вычистили пока только 7 стакан., варить буду в понедельник.

Оличка решительно ничего не дает делать, только уже с ней и занимайся. На этой неделе после 11-го принесет еще вишен и тогда я закончу варку на вольных дровах, там нужно будет экономить.

Я рада буду выбраться отсюда, а то здесь задохнешься от жары; сегодня и вчера у нас в комнатах 26-27° тепла, ведь это ужас.

Положим, и жара все больше 30°.

Завтра, может, поедем в Останкино.

Кончаю, а то глаза слипаются, здорово устала.

Всего хорошего желает и крепко, горячо целует Тебя, моя цыпа, твоя бесконечно любящая жена Люкуша и дочурка.

Мои тебя также целуют».

«7-го июля 1897 г.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Вчера были в Останкине у Нади. Шарль и папа были на охоте. Оттуда я поехала к маме с Оличкой ночевать, а Акулина домой, чтоб утром чистить черн. смородину.

У нас дома что-то невозможное – эта жарища и духота. Оличка отлично спала со мной в большой комнате у мамы.

Вчера утром я получила 50 руб. твои. Теперь у меня в кошельке 17 р. с мелочью, потом 80 руб. и твои 50 руб.

Сегодня я доварилась до головной боли с вареньем, зато сладко и приятно мне будет всю зиму поить мое золото чайком с домашним вареньицем.

Ты, ведь, доволен, что я это делаю, хотя и денег порядочно трачу на это удовольствие. У меня уже в банках лежит 19 фун. да теперь черн. смородины и еще вишен.

Сейчас хочу написать тебе и прокатиться на извозчике, ведь, ты не рассердишься на меня за это, я знаю!

Маме я хочу купить, по ее собственному желанию, кофточку какую-нибудь.

Неужели же наше общее желание увидеть тебя 11-го — не сбудется. Дай Бог, чтоб ты окончил и тебя бы вызвали в Москву. Твое французское письмо я получила, все поняла, так что открытые ты всегда можешь так писать. Рада буду, если ты приедешь, еще потому, что ты увидишь нашу квартиру.

Какие свиньи, право, в конторе! Ты выругай их хорошенько, когда приедешь.

В полной надежде пока получить от тебя известие, что ты приедешь, целую, пока крепко, горячо, страстно моего дорогого, ненаглядного Саничку и также и Ольгунька со стариками.

Все ждем с трепетом обнять и расцеловать тебя 11-го.

Твоя, вечно твоя Люкуша.

Надя шлет поклон.

У Путкамер[60] родился сын уже две недели».

«8-го июля 1897 г.
12 ч. ночи

Миленький, радость моя Саничка!

Сегодня я была со своим штатом у Поликарповых на даче.

Были ужасно рады, что приехала. Оличку так с рук на руки и таскали. Ужасно она им понравилась; она тоже была рада очень, что попала на воздух, пела песни на весь лес. С большим удовольствием шла к Мих. Сем., а на других долго, пристально смотрела.

Знаешь, Саничка, Маня мне сказала, что Эльза гостит там, у меня, конечно, явилось страшное желание ее повидать; сначала хотели послать человека и попросить ее придти к Мани, а т.к. люди были все заняты, то Маня сказала, чтоб мы пошли, и не доходя дачи я отстану, а она пойдет и вызовет Эльзу. Через несколько минут я вижу, идет она обратно и с ней Эльза, у меня даже сердце забилось, я рада была повидать ее. Она довольно холодно со мною поздоровалась и на наши просьбы идти к нам, все отнекивалась, что и мамы-то дома нет и она не в туалете, а потом все же согласилась, только попросила

нас подождать, пока она переоденется. Мы с Маней ждали, ждали, ее все нет... Наконец, вижу идет к нам горничная и объявляет: «Барыня ужасно жалеет, но к барышне приехали гости и они никак не могут придти к Вам!» Я сказала, что «очень жаль» и мы с носом отправились домой. Мы стояли недалеко от дачи и ни одна душа не вошла к ним.

Она настолько невежа, что не могла выйти сама извиниться и, хотя, проститься, если она уже не желала меня видеть и побеседовать. Маня так и ахнула на этот чудный поступок.

Все же, мы удивлены, как она додумалась еще горничную выслать, а не оставила нас дожидаться до бесконечности. Как мне обидно было это, Саничка, я тебе и сказать не могу, я расстроилась и поревела там.

Зачем же у меня есть еще привязанность, чувство нашей прежней дружбы! Так мне и надо, полезла и получила плюху в рожу!!

Ну Бог с ними, ты моя радость, мое счастье, ты меня любишь, балуешь, жалеешь, а больше мне ничего и не надо. Крепко, горячо обнимаю и целую, родной мой, твоя Люкуша и Оличка.

Мои целуют. Поликарповы все шлют сердечный привет.

Сегодня я не получила от тебя письма.

Жду радостной весточки о приезде!!!

Целую без конца по-бутырски!!!!!!!»

«Рославль
9/VII 97 г.

Радостная моя женушка!

Или я сам тебя горячо, крепко расцелую в обе щечки и сердечно, любовно поздравлю с днем твоего Ангела, а также и дочурочку родную и маму... Или же это письмо с телеграммой скажут тебе, как мне тяжело и обидно быть так далеко от тебя, не иметь возможности сделать тебе какой-нибудь сюрпризец небольшой, расцеловать каждый твой пальчик. Милая, ненаглядная, родная моя, золото ты мое. Да, не придется мне поглядеть на тебя, солнышко мое ясное.

Поздравляю же тебя, в таком случае, заочно, сердечно желаю, чтобы ты этот день провела возможно лучше, поменьше бы обо мне скучала... Что же касается до других более важных пожеланий, то они у меня в сердце моем всегда находятся, а не только на этот день. Самое же главное, это, конечно: чтобы ты была счастлива всю твою жизнь, как я счастлив твоею любовью.

Дочурке же моей пожелания мои совершенно тожественны с твоими, мое счастье, главное же – здоровье.

Поцелуй и поздравь сердечно маму с днем Ангела и передай ей мои лучшие пожелания – счастья, здоровья и радостей.

Рад бесконечно сообщению твоему о зубках Оли.

Одобряю вполне и рад искренно, что нашла нам квартиру... Переезжай, как возможно.

Спасибо за труды твои – за варку варенья, то-то сладко мне будет глядеть на родную свою и кушать ягодки.

Только скучно и подумать, как это я послезавтра буду без тебя, моя хорошая, милая Люкуша.

Закончу письма горячим долгим поцелуем, по-бутырски и скажу тебе, что я люблю тебя бесконечно.

Твой любящий тебя Шаша (Саничка).

Целую.

Подарок за мной».

«18-го июля 1897 г.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Вчера я занялась варкой вишен и, конечно, никуда не попала, а оставить вишни еще один день, значило погубить их совсем.

Сегодня я встала в 9 ч. утра, напилась чаю и стала собираться. В 11 ч. я поехала к Шмидту[61]. У него оказался прием по пятницам до 11 ч. только, но т.к. там была еще одна дама, то и меня приняли.

Он расспросил меня обо всем, осмотрел [...] Сказал, что у меня ничего нет, что я не заразилась, но что у меня опять

развивается малокровие и что, как только кончу кормить Ольгу, надо будет пить мышьяк, при кормлении же этого нельзя делать. Вообще, чтоб я больше ела, меньше работала и, как только есть возможность, ездила бы куда-нибудь из города на чистый воздух...

Посмотрел также и опухоль на щеке и дал какую-то мазь. Сказал, что это какая-нибудь гадкая муха укусила.

Вот видишь, дорогой мой, все хорошо и беспокоиться тебе обо мне нечего. Лечись ты только хорошенько и пиши мне все подробно. Золото мое, целую тебя крепко, крепко.

Сегодня получила от Клювера письмо и расписку от Зеефельда. Осталось доплатить 101 руб.

Антонина Ивановна на даче в Гатчине[62], он послал твое письмо туда и ждет теперь ответа. Шлет тебе и мне поклон от всей семьи.

Сейчас мыла (8 ч.) Оличку, а теперь поеду на вокзал и к маме посидеть в саду, а то у нас духота.

Завтра думаю с мамой и Ольгушей ехать к Наде на ночь.

Теперь закончу письмо крепким, горячим поцелуем и пожеланием тебе скорее выздороветь и быть паинькой. Мои тебя целуют.

Не знаю, куда мне теперь тебе писать, пиши мне раньше об этом. Ну прощай, моя радость, будь здоров и люби твою Люкушу и Оличку.

Целую горячо и долго».

«19/VII 97
Рославль

Родная моя, голубушка Люкуша, ненаглядная, милая Люкуша, женушка моя.

Написал тебе утречком несколько строчек, чтобы не оставить тебя, моя родная, без весточки – ради Воскресенья и выразил там, между прочим, надежду получить от тебя, моя родная, письмецо, предполагая, что ты 17-го его отправила, как я просил, с вокзала. Ты не поверишь и не представишь, как я волнуюсь, не зная до сих пор ничего... Мне приходят

на мысль самые скверные предположения и, хотя я и отгоняю их, но сердце болит, болит... Здорова ли ты, моя радость, ненаглядная моя, отчего ты не написала мне, как обещала? Неужели захворала? Что я наделал!.. Прости меня, голубка моя, Люкуша ненаглядная, не сердись на меня скверного... прости! Неужели ты захворала? Господи, спаси меня от этого. Я так молил Бога, чтобы он тебя и дочурку сохранил здоровыми, пусть лучше я буду страдать, – я готов за Вас двоих хворать, только бы видеть Вас здоровыми, Люкуша, неужели ты еще продержишь меня без письма. Хоть бы завтра дождаться... С каким страхом буду я вскрывать письмо и с какою трепетною надеждою, что Бог сохранил тебя и ты здорова. Как я буду стараться между строчек прочесть, не скрываешь ли ты от меня, не желая тревожить... Нет, не делай этого, Люкуша, лучше прямо скажи, а затем радуй выздоровлением. Почему ты не написала?

Люкуша, Люкочка, родная, как я люблю тебя! И неужели я причинил тебе опять такое зло! Если уж да, то я всею любовью своею, ведь, заглажу свою вину перед тобой, ведь ты простишь меня и будешь любить, как любишь. Да, ведь? Счастье мое. Как обидно и горько причинить любимому и любящему существу, которое дороже жизни даже, невольное зло. Хоть бы завтра поскорее... Получить бы весточку от тебя. Целую тебя крепко, горячо, страстно, целую и прошу простить меня за неосторожность мою.

Целую еще раз тебя и дочурку, нашу радостную. Целую папу и маму.

Жду письма – но не лги мне, Люкуша, скажи правду, молю тебя. Мне гораздо, гораздо легче и лучше (белье уже совершенно чистое).

При моем воздержании и соблюдении требуемой диеты я очень скоро освобожусь совершенно от всяких следов болезни.

Целую тебя еще раз твой любящий тебя бесконечно Санька.

Просил любезно кланяться тебе Барон Фитингоф-Шель[63] (из Гжатска), – сегодня встретил его здесь.

Если моя проба удачна будет с отоплением, то в четверг, может быть, уеду в Ельню, оттуда в Дорогобуж и потом Гжатск

(а из Гжатска прикачу на 1 $^1/_2$ денька домой, к моей дорогой ненаглядной Люкуше).

Тороплюсь кончить, чтобы отдать Маурину, который повезет его тебе. Должен был прогнать его с работы, да ради тебя простил (за пьянство и дерзость)».

«19/VII 97
Рославль

Радость моя, ненаглядная, любимая горячо Люкуша.

Вместо того, чтобы писать тебе вчера вечером, я прилег немножко и задрых, ибо был здорово уставши, но чтобы не оставить тебя на воскресенье без нескольких строчек, сам проснулся в 6 $^1/_2$ утра и сел написать тебе, чтобы сейчас же свезти на вокзал. Через 2 часа получу, вероятно, твое письмецо и так верю, что ты здорова... Я вчера горячо молился, чтобы лучше я уж страдал, только бы ты, моя радость, родная, была здорова. Господь услышит мою молитву.

Как я тебя люблю, моя жизнь, если бы ты знала, как я люблю тебя.

Целую тебя, цыпочка моя, счастье мое, целую глазки твои, щечки, лоб, носик, шейку, ушки и, затем, в губу по-бутырски...

Целую доченьку нашу родную.

Привет родителям.

Любящий тебя горячо твой Санька.

Здоровье мое идет к лучшему большими шагами.

Пишу сейчас доктору».

«гор. Рославль
20/VII 97

Миленькая, дорогая моя Люкуша.

Как я обрадовался твоему письму, ты себе и представить не можешь. Как я его ждал! Сегодня утром опять рано сам проснулся и побежал на почту, чтобы перехватить письмо, а то от-

дадут почтальону и тогда до 2 часов письма не увидишь. И вот я в 8 час на почте: прошу посмотреть, нет ли мне чего: «Есть, говорят, вчера вечером видели» (меня на почте знают). – «Дайте, пожалуйста!». – Подают от Дреземейера. – «А больше ничего? Маленького, беленького письмеца нет?». Начали опять перебирать письма, а я затаив дыхание, почти без биения сердца стою и жду. – «Неужели опять нет, что же это значит? верно, больна?!». – «Виноваты, есть еще письмо Вам!» Обрадовался я, выскочил из почтамта, сел на извозчика и сейчас же распечатал. С каким замиранием читал я твои дорогие строчки... Итак, ты здорова, Господь уберег тебя! Как я Ему благодарен и как я рад, моя радость, счастье, золотая, ненаглядная Люкуша. Малокровие твое вылечим тоже с Божиею помощью, и все будет хорошо. Я сумею уберечь тебя от работы, кушать тоже найдется то, чего ты захочешь, – я же буду работать и стараться идти вперед у Дреземейера для вас, мои цыпочки, – для тебя, моя жизнь, милая женушка, и для дочурочки нашей родной. Любите вы только вашего Саньку...

Теперь целую тебя горячо, страстно, нежно. Ты, моя ненаглядная, люблю я тебя как!.. Только отправил я тебе вчера письмо с Мауриным, вышел прогуляться, – идут бароны

Г. Рославль. Московско-Варшавское шоссе.
Почтовая открытка начала XX в.

Фитингоф-Шель. – «Идемте с нами по лавкам»... Пошли, болтали (она, между прочим, «в ожидании»). Похвастались они своим сыном 1 г. 7 м. – здоровенный мальчуган... Не вытерпел и я... Похвастался дочуркой, благо, карточки в кармане. Баронесса, как увидела Ольгушку, так решительно заявила, что карточки не отдаст... А я решительно заявил, что карточку эту я отдать не могу. Смотрела она, смотрела, а затем взяла, да и спрятала карточку и такое у нее желание было на лице иметь эту карточку, что я решился ей предложить, хоть из вежливости, дать ей впоследствии, если она уж так желает (думаю: може, смотреть хочет, будучи теперь «в ожидании», чтобы и у нее такая же была). Она отдала мне мою и недоверчиво спрашивает: «А могу я надеяться, что Вы действительно исполните Ваше обещание?». Я успокоил ее, сказав, что напишу тебе, а ты закажешь одну для нее, – ту, где она ручонками на подушке (а не за ухом), хотя она долго не могла решить, которая лучше. Барон же сейчас же обещал карточку своего сына... невесте подарить.

Итак, уж, будь добра, закажи одну для баронессы, – она очень симпатичная, а барон, право, милый и любезный. Вечером они уехали в Витебск, – на вокзале она опять очень просила карточку, а он просил передать тебе его почтение. Сделаешь? Может быть, мне удастся выбраться отсюда в четверг и в субботу начать работы в гор. Ельня; в четверг же 31 начать работы в Дорогобуже и 5-го Августа прибыть в Гжатск, а 10-го в Сычевку. Едва-едва кончу к 1-му сентября. Вторник вечером (т.е. по получении письма ответ можно еще с вокзала в Рославль, а из ящика уже в Ельню). Теперь слушай, что я тебе расскажу».

«21-го июля 1897 г.

Милый, золото мое, ненаглядный Саничка!

Сегодня в 1 ч. дня только что приехали из Останкина и я осталась ночевать у мамы, т.к. Акулина занята стиркой и я хотела, чтоб она без помехи это устроила. У Нади мы ночевали 2 ночи и Ольгушка вела себя довольно сносно.

Дорогой, теперь ты уже, наверно, знаешь из моего письма, что я, слава Богу, здорова и прошу тебя, родной мой, не волнуйся и поправляйся поскорее.

Я тебе сегодня пишу короткое письмо, т.к. теперь уже 8 ч. веч., а я хочу послать тебе непременно еще сегодня. Сейчас пришла Акулина, побудет с Олей, а я оденусь и поеду на вокзал.

Итак будь совершенно покоен, поправляйся и приезжай посмотреть твоих горячо, бесконечно любящих жену и дочь.

Поцелуи от моих и привет от Бюрнье.

Целую бесконечно, страстно, горячо, по-бутырски

Твоя вся Люкуша».

«22-го июля 1897 г.

Ненаглядный, золото мое Саничка!

Как мне обидно, досадно до слез, что я опоздала сегодня на вокзал отослать тебе письмецо и теперь приходится писать в Ельню.

Сегодня приехали домой от мамы в 2 ч. дня, я занялась мытьем и упаковкой финтифлюшек, чистила и мыла картины.

У Оли опять понос сделался, и, вот как я собралась тебе писать и ехать на вокзал, у нее сделалась такая ужасная резь и боль живота, она страшно кричала, царапалась и корчилась от боли.

Пока провозилась с ней, уже и поздно было ехать на вокзал.

Оличка опять за два дня так побледнела, что страх. Завтра поеду к Тагеру, если ей не лучше будет.

Думаю завтра позвать мужика упаковывать посуду, а послезавтра тронуться на новую квартиру.

Твой план насчет Гжатска не дурен, хотя, опять это возня, масса багажа. Все же, я думаю, если Оля будет здорова, устроим это. Я рада буду повидать тебя, моя радость, я ужасно соскучилась, не смотря на короткий срок.

Что это баронесса влюбилась в Ольгу, что ли? Хорошо уж, я закажу, только, если мы всем будем давать, кто попросит (а попросят многие!), то, пожалуй, дорогонько это будет.

Не думай только, что я это говорю потому, что мне жалко истратить 1 руб., я с удовольствием исполню твое желание, мой родной!!

Ну как, Саничка, твое здоровье? Ты ничего мне не написал об этом.

Я сегодня ночь совсем не спала, т.к. Оля каждые полчаса просыпалась и кричала ужасно. У меня болит голова и ужасная тоска, просто нигде места не найду. Ах, если бы ты был со мною, моя жизнь, мое все!

Господи! Как я люблю тебя, мой голубок, как бесконечно, свято я люблю тебя и как я счастлива твоей любовью ко мне. Пошли, Боже, нам эту любовь, это счастье на всю жизнь!

Заканчиваю письмо долгим, горячим поцелуем, а потом еще целую без конца много, много раз. Ольгуша все целует твой портрет. Мои шлют свои поцелуи и привет.

Еще разок дай обнять тебя и поцеловать по-бутырски.

Твоя Люкуша».

«23-го июля 1897 г.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Как я рада была получить от тебя сегодня открытое письмо, у меня на душе так тяжело, так гадко было, а вот прочла твои милые, любовные строки и лучше, светлее стало.

Оличка меня ужасно перепугала, поехала сегодня к Тагеру, дал порошки и велел завтра непременно приезжать. Ольгуша дорогая так страшно кричит, что сердце просто разрывается и я сижу и реву вместе с ней. Она так осунулась и бледная стала, как восковая.

Не велел ни капли молока давать, а давать бульон, рисовую воду (которую она ни за что не пьет!) и грудь.

Думала завтра переехать, а теперь, вот, не знаю, когда можно будет. Если бы ты был около меня, успокоил бы, помог бы и все хорошо бы было, а теперь, вот, я никак справиться не могу, и девушку не могу никак достать; просто беда!!

Милый, дорогой, спасибо тебе, что ты так любишь меня, твои письма так и дышат любовью и лаской.

Мне ужасно жаль, что я не могла написать тебе из Останкина, но, ведь, ты уже знаешь, что я была там без Акулины и поэтому простишь меня.

Я знаю и отлично чувствую, как тяжело, гадко остаться без письма и поэтому теперь обнимаю, и горячо.

Хорошо целую по-бутырски.

Хотя бы поскорее шло время, и ты бы приехал домой, а то я просто измучилась совсем без тебя, нет никакой энергии что-либо делать, какая-то апатия ко всему и только ты, ты один у меня на уме, да наша милая Ольгуша.

Еще раз целую крепко и передаю поцелуй от твоей дочурки.

Мои тебя целуют.

Пиши, радость моя, о твоем здоровье, как ты себя чувствуешь теперь и что доктор писал?

Еще одним горячим поцелуем кончаю письмо и остаюсь бесконечно любящая Люкуша».

«24-го июля 1897 г.

Золото мое, Саничка!

Сегодня была опять у Тагера, он нашел Оличку лучше, но молоко все же еще не велел давать; она ест куриный бульон, я ее кормлю и еще пьет чай. Велел приехать, если не будет хорошо после порошков, которые он дал ей теперь.

Думала завтра переехать, но мы еще не убрались с бельем и мужика из Эрмитажа не достала. Сегодня отвезла туда хлеб-соль и образ. Все варенье уставили там в печку, еще отвезла папин подарок и аптечку.

У нас погода стала ощутительно прохладна, как у тебя там? Я хотела вот что спросить: если я поеду в Гжатск, где мы жить будем, не можешь ли ты узнать, будет ли плита или нет? Если плита, то я могла бы не тащить керосинку (которая опять не горит и я отослала починить!!!), а кипятить молоко на плите. Какой-то август будет? Хоть бы не холодно было?!

Сегодня не было письмеца, наверно, ты уехал в Ельню. Это третье письмо, что я туда пишу.

Мне теперь приходится много кормить самой, я порядком ослабла и устаю скоро, а сон одолевает меня прямо до безобразия. Так хочется спать, ты себе представить не можешь. И надо бы было встать утром пораньше, да никак не могу, ужасно тяжело.

Прескверное состояние, одно могу сказать!

Оличка, как только встает, смотрит на комод и, увидав твой портрет, взвизгивает от радости и облизывает его тщательно, когда скажешь: «Поцелуй папочку!»

Сообщила тебе пока все новости и закончу письмо долгим, горячим поцелуем. Как я люблю-то тебя, моя цыпка! Будь здоров и пиши твоей Люкуше.

Дочка крепко целует своего милого папу.

Мои тоже целуют, а больше и лучше всех все же твоя Люкуша.

Хочу написать тете Бетти.

25-го 8 ч. веч.

Дорогой мой, утром опоздала бросить вовремя в ящик, но я не хочу, чтоб ты остался без письма и еду сейчас на вокзал. Убирала белье, посуду тоже мужик уложил, так что думаю завтра или послезавтра перебраться. Оли хотя и лучше, но аппетита нет, бульон не ест, кашу и молоко нельзя, так что на одной груди – просто беда! Итак, прощай радость, крепко, горячо целует твоя Люкуша.

Пиши уже туда: Долгорук. ул. дом Прудникова кв. 2. Всего лучшего, солнышко мое».

«гор. Ельня 26/VII 97

Дорогая моя, радостная Люкуша.

Получил я сегодня сразу 2 письма: от 23-го июля и от 24/25 июля. Сочувствую тебе, радость моя, но не могу помочь физически: я ни на одну минуту не могу теперь отлучиться от работ..., хотя и очень бы хотелось бросить все и прикатить к тебе, обнять тебя, успокоить, приголубить, помочь перебраться на новое жилище.

Теперь же, однако, могу делать это лишь мысленно... А мысленно я и так постоянно с тобою, цыпочка моя ненаглядная.

Итак, успокойся, жизнь моя, не волнуйся. Оличка поправится через 2-3 дня, переберешься потихонечку, а там приедешь ко мне, – твоему нежному, любящему и любимому Саничке, – сама такая нежная любящая... Ольга и совсем поправится на воздухе, ты расцветешь радостно при свидании со мной, выспишься, отдохнешь после хлопот твоих... И как! все будет хорошо-то! Остановимся мы у акушерки: все же у нее почище всех, – у нее есть и плита – не нужно возиться с той керосинкой и ссориться из-за нее. Обедать будем на вокзале в хорошую погоду, в дурную устроим, чтобы присылали, а то и акушерка не совсем уж плохо готовит, – есть можно. Главное же, что ты отдохнешь, воздухом подышишь и 5 дней на твоего Саничку налюбуешься, а там увидишь, – понравится тебе – останешься еще на неделю, не понравится – уедешь: из Гжатска это просто сделать.

Итак, сбрось с себя хандру, подтяни свои нервы, подбодрись еще на недельку, а там я сумею тебя окружить вниманием,

Г. Гжатск. Мостовая улица. Почтовая открытка начала XX в.

лаской и любовью, сумею успокоить тебя и дать тебе отдохнуть.

Вспомни-ка «Гжатск 1-го Мая» – хорошо, ведь, было? Бог даст, теперь еще лучше будет. Радость моя, ненаглядная, дорогая женушка, как я-то хочу тебя видеть около себя, как мне скучно без тебя... Скоро ли, скоро ли вернусь я к тебе совсем или, по крайней мере, надолго. Пока, однако, это случится, мы можем еще в Гжатске поблаженствовать... Поистине, блаженство обладать тобою!... Ты мое счастье, жизнь, все, все....

Целую тебя по-бутырски, – закрываю глаза и переношусь к тебе в объятия, целую тебя всю...

Значит, Люкуша будет пай-девочка любящая энергичная жена, которая сумеет храбро прождать еще неделю, чтобы затем отдохнуть на груди мужа и дать ему отдохнуть, прильнув нежно к любимой женщине. Молю Бога и надеюсь, что Оличке уже лучше, а там, как и в Дорогобуже было, она на воздухе расцветет еще лучше прежнего. Так помни же: жду вас всех (и «дружка» даже) через неделю. Вероятно, даже в понедельник я уже буду в Гжатске – в тот же день и не позже следующего ты должна приехать. Я протелеграфирую, – устройся только с квартирой.

Я сегодня ни о чем не могу с тобою говорить, как только о твоем приезде ко мне и том, как мы будем любить друг друга не заочно, а вправду. – Целую тебя горячо, страстно.

Поцелуй деточку, которую я нежно люблю и горячо желаю ей здоровья, поцелуй папу и маму. До скорого свидания.

Твой любящий тебя Саничка.

Ответ пиши уже в Дорогобуж, Казенный очистной склад вина на имя Вашего мужа».

«27-го июля 1897 г.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Я еще не переехала, из-за Олички, но теперь ей лучше и завтра я уеду отсюда.

Вчера я не писала тебе вечером, т.к. нервы мои ужасны и я опять ревела, а в таком настроении не хотела тебе писать.

Сейчас еду на велосипедную гонку с моими и хочу завести на вокзал, чтоб ты не остался без письма. Хочу поехать немножко проветриться, а то просто ужас, как я опять расстроилась за Оличку.

Знаешь, Гофман открыл свое дело и разослал везде циркуляры, а также и в Эрмитаж и М.С., кажется, хочет ему дать отопление, надеясь, что он на первых порах хорошо все сделает.

Теперь крепко, горячо целую тебя, мое золото, и люблю ужасно, бесконечно. Детка целует и мои тоже.

Голубок, пиши, как здоровье, целую долго и крепко твоя Люкуша.

Вчера не было письма».

«27-го июля 1897 г.
12 $^{1}/_{2}$ ч.н.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Я сегодня уже отослала тебе письмо днем, когда поехала на велосипедную гонку, а теперь, приехав домой в 10 $^{1}/_{2}$ ч. и уложивши платья и кухню, я хочу опять с тобой побеседовать, т.к. завтра едва ли это удастся сделать. Гонка была довольно интересна, посмотреть первый раз. Холод был изрядный и мы с гонки в 6 ч. отправились к Яру кофе пить. Там встретили Ан. Ан. и дядю Сашу. Оттуда пошли пешком по парку до Мавритании[64], а там наняли извозчика и поехали к Поликарповым: их застали за чаепитием и вот в 10 $^{1}/_{2}$ ч. я была дома. Оличка, слава Богу, ничего, вела себя хорошо и во все мое отсутствие не «сделала» ни разу.

У Мани я узнала, что Эльза была с извинением за свой поступок, но сказала, что в отношении меня она не могла иначе поступить. Ну, знаешь Саничка, какие вещи ей наговорили на меня, так не мудрено, что она так сделала, хотя довольно глупо! Какие сплетни, какие гадости – ты себе и представить не можешь. Теперь я больше не желаю, чтоб на меня подобную клевету наносили и во вторник еду к ним за объяснением. Надо кому-нибудь начать, а так как я считаю себя более благо-

разумной, то я и хочу спросить объяснения этих дрязг. Говорят, что в Петербурге я про них такие гадости говорила и Кнопмус, и Загемель, что и сказать нельзя. Что я у Белоновских про Эльзу тоже мерзости говорила и, как видно, хотела рассорить ее с Сережей. Подумай, я и у Белоновских не бываю вовсе! Что же это такое!!

Что тетя Бетти и сестры двоюродные сказали, что они убедились теперь, что мы с тобой двуличные, фальшивые люди!

Саничка, миленький, как я взволнована, ты уже знаешь. Обидно, ужасно обидно выносить клевету.

За pince-nez папа уже давно заплатил, еще когда заказали, что же мне теперь с деньгами делать? Письмо Маурин принес, но т.к. я была в Останкине и сама его не видала, то я и забыла про это написать тебе. Завтра хочу переехать, а то уж надоело – ни здесь, ни там.

Ну, целую тебя крепко, радость моя, и иду спать.

Всего лучшего желает твоя горячо, бесконечно любящая Люкуша».

«гор. Дорогобуж
29/VII 97

Милая, радостная моя женушка, Люкуша ненаглядная. Вчера сдал благополучно я второй склад, работа слесарей очень хороша. Дай Бог, сдать также и следующие. Вечером, однако, поругался с ревизором, – он позволил себе сделать мне неуместное замечание, а я обругал его невежей. Ругань была форменная – он кричит, а я сильнее – поругались и разошлись.

В 2 часа ночи выехал из Ельни и в 6 ч. утра прибыл в Дорогобужский склад. Остановился у Алфимова на складе, – все спрашивают, с женою ли? Зовут тебя сюда. Да нет уж, лучше я поспешу работами и поскорей с тобой увижусь в Гжатске. Вероятно, в понедельник буду там, – будь и ты готова к тому времени, начиная с воскресенья уже и не позже вторника. Если 2 дня не писал, то потому, что почты не было из Ельни, а вот по приезде сюда сейчас же сел с тобой побеседовать, чтобы

гор. Дорогобужъ
29/VII 97

Милая, радостная моя женушка, Люкуша
ненаглядная. Вчера сдалъ благополучно и
второй складъ, работа слесарей очень хороша
Дай Богъ сдать также и слѣдующіе.
Вечеромъ однако поругался съ ревизоромъ, —
онъ позволилъ себѣ сдѣлать мнѣ неумѣст-
ное замѣчаніе, а я обругалъ его невѣжей.
Ругань была форменная — онъ кричитъ, а
я сильнѣе — поругались и разошлись.
Въ 2 часа ночи выѣхалъ изъ Ельни и въ
6 ч. утра прибылъ на Дорогобужскій складъ.
Остановился у Алфимова на складѣ, — всѣ
спрашиваютъ, съ женою ли? зовутъ тебя
сюда. Да нѣтъ ужъ лучше я поспѣшу
работами и поскорѣй съ тобой увижусь
въ Гжатскѣ. Вѣроятно въ понедѣльникъ
буду тамъ, — будь и ты готова къ тому
времени, начиная съ воскресенья уже и

Письмо А.Г. Тидемана от 29 июля 1897 г. из г. Дорогобуж

отправить тебе весточку еще сегодня, — завтра ты ее получишь. Итак, Оличке, слава Богу, лучше, а теперь, может быть, уже и совсем хорошо? Жду не дождусь Вас обнять моих дорогих. Как то ты переехала? Как твои нервы? Подтянула их? Смотри же, ведь несколько деньков и мы вместе. Здоровье мое совсем хорошо, по-видимому, по крайней мере, никаких признаков нет; лечусь, диету соблюдаю строго. Даст Бог, скоро и совсем будет хорошо. Сегодня всю ночь не спал, в дороге был, уставши сильно, пока закончу, а то уже 1-ый час дня, а нужно еще со склада продрать на почту — помнишь? Хорошая прогулка. С тобой бы — с удовольствием, а так и не очень-то охотно; только любовь моя к тебе заставит бежать.

Пиши же мне, родная моя, ненаглядная, обо всем, о здоровье, о переборке, о любви твоей ко мне и пр., и пр.

Целую крепко, горячо дочку, папу и маму. Тебя же без счета и без конца крепко, страстно.

Твой любящий тебя и ожидающий с восторгом встречи Саничка.

Деньги (95 руб.) пришлют из конторы 31-го в пятницу».

«29-го июля 1897 г.

Милый, дорогой Саничка!

Я, слава Богу, переехала хорошо и пишу тебе уже с новоселья. Вчера в 1 ч. приехали лошади, а в 5-ть я уже была на месте. Помаленьку разбираюсь, Оличка лучше, т.ч. думаю приехать к тебе, моя радость. Мои тоже собираются на праздник в Гжатск, будет ли помещение, где им ночевать?

У меня теперь есть деревенская девушка — ничего себе, проворная довольно. Пишу тебе коротко, т.к. собралась ехать к ф. д. Бек. Вечером отпишу подробное, а теперь пока горячо, крепко целую мою радость и тоже ужасно рада повидаться и побеседовать с тобой, мой родной, ненаглядный Саничка. Мама тебя крепко целует, она сейчас у меня.

Целую еще раз твоя Люкуша».

Г. Дорогобуж. Общий вид. Почтовая открытка начала XX в.

«29-го июля 1897 г.
$12\,^{1}/_{2}$ ч. н.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Отправила тебе письмо днем перед моим визитом к ф. д. Бек. Оттуда поехала прямо к ним; застала дома тетку, Эльзу, Аню, Олю и Маргушу. Не знаю, как на них повлиял мой визит, но все же самое главное, сплетни в отношении Эльзы я постаралась разъяснить и она, кажется, поняла, что все это сплетни, гадкие сплетни и больше ничего. Обещала приехать ко мне в пятницу – не знаю, на словах это или на деле. Тетя Мери объявила категорично, что нашу ссору с ними нечего и распутывать, что лучше оставить все, как оно теперь есть, на что я сказала: «Отлично!! Я не буду затрагивать Вас, а приехала только, чтоб объясниться с Эльзой. Вообще все подробно расскажу при свидании». Оттуда зашла к Поликарповым, попила чайку, и П.П. Зыков был любезен, довез меня домой. Я его пригласила зимой к нам, он очень, очень благодарен и обещал непременно.

Ида здоровые сплетни наделала, а помнишь, как она встретила меня на Пасхе у наших. Фальшивая бестия!! Про Джимми я также упомянула там.

Я написала тете Бетти еще одно письмо и Иде хочу тоже написать.

Все свиньи какие!!!

Ну, пока будет об этом.

Перевезли мне все хорошо; были 2 ломовых и 1 рессорный[65], стоили 4 руб. и 45 к. на чай. Пианино стоило 3 руб.

Сегодня уже ругалась с дворником и хозяином; затопила плиту, а она совсем развалившись и дымит со всех концов. Девчонка (Катя) очень проворная и послушная; сегодня посылала в баню вымыть бекасов своих, а то ведь у них день.

Что, Саничка, деньги из конторы мне принесут или идти туда самой.

У меня кроме 30 руб. и 5 руб. еще есть 15 руб.

Папа и мама хотят тоже приехать в Гжатск.

Отчего же ты не сказал Бобылеву, что за pince-nez заплачено?

Ну, голубок мой, кончу письмо горячим, бутырским поцелуем и лягу после этих треволнений спать.

Всего лучшего желают и крепко целуют твои Люкуша и Оличка.

Пишу тебе лежа в постели».

«30-го июля 1897 г.

Миленький, золотой мой Саничка!

Ужасно обрадовалась, получив от тебя сегодня письмо.

Слава Богу, что твои работы хорошо окончены. Что же ты все-таки еще раз повсюду поедешь или нет?

Я думаю, Саничка, ехать отсюда с пассажирским в 10 час. утра. Что же, верно ты знаешь, что плита будет и можно будет противную керосинку не привозить. А как же насчет еды Акулине, где же она будет есть?

Завтра, значит, надо ждать деньги?!

Какая там у Вас погода? Тепло?.....

Прости, Саничка, что я кончу письмо, но спать хочется до смерти, глаза так и закрываются.

Скажу еще тебе только, что я тебя страстно, ужасно люблю и целую, целую без конца твоя Люкуша.

Детка тебя также крепко целует. А также и мои.

Еще один хороший бутырский поцелуй от меня!!!».

«31-го июля 1897 г.

Миленький, радость моя, Саничка!

Отпустила Акулину со двора, пожалуй, и на ночь. Катя храпит, Оличка спит и Дружок тоже, и я одна сидела все работала (12 ч. ночи), а теперь вот хочу написать несколько строк моему дорогому, любимому супругу. В 10 $^{1}/_{2}$ веч. только принесли деньги из конторы. Я сегодня целый день шила: надо, ведь, Оле, на всякий случай, что-нибудь тепленькое приготовить.

Ведь, погода легко может перемениться. Не знаю, как мне быть, взять ли кофту драповую с собой? Не хочется много багажа тащить с собой, уж и так-то довольно!

Слава Богу, Оля сегодня пошла к Кате, хотя, с большими слезами. Я очень довольна этой девушкой – она очень понятливая и проворная.

Сегодня я после долгого времени могла спокойно работать, не отрываясь; Акулина готовила, Катя гуляла с Олей, а я себе шила на раздолье.

Ужасно меня интересует, придет ли завтра Эльза! Сегодня мама зашла и мы в саду пили чай.

Плита оказалась прекрасной, вроде Парголовской!

У Оли желудок все еще не исправился и ничего, кроме молока, она не ест. Вообще же, она веселенькая. Неправда ли, какое бестолковое письмо, но в голове у меня только одно: – моя поездка к тебе, и потому ничего другое не клеится.

Ты, верно, скоро теперь напишешь, когда выезжать.

Я думаю, что для Олички самый удобный поезд утром в 10 ч. пассаж до Вязьмы.

Отчего это ты сегодня прислал мне открытое письмо в конверте? Хотя, сейчас я уже догадалась, почему!?!

Ну, прощай, люблю тебя ужасно, мой голубок.
Дочка целует крепко, а я еще сильней и крепче.
Твоя Люкуша
(спячка!!!)».

«гор. Дорогобуж 1/VIII 97

Милая моя, родная, ненаглядная Люкуша.

Получил я твое письмо с описанием твоего визита к ф. д. Бек и удивляюсь, для чего тебе это нужно было делать. Если даже Эльза и устыдится временно и сделает тебе визит, то все же рано или поздно, т.е. не позже ее отъезда в Межиречье[66], прежнее скверное все восстановится... Тут дружбы тебе нечего искать. Я вижу твое доброе ласковое сердце и мне обидно, что ты напала в своей дружбе на неотзывчивого и нестоящего человека. Ведь, ты второй шаг уже делаешь к восстановлению дружбы и я уверен, что напрасно. И если это так, то думаю, что далее ты пытаться не станешь, не будешь подставлять свои ноги, чтобы тебе их давили. К чему тебе искать посторонних сильных (и непрочных) привязанностей, когда у тебя дома есть: мать, отец, дочь и я. Тут у тебя привязанности не до первой сплетни, не до первой ссоры..., а искренние глубокие чувства, захватывающие все твое существо, наполняющие все твое сердце. Я понимаю, что, если ты действительно счастлива, то тебе хочется всех любить, со всеми быть ласковой, доброй, – но не ищи тогда людей, которые меньше всех к тебе расположены; вообще не ищи дружбы – она сама придет, если она искренна, а за неискреннею и гоняться не стоит. А главное, не волнуйся ты из-за этих мелочей, не расстраивай себя из-за таких маленьких неприятностей, когда у тебя дома есть все радости жизни (если они есть все!....)

Итак, забудь свои треволнения, успокойся, особенно теперь, тогда ты не совсем здорова, подумай о том, что скоро со мною свидишься, что скоро я и совсем работу в Смол. губ. кончу и мы заживем в нашем милом, уютном гнездышке, любя горячо, нежно друг друга, дыша лишь один для

другого... У меня в данном случае такой взгляд: была бы ты только у меня, а там хоть никого на белом свете. Любовь моя к тебе охватывает все мое существо все с большею и большею силой. Каждый день, проведенный ли с тобою, моя радость, ненаглядная моя, или в разлуке, но мысленно с тобою, – это один оборот цепи вокруг нас, связывающий меня с тобою и стягивающей нас плотнее и плотнее. Господи, как время бежит – скоро уже два года, как мы женаты... Зачем это «уже»? и, вместе с тем, я благодарю Бога, что только еще два года и даже тех еще нет, как мы с тобой живем так счастливо!.. И прошу Господа, чтобы он продлил нашу жизнь в том же тихом и покойном счастье по Его благости. Да, родная моя, жаль мне уходящих дней, так скоро уходящих.... Жду я, родная ты моя, с восторгом встречи нашей в Гжатске, хочу я обнять тебя, приголубить, сказать тебе, как я люблю тебя и как я счастлив. Я писал тебе вчера, что в понедельник, вероятно, буду в Гжатске, и ты в тот же день должна будешь выехать из Москвы... Если же это будет в воскресенье, то я завтра отправлю тебе телеграмму: «Выезжай воскресенье». Остановиться предполагаю у акушерки, у которой, конечно, найдется место и папе с мамой. Мы познакомимся с Бароном и Левандой и великолепно проведем время, – только скажи папе, чтобы он привез из Эрмитажа с собой вина, какого вздумает (красного или белого), а закуску достанем на вокзале. Ты же, моя радость, изволь привезти с собою сорта 2 печенья и сладостей каких-нибудь. Ладно? Ну вот и хорошо будет. Деньги, вероятно, вчера тебе доставили, отдай за квартиру и приезжай, как я писал, со всем имуществом, благо есть на кого оставить квартиру – (вероятно, Катю оставить). Заканчиваю письмо и отнесу его сам, чтобы ты завтра в субботу его получила. Если завтра телеграммы не будет (в субботу), то будет таковая в воскресенье («Выезжай понедельник»); и в том, и другом случае на курьерском; буду встречать на вокзале. Остальное при свидании переговорим, а пока в ожидании. Крепко, горячо целую всех, а тебя, конечно, отдельно и особенно.

Твой любящий тебя муж и друг Санька».

«1-го августа 1897 г.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Получила твое письмо, где ты пишешь, чтоб я в понедельник выезжала вечером, но я уже тебе писала, что вечером мне неудобно с Оличкой ехать и поэтому я думаю выехать вторник утром в 10 час. с пассажирским. В понедельник я выехала бы, да, пожалуй, тебя не застанешь, да и мы еще не соберемся.

Мама, пожалуй, тоже приедет Гжатск посмотреть. Эльза, конечно, не была сегодня, как обещала.

Завтра хочу застраховать имущество, т.к. наша старая страховка вышла в августе.

Ну, пока нечего больше писать, еду на вокзал. Люблю тебя ужасно и жду не дождусь обнять и расцеловать тебя, моя дорогая птичка.

Всего хорошего, крепко целую и жду приказаний и письма твои. Оля и Люкуша.

Мои сейчас сидят у меня и просят передать тебе поцелуи».

«Ввиду того, что тебе хорошо для излечения малокровия подышать хорошим воздухом, а также хорошо и меня повидать – мы устроимся так: к 5-му числу ты будешь готова по уведомлении приехать ко мне в Гжатск с Ольгушей и Акулиной, поручив дом хозяину дворнику и любезности мамы, которая изредка зайдет посмотреть квартиру. Погостишь ты в Гжатске до тех пор, пока тебе не надоест, пока будет хорошая погода и т.д., даже и после моего отъезда. Я познакомлю тебя с Баронессой и еще с кем-нибудь из склада, – Леванда там будет за тобой ухаживать... Надоест все это, села в 10 час. утра на поезд и в 2 ты дома. просто и хорошо. И со мной 5 дней побудешь и воздухом с Ольгушей подышишь – ну словом, все отлично.

Как ты находишь мой проект? Рассмотри его и, одобрив, утверди, чем доставишь мне большую радость.

Дружка, конечно, тоже с собой.

Г. Гжатск. Общий вид. Почтовая открытка начала XX в.

Если же находишь какие-либо возражения – пиши, обсудим сообща.

Итак, в ожидании дальнейших радостных весточек от тебя, родная моя, остаюсь твой, любящий тебя горячо, муж твой Саничка, который шлет тебе бесконечное количество самых нежных поцелуев и дочурке и папе с мамой... Если же тебе самой мало останется – напиши, – я вышлю тебе еще. А пока закончу письмо еще одним Бутырским (заочно можно!) поцелуем.

Твой Саничка».

«Сычевка 10/VIII 97

Родная моя, цыпочка, милая Люкуша.

Как пусто стало кругом, скучно как без тебя, радость моя. Зачем тебя нет со мною, как мне хорошо, радостно, светло с тобою. Скоро ли, правда, я буду дома и потекут наши дни счастливо, покойно, – наши счастливые вечера вдвоем и изредка уютные вечера с гостями, где ты, моя жизнь, мое

счастье, радушной, счастливой хозяйкой будешь освещать наше гнездышко. Поскорее бы! Я радостно смотрю теперь вперед – осталось 3 недельки и я вернусь домой; если и уеду потом опять, то все же ненадолго, а на другую стройку уедем уж вместе. Кажется, завтра уже я окончу работы и во вторник с утра путь – в Белый. – Останется три только.

Надеюсь, что вы все, мои родные, три Олечки, здоровы, чувствуете себя хорошо. Оставайся, моя родная деточка, сколько тебе захочется, подыши воздухом, погуляй, а если скучно будет, отправляйся с Богом в Москву и ожидай скорого возвращения.

Люблю я тебя, родная моя, люблю бесконечно, горячо, нежно, – целую тебя без счета всю – мою жизнь, мое счастье.

Целую нежно деточку. Целую маму.

До скорого свидания. Увидишь, как время пробежит и мы снова горячо обнимемся.

Целую по-бутырски.

Твой Санька.

Пиши уже в гор. Белый».

«Сычевка 11/VIII 97

Дорогая Люкуша, ненаглядная женушка, цыпочка родненькая, радость моя.

Меня сильно беспокоит твое молчание, могла ты написать и субботу и воскресенье, получив мое письмо, но напрасно прождал я и воскресенье, и сегодня до обеда: письма нет. Что это значит? Здоровы ли Вы там? Сейчас телеграфирую Ив. Мих. с просьбой передать тебе мое желание знать о вашем здоровье. Телеграмму не адресую тебе, ибо думаю, что вы сегодня уезжаете или уже уехали домой. Не могу себе положительно представить ничего другого, как болезнь твою, чтобы объяснить твое молчание. Завтра уже не могу надеяться на письмо, ибо вчера сообщил тебе адрес на Белый. Надеюсь, что ответишь на телеграмму сейчас же, а то мне до Белого ничего не знать о тебе. Завтра уезжаю.

В страшном беспокойстве жду ответа и целую тебя горячо, моя бесконечно любимая ненаглядная женушка. Твой Санька».

«12-го авг. 1897 г. 9 ч. веч.

Миленький, золото мое Саничка!

Что же это, право, ты так беспокоишься, радость моя. Ну, надеюсь, что по приезду в Белый ты хотя и поругаешь меня изрядно, но все же успокоишься, прочтя мое длинное письмо. Мама уезжает сегодня с тем же поездом, как и отец, а я, провожая ее, отправлю и тебе, мой родной дружок, письмецо.

Сегодня барон приезжал ко мне, чтоб показать от тебя телеграмму, спросил, буду ли я сегодня у них, но я сказала, что нет, т.к. мама уезжает.

Я решила, что завтра пошла бы к ним и если бы они еще раз не просили настойчиво перебраться к ним, то я, конечно бы не поехала.

Мы с мамой в 6 ч. веч. отправились на вокзал пообедать; оказывается, что горничная от них была прислана ко мне, чтоб завтра я непременно приезжала совсем к ним. Право, какие они любезные и милые.

Дни стоят прекрасные и я постараюсь воспользоваться ими, пока можно.

Оличка выглядит уже гораздо свежее и лучше. Может быть, смотря по тому, как будет, я проживу здесь до тебя и вместе поедем домой. Скажи, ты ничего не будешь иметь против или лучше, чтоб я поехала раньше тебя на недельку. Скажи мне, родной, как ты думаешь лучше.

Ив. Мих. все лежит, просил тебе поклониться.

Журка каждый день является к нам с визитом и с Дружком в хороших отношениях.

В Гжатск приехали какие-то господа демонстрировать Синематограф[67]; остановились у Кулюкиной. Вот пока все здешние новости.

Мама тебя крепко целует. Я тебя люблю бесконечно, сильно, страстно и не дождусь, когда ты вернешься домой из этого скитания бесконечного, чтоб я могла тебя приласкать,

успокоить и любить, любить тебя, моя радость, мое счастье. Пока все это передаю на бумаге. Целую крепко, горячо, твоя Люкуша.

Ольгушка целует своего милого, доброго, но строгого папашу.

Пиши тогда к барону для меня».

«г. Белый 13/VIII 97

Дорогая моя, ненаглядная Люкуша.

Не знаю, куда и писать: в Гжатск ли, или в Москву уже. Как ты? Уехала или еще гостишь, – ничего не знаю. Ни одного письма, даже на мою телеграмму не сама ответила, а барон. Хоть там и сказано, что письмо послано, но я ни одного не получал и положительно ничего себе представить не могу другого, как то, что ты больна. Так ведь и тогда ты должна была мне телеграфировать, чтобы я приехал, – Сычевка не за горами – 6 часов езды. А я 5 дней волнуюсь, беспокоюсь, и только из-за того, что ты не могла сама ответить на телеграмму, – может быть, барон не хотел меня пугать и тебе не сообщил о моей телеграмме. Просто голова кругом идет. Я только что приехал в Белый, пишу тебе это письмо и иду на почту узнать, нет ли от тебя письма, хотя надежды мало. Где то письмо, о котором барон мне сообщает, куда оно адресовано?

Хотя, зачем я все это пишу – ответа на эти вопросы все равно не найду еще несколько дней, пока не получу твоего письма.

Нет, только болезнь твоя могла помешать тебе дать весточку о себе. Но что с тобою, родная моя? Лучше ли тебе хоть теперь... Как, право, скверно на душе... Нет, пойду на почту, может быть, есть письмо, хотя, конечно, нет. Если нет, опять телеграмму пошлю в Гжатск, прямо на твое имя, чтобы ты сама мне ответила.

Целую тебя, моя жизнь, мое счастье, моя радость, родная деточка... зачем ты меня так мучаешь. Люблю тебя...

Твой Саша».

«гор. Белый 14/VIII
97

Милая моя, ненаглядная женушка, дорогая Люкуша.

Слава Богу! Вы все здоровы: вчера получил твою телеграмму, а сегодня 2 письма от 11-го и 12-го Августа. Радость моя, жизнь моя, люблю я тебя, люблю бесконечно, оттого и беспокоился так, не получая 5 дней никаких известий от тебя. Ну да ладно, я успокоился, целую тебя горячо, страстно, без конца... Ты, моя ненаглядная, родная деточка. Итак, ты теперь у Баронов. Правда, Люкуша, какие они милые, добрые! И потому, что они такие хорошие – оставайся у них без всякого стеснения, сколько они тебя будут держать, и сколько тебе самой захочется. Против твоего у них пребывания я не только ничего не имею, а, напротив, радуюсь этому: побудь у них, подружись с Баронессой, подыши хорошим воздухом, отдохни от домашних хлопот – это как раз по рецепту доктора будет, – и жди моего возвращения, которое будет вероятно 29-го (или даже 28-го) Августа. У таких людей можно смело остаться, – они никогда не осудят, сплетен не сведут и не наделают гадостей... Словом, куда лучше разных родственничков и друзей детства. Их ты не стеснишь, а Бог даст, в долгу мы не останемся, отплатим и им гостеприимством; во всяком случае, сердечностью и радушием постараемся наверстать то, чего у нас не хватит для полного ответного приема. Итак, с Богом! Гостите, здоровейте, вспоминайте Вашего Саничку, который всею душою рвется быть с вами скорее и навсегда. Дай Боже, чтобы и дочурочке нашей пребывание твое в Гжатске принесло здоровье. Давай ей только, пожалуйста, побольше ползать. Слышишь? Я очень прошу тебя об этом. Будешь домой писать – кланяйся и целуй папу и маму.

Послезавтра я выезжаю уже из Белого, если все, Бог даст, будет хорошо, и в понедельник 18-го думаю начать работы в Духовщине, сам же я буду 18-го в Смоленске и 19 выеду обратно на работу. В Смоленск еду согласно просьбы Павла Михайловича узнать, сдадут ли нам работы на Смоленском складе за 7.578 руб. Если 18-го начну работы в Духовщине,

то 21-го выеду в Поречье и, начав работы там 23-го (а може, и днем раньше), 28-го кончу, и выеду в Гжатск к тебе. – Прибуду 29-го. Вот мои планы и мои новости.

Барону пишу любезную благодарность за их радушие и гостеприимство, и даже прошу их удержать тебя у них подольше.

Родная моя, Господь к нам так милостив, я так благодарю Бога за то, что он все так хорошо для нас устраивает. Оставайся, отдыхай, запасайся хоть немного здоровьем и верь в мою бесконечную любовь к тебе, моя родная.

Запечатаю письмо тебе и Барону и повезу на почту, а то завтра почта не уходит, а следующее я отправлю тебе, вероятно, коротенькое в субботу, и затем коротенькое же со ст. Ярцево (от барышен)... Поверь мне, радость моя, что все барышни всего света не имеют для меня интереса больше твоего мизинчика, который я теперь с таким восторгом расцеловал бы, а за невозможностью это сделать, целую тебя всю заочно, моя ненаглядная, горячо любимая женушка. Целую деточку нашу нежно любимую. Привет Баронам.

Твой навеки Саничка».

«Белый
16/VIII 97

Дорогая моя ненаглядная женушка милая, родная Люкуша.

Радуюсь твоему маленькому письму от 14/VIII. Вы, слава Богу, здоровы. Я чувствую себя хорошо. Работы окончил сегодня в 12 час. В 2 часа выезжаем в Духовщину. Я буду писать тебе со ст. Ярцево.

Сегодня ехать мне будет хорошо: утром был дождь, а теперь прохладно и пасмурно. Родненькая моя – через 2 недельки свидимся! Передай привет милым Баронам и скажи еще, что кланяются им Владимир Рафаилович Вильбоа[68] с женой. Затем, радость, еду сейчас на почту отправить письма и телеграмму Москву, а потому горячо, страстно целую тебя, мою жизнь, мое счастье, и дочурку нашу милую.

Твой Санька».

«Смоленск 18/VIII 97
(Лопатинский сад[69])

Милая, родная моя Люкуша.

Вчера не мог исполнить своего обещания – написать тебе, ибо приехал на ст. Ярцево к самому поезду, на котором и уехал в Смоленск. Вечером, конечно, на гулянье в Лопатинский сад: был на оперетке: «Le main et le coen»[70] с Варгиной[71] и Добротини и «Цыганские песни в лицах» с Троицкой и Владимировым. В общем, сносно. По саду гулял с Дорогобужскими барышнями – Ревякиными, здешними гимназистками[72]. Сегодня утром пил кофе, был в Управлении Акцизном – узнавать о деле – секретничают, но, кажется, работать в Смоленске придется, так как наша смета 7.500 дешевая против других конкурентов. Итак, нам придется прожить месяца 1 $^1/_2$ в Смоленске. Предвидя такой возможный случай, я в час пополудни сделал Дорогобужск. знаком. танцорам (им) визит, живут они в очень миленьком домике рядом с ее отцом; домик крохотный – только на двоих – гостиная, столовая, спальня и кабинетик с письм. столом, диваном и 1 стулом, кажется. Разыскивая их, я влез

Г. Смоленск. Лопатинский сад, летний театр.
Почтовая открытка начала XX в.

сперва к отцу ее, познакомился с ним, прибежала офицерша, напились чаю, посидели в крохотном садике, осмотрели квартиру молодых. С балкона у них вид на весь Смоленск – прелесть какой. В 3 часа приехал сам офицер и взял с меня слово, что я буду у них вечером на винт и вечерний чай. Я слово дал и отправился в Лопатин сад обедать и написать тебе, моя радость. Завтра, ведь, дочурке нашей 1 $^{1}/_{2}$ года, считая по-китайски и японски. Поцелуй ее крепко и нежно от ее любящего папочки.

Сижу я теперь в саду; начало письма писал с перерывами в антрактах между блюдами обеда, – теперь же покушал, пью сельтерскую воду, пишу тебе, моя родная, и мечтаю о тех счастливых днях, когда мы будем вместе. Чрез десять дней я уже обниму тебя, моя родная, милая, цыпочка ненаглядная. Слава Богу, работы к концу (Да, не забыть бы тебя успокоить, что гороховые у меня). Как я рад, родная моя, что ты у Баронессы на даче, и что ты в хороших с нею отношениях, да это и немудрено, – ты у меня такая простая в обращении и, вместе с тем, с таким тактом женщина: к этому доброе сердце, ласковая такая, так с тобою и не мудрено подружиться! Итак, гости, пока не заметишь сама, что довольно... Чуткость

Г. Смоленск. Общий вид. Почтовая открытка начала XX в.

у тебя развита хорошо. Если все ладно идет, то гости до моего возвращения.

Завтра в 5 час. утра на курьерском еду в Ярцево и Духовщину. Вероятно, в четверг выезжаю в Поречье.

Да! Спасибо тебе, моя радость, за твое письмецо мне в Духовщину. Я уже ругал себя, что забыл тебе сказать, куда писать и когда, но ты у меня такая умница, что сама догадалась.

Сейчас напишу еще Павлу Михайловичу письмо и поеду на вокзал опустить в почтовый вагон письма, завтра ты уже получишь его и мои бесчетные страстные поцелуи.

Привет милым Баронам. Деточке поцелуй, а тебе – весь я – твой любящий тебя бесконечно Саничка».

«Миленькая моя, родная, ненаглядная Люкуша, дорогая женушка. Вчера отправил тебе коротенькое письмецо с извещением об окончании работ и об отъезде моем в Поречье. Вчера вечером отправил своих молодцов на последнюю стройку, а сам сегодня утром выехал на ст. Ярцево – отправить остальной (лишний) материал в Москву. Отправив таковой, подумал, было, катнуть к тебе, моя радость, – очень уж хотелось тебя обнять, так мне скучно без тебя, просто места не найду, – да дела серьезные в Поречье требуют моего присутствия. Волей-неволей пришлось взять билет в Смоленск, где я и строчу тебе это письмо в ожидании поезда на Рудню. Если только мне удастся, то я через 2 дня удеру из Поречья провести с тобой 2-3 дня на отдыхе, в твоих объятиях, окруженный твоими заботами и ласками.

Да, родная моя Люкуша, – я люблю тебя все больше и больше, так мне тяжело, жутко без тебя, – сегодня я чуть не бросил все и не поехал к тебе. Господи! Скоро ли мы бросим якорь и заживем в нашем уютном гнездышке, где я буду упиваться твоими ласками, твоею любовью, окружу и тебя моими заботами и буду любить, любить!... Как я счастлив, Люкуша, и как я благодарю Бога за Его милость ко мне, – как у меня полна душа единственным желанием: видеть и знать тебя

счастливою вполне. Сознание, что желание мое достигнуто – сделает меня вдвойне счастливым, если это возможно. Твое открытое письмо в Белый и 3 письма в Духовщину я получил и, хотя все их содержание мне было совершенно знакомо, – все же, я с восторгом перечитал их по несколько раз. Теперь же только 2 дня, как я не получал от тебя весточки, а мне уже, право, больше недели кажется, и так скучно. Поскорее бы в Поречье – там твои милые, ласковые письма. Прочту, пробуду денек там и катну к тебе, моя радость. Ты рада? Конечно да!... Целую тебя горячо, крепко, страстно... Целую тебя всю.... Люблю тебя безумно... Жду ответного бутырского поцелуя от тебя, моя родная.

Целую деточку нашу родную.

Привет милым, любезным Баронам.

Твой весь Санька.

24 Августа

1897

Смоленск».

«26/VIII 97

Миленькая моя Люкуша, дорогая ненаглядная женушка. Как я обрадовался твоему милому, ласковому письмецу и, вместе с тем, как больно забилось мое сердце, когда я прочел, что ты себя нехорошо так чувствуешь. Еще сам я как-то вечером прислушивался к биению твоего сердца и нашел, что оно очень неправильно, хотя и перебоя не было. Родненькая моя, это так нельзя оставить – нужно лечиться и мы это начнем по приезде в Москву... Хотя, по-моему, это лишь следствие малокровия. Лечение же мы будем вести серьезно и правильно – я буду следить за этим. Что же касается того, что ты хотела бы скорее видеть меня около тебя, то так как это наше обоюдное желание – оно должно скоро исполниться. И на самом деле: работы заканчиваю через четыре дня – думаю, что в субботу выедем из Поречья и затем недели две-три прокататься на сдачу и я с тобою, моя радость, моя жизнь, ненаглядная моя женушка. Не знаю, когда и где будет назначена первая проба: боюсь, что через несколько

лишь дней после окончания в Поречье – тогда я должен ехать в Москву со слесарями и остаться там несколько дней, ибо работу мне в конторе найдут. Тогда уж, конечно, и тебе придется поблагодарить Баронов за их очаровательную любезность и гостеприимство, и мы поедем вместе устраивать наш уголок. Если же я на этой еще неделе получу расписание сдачи работ и если эта сдача даст мне лишь день или два отдыха, то я, явившись в контору со слесарями, сейчас же оттуда улетучусь в Гжатск, смотреть за окончательными работами и произвести несколько проб, куда и попрошу Дреземейера телеграфировать мне его распоряжения, а ты останешься еще недельки две у Баронов, так до 15 сентября, так как я рассчитываю освободиться совершенно 20-25. – Верно ли я думаю, обсуди и сообщи мне устно при свидании, которое будет в воскресенье, наверно. В субботу я тебе протелеграфирую, быть ли тебе готовою к отъезду со мною в Москву или лишь повидаться ненадолго, – и остаться в Гжатске. Не скучай, моя деточка, думай о том только, как горячо и беззаветно люблю я тебя, моя родненькая. Вот и теперь у меня сейчас такое страстное желание тебя повидать, обнять, крепко к груди прижать и осыпать тебя всю страстными поцелуями... И к сердцу такие волны горячей крови приливают, что даже жутко... Ты мое счастье, радость и жизнь... Тобою дышу, моя золотая; без тебя, как рыба без воды. Ведь, только пятый день, а мне так далеко наше последнее свидание кажется, что я и не знаю.

Не хочется и кончать с тобою беседовать, а нужно, а то уже 6-ой час, а почта уходит в 7. – Боюсь, не опоздать бы; завтра же почты вовсе нет. Целую тебя, моя ненаглядная, целую без счета. Молю Бога о твоем здоровье.

Весь твой Санька.

Целую деточку, привет Баронам».

«26/VIII 97

Поречье

Милая моя женушка, дорогая Люкуша. К крайнему моему разочарованию, по приезде в Поречье я не нашел ни одного письма от тебя. На почте говорят, что будто бы и были,

а на складе все отказываются, хотя, возможно, что и врут, ибо рассказывают, что есть тут люди – большие охотники до чужих писем.

Как бы то ни было – по получении этого письма, в Поречье больше не пиши, ибо и меня, вероятно, там уже не будет... В субботу думаю работы закончить. Дальнейшие свои планы сообщу дня через два. А как мое сердце чуяло, что нужно в Поречье ехать, а не к тебе, хотя я так и хотел взять билет на Гжатск вместо Смоленска: приезжаю сюда – не хватает 3-х батарей и это еще с июня месяца! Пришлось, конечно, телеграфировать. Если бы меня не было, телеграфировал бы Голубев и вышло бы наружу, что меня нет в Поречье. Это раз. Второе – по приезде сюда мне сообщают: «А Вам была телеграмма, подписана Дреземейер!». – «Давайте же ее, я жду важный известий!» – «Сейчас!». Начинают везде искать, рыться, даже в корзине под столом, спрашивают сторожа и т.д. «Да, телеграмма не важная!... Да где это, право, она, еще вчера здесь лежала!» – и снова поиски, а телеграммы нет. «Верно, у Манчтета!» Еду туда – его дома нет, неизвестно, когда вернется и где он обретается. Разозлился я ужасно. Еду на почту. Хоть там любезны: ровно час искали мою телеграмму по ленточкам. Нашли. Вот ее содержание: «Приезжайте субботу утром почтовым с Голубевым Москву назначена проба земской управы Надеюсь найдете возможным. Дреземейер». И это, по их мнению, не важная телеграмма!

Во-первых, они не имели права принять, если меня нет в Поречье, а, во-вторых, принявши и прочтя телеграмму они должны были из любезности послать в Москву ответ: «Вашего инженера нет». – Но мозги, конечно, покрыты плесенью и телеграмма даже затеряна. О, ты, провинция! Также и письма твои – верно, прочитаны и брошены. Я, конечно, и про это телеграфировал Дреземейеру, а сегодня письмо написал. (Вчера почты не было. Не уходила и не приходила).

Значит, опять хорошо, что я в Поречье, а не удрал к тебе. У меня замечательный нюх на этот счет. А то вдруг выяснилось бы, что рабочие в Поречье, а я в Гжатске, – и некрасиво вышло бы.

Итак, через 4 дня конец... Не знаю только, когда и где будет начата сдача – может, пробуду с тобой несколько де-

ньков прежде, чем уеду на третий круг. Сейчас иду на почту: и вдруг будет от тебя письмецо – я вчера просил там не выдавать письма на склад, сам буду ходить. Как я рад буду прочесть твои милые дорогие строчки.

Подочти-ка, сколько писем ты мне отправила в Поречье.

Затем, люблю как всегда тебя и дочурку – целую ее нежно, а тебя безумно страстно, твой весь Санька.

Привет баронам».

«2-ое сентяб. 1897 г.

Как я была опечалена, голубок мой, когда напрасно настороже сидела и ты не приехал все-таки.

Была, конечно, немало удивлена, когда доложили, что Катюшка приехала, но нашла, что ты очень хорошо придумал, как все и всегда, что ты делаешь, мое золото.

Какое безобразие, право, что тебя усадили в конторе. Голубев у меня был, я ему все сказала, но они еще на складе не окончили, здесь еще тоже ничего не начинали, так что сегодня они никак не могут ехать. Если ты, наверно, едешь завтра (среду) вечером и тебе необходимо видеть все-таки Голубева, то телеграфируй мне, что делать. Если они завтра управятся, то вечером поедут, а следовательно, ты не увидишь его ни здесь, ни там.

Ему я вчера только 1 р. 30 к. дала, а по зеленому листу он уплатил сам из оставшихся денег и больше у него ничего не осталось. Акулине я дала 4 руб.: 2 р. 38 к. на дорогу, 20 к. извозчик, 60 к. на харчи и 80 к. на мыло, соду и т.д. Акулина тебе даст мне черную юбку, а также возьми у нее мои ремни, т.к. они мне нужны будут.

Теперь Юлия Влад. просила тебя обругать за конфеты, туфли очень хороши. Барон опечалился было, что спиц нет! Сегодня целый день возился с велосипедом, к нашему ужасу! А сейчас 8 $^{1}/_{2}$ ч. в. сидит рисует.

Теперь еще, если можешь, сделай покупки: круг голландского сыра, знаешь, чтоб вкусный, сочный был. Я думаю, что у Чичкина[73] найдешь. Потом у Брюно 4 ф. цикории по

2 ф. пакет. У Мюрки[74] 5 моточков штопальной черной бумаги. Тангентные спицы[75], диаметр колеса 28 дюйм.[76], толщина по образцу. Спасибо тебе, моя радость, за твою покупку, хотя это и не особенно важно, но для таких маленьких мартышек, и это хорошо! Посылаю тебе бумаги от Голубева.

Поцелуй крепко папу и маму, поблагодари за коньяк, много и вкуснее, чем с тем.

Барону тоже очень понравился. Оличка Катю скоро узнала и пошла хорошо. Была очень веселая. Она целует крепко бабушку и дедушку, а также и папульку. Бароны Вам всем ужасно кланяются и страшно рады, что я опять немного осталась. Приезжай же, голубок, скорее, скажи Павлуше, что я больна немного, живу здесь и лечусь и что ты хочешь меня повидать и отдохнуть.

Смотри же, приезжай! Целую пока крепко, горячо, страстно.

Твоя Люкуша».

«26-го сент. 1897

Миленький, дорогой мой Саничка!

Ужасно обрадовалась твоему письму, моя радость.

Могу сообщить, что трюмо[77] и этажерка стоят уже на своих местах и комнатка здорово уютна теперь стала. Вещи пришли в исправности, содержались у Реут очень хорошо, за что я хочу отблагодарить их. Пересылка стоила Клюверу 22 руб., как он пишет, и спрашивает, что делать с оставшимися 8 руб. Ты обещал ему через неделю приехать в Петербург?!

Кофточку вчера я мерила и нашла еще одну неисправность, которую мне сделали и прислали сегодня утром на дом. Когда ее принесли утром, я вдруг увидела, что она черная, а не коричневая, как я была уверена до сих пор. Оличкино пальто вышло очень хорошо.

Сегодня купила 25 шт. капусты за 1 р. 75 к.

Сейчас на вокзал пойду, а то с уборкой и установкой провозилась весь день.

Как я рада бесконечно, что, Бог даст, ты 11-го будешь дома, моя радость, мое золото, ненаглядный Саничка! Пиши мне скорее о сдаче, я просто жду не дождусь узнать, как и что.

У нас пока больше ничего нового нет. Все, слава Богу, здоровы, вот только бедная мама мучается с глазами и скучает, что нельзя выходить.

Ольгуша тебя крепко целует, мои тоже, а я-то уж и не знаю, как тебя обнять и расцеловать, моя гулька дорогая.

Тысячу поцелуев шлет твоя Люкуша».

«Милая моя, родная женушка, ненаглядная Люкуша.

Тебе уже известно, что г. Кох в тот же день (день приезда в Смоленск) ночью отправился в Москву, решив приехать лишь в Духовщину, куда должны прибыть 4-го Октября новый (вместо Горского) инженер и мой друг Шереметевский[78], с которым я 24-го в Управлении познакомился, как не видавший его никогда. В 10 час. вечера Herr Koch распрощался со мною и двинулся в ночевку в известные места, откуда уже и должен был отправиться в 4 $^1/_2$ ч. ночи к курьерскому поезду на вокзал (если не опоздал). Я же в 4 часа ночи выехал в Поречье, куда и прибыл в 2 часа дня, промерзши до безобразия, ибо был холодный ветер и мелкий пронизывающий дождь. С 3 до 6 час. работал с Григорьевым и ранее отправленным (еще 18-го) туда Добролюбовым, и в 8 час. вечера улегся спать. Спал здорово до 8 утра, не слыша ничуть, что на меня ночью напал легион клопов и всего испестрил. Утром (это 26-го) я осмотрел все отопление, привел в порядок и в 12 ушел обедать. В 2 прибегают за мною – комиссия приехала. Комиссия это весьма gemutlicher[79] чиновник, – исполняющий должность техника (Herr Лютыка[80]), – некто Черниловский, с которым я уже знаком по Ельне и больше никого. «Что – можете сегодня сдать?» – спрашивает. – «С удовольствием» – отвечаю... «Ах, если бы в 6 час. уехать можно было, чтобы еще ночью со ст. Рудня выехать в Смоленск!» – «Можно», говорю. «Так давайте скорее!». – Обошли все – было тепло достаточно... «Так, так, ну вот и хорошо!». В одной комнате было только 11° вместо 15° ....

«Это даже и хорошо, что меньше, здесь больше 6° и не нужно»... – говорит он Заведующему. Тот поддакивает, а смазанный машинист так и расхваливает... «Однако, давайте, кончим, а то у меня голова начинает болеть от парового отопления (оно к чему-то было выкрашено и краска, конечно, воняет) – идемте акт составлять!» Акт составили, прелесть какой, – «все совершенно исправно и вполне удовлетворяет требованию контракта, нет препятствий к выдаче следуемых М. Дреземейеру денег» (15.000 р.) – Чего же лучше. Выпили потом чаю и я с ним на паре, а 2 слесаря на другой паре махнули на ст. Рудня.

Тут вышел инцидент. Мы то добрались вовремя, а слесаря опоздали, а потому Черниловский уехал, а я остался с молодцами до 4 час. дня (это с 3 час. ночи то!») – и из-за 2 минут, ну не обидно ли? Оштрафовал мужика на 1 руб. – (не доехал в 10 час., а мы в 6 час. доехали 42 версты) и лишь вечером вчера прибыл, вместо утра, в Рославль. Сегодня вежливо попросил развести пары (хотя и праздник) и осмотрел отопление. Исправил не действовавшее водяное в конторе (о чем уже давали даже телеграмму в Москву три дня тому назад), – провел весь день у Заведующего, пришел сию минуту домой и засел за письмо к моей ненаглядной. Завтра сдача, отопление исправно, машинист смазан, думаю, что Господь поможет сдать и этот склад, как Поречский. Вот и сообщил все подробно, места осталось лишь столько, чтобы сказать тебе, как я тебя люблю, как я по тебе скучаю и как жду 11-го октября, чтобы горячо страстно расцеловать мою родную любимую женушку и радостную деточку.

Пока заочно обнимаю, целую, желаю всего хорошего. Весь твой любящий тебя Санька, который сейчас побежит опускать письмо на почту.

Поцелуй папу и маму.

Твой и только твой Санька.

1-го вечером последнее письмо с вокзала (или 30-го в любой ящик) на Дорогобуж и 3-го вечером последнее письмо на Духовщину, а затем до 6-го в любой ящик на Сычевку, а 7 и 8-го в любой ящик и 9-го с вокзала в Гжатск: Понимэ?».

«29-го сентября 1897 г.

Миленький, ненаглядный мой Саничка!

Как я бесконечно рада, что в Поречье все хорошо сдано. Пошли Господь, чтоб и впредь везде благополучно все было и ты бы, мой голубок, обрадовал меня своим приездом 11-го числа. Я ужасно гадкая, все хандрю и скучаю без тебя, моя радость, просто места себе нигде не найду!

Вчера пошла к своим, но и там, как на угольях, посидела часок и убежала домой, даже они рассердились; а домой пришла, опять скучно, не пивши чаю и спать легла.

Оличку беру спать на твою кровать, все как будто лучше. Сегодня не пошла петь, во-первых, не в настроении, а во-вторых, шел и теперь идет дождь.

Третьего дня вечером была Анна Васильевна и ночевала, а сегодня, должно быть, мама останется, если папа от Барца[81] не заедет за ней. У нее, слава Богу, глаз гораздо лучше, она завязалась и приехала ко мне, а то уж соскучилась, не видавши Оличку столько времени.

Знаешь новость: Роба Загемель verlobt[82] с Лили Фейзер. Могу себе представить восторг и умиление Иды и Эмми!

Завтра думаю, что получу от тебя, родной, известие. Дома все по-старому, Акулина с той же физиономией надутой ходит.

Сегодня повесила в спальне занавеси на два окна, а на третье надо карниз отрезать еще. Завтра придет столяр делать письменный стол.

Паспортов ни у Акулины, ни у Кати все нет и нет.

Вот все новости. Теперь остаются старости – это, что я тебя люблю ужасно, бесконечно люблю, мой голубок, моя жизнь, и не дождусь расцеловать твою милую мордочку.

Оличка тебя крепко целует, она ходила гулять в своей новой шубе. Мама просит тебя тоже крепко поцеловать. Я же обнимаю крепко и горячо целую без конца в надежде скоро обнять и расцеловать тебя, золото мое, по-бутырски. До скорого свидания.

Еще разок крепко целует твоя Люкуша.

Я что-то не в настроении писать письма и, если не соберусь написать Юлии Влад., то чтоб ей не пересылать деньги по почте, ты скажи, что гамаши[83] – 58 к., ботики – 2 руб., и шапка – 1 р. 50 к. Все же постараюсь еще написать».

«2-го октября 1897 г.

Миленький мой, радость моя, Саничка!

Господи, как я рада, что у тебя все хорошо идет; пошли, Боже, чтоб поскорее все хорошо окончилось и ты бы вернулся опять ко мне, к твоей любящей, обожающей жене и другу, которая не дождется обнять и задушить тебя своими поцелуями.

Вчера я послала телеграмму: «Приветствуем счастливых юбиляров. Шлем своя искренние пожелания здоровья и всего лучшего.

Александр, Ольга Тидеман».

Не знаю, так или не так составила, но ничего лучшего у меня не вышло. Папа был там, играл в карты, пришел в 3 ч. ночи домой и ни в одном глазу, что говорится!

Белановские прибыли из Межиречья совсем и папа Сережу видел там, а Эльзу не видал. Дядя Саша с Гарольдом тоже там очутились!

Вчера у меня вечером были гости: мама, Ан. Вас., а потом приехала Надя. Мама и Ан. Вас. ушли рано, а Надя посидела до 11-ти час. Я вчера бы непременно послала тебе письмо с вокзала, но неловко было уехать. Тебе, наверно, скучно, что письмо не получишь лишнее, но, ведь, ты не будешь сердиться на меня за это? Правда?!

Сегодня купила на Бутырках дров сажень[84], первый сорт 9 р. 25 к. Кажется, будут хороши, толстенные, будет хороший прикол. Столяр и портниха работают у меня, так что детская – модная мастерская, а столовая – столярная.

Столик мой просто прелесть, какой миленький! Платье зеленое очень, очень хорошо будет – не знаю, понравится ли только тебе, мое золото, мой ненаглядный голубок.

Деньги я уже все растранжирила – ты сердишься!?!

Я написала письмо Г-ну Клюверу и Реут. Сегодня получила от тети Бетти. Она ужасно довольна портрету; очень грустит. Оля опять в таком положении и ужасно больна, так что они постоянно у нее дежурят, и Бетти так живет там. Я ей пишу сегодня. Она тебя целует и радуется за нас. Как бы я хотела полететь к ней, повидать ее!

Голубчик, приезжай скорее в наше уютное гнездышко. Ольгушка гуляет в своем новом наряде и ужасно довольна; даже не плачет, когда одевается. Ну, радость моя, целую тебя крепко, горячо и считаю дни до 11-го, когда я обниму тебя, мое золото. Как рада каждое утро сорвать листок с календаря – все днем ближе!!

Мои тебя крепко целуют, а твои Люкуша и Оличка еще крепче и сильнее: до свидания!!»

«5-го октября 1897 г.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Я вчера ужасно испугалась, когда получила телеграмму от тебя, даже открыть не решалась, так страшно было, но, слава Богу, содержание ее меня успокоило и я, конечно, все сделала, как ты хотел. В 3 часа я пошла, хотя был ужасный, дождливый день, к Дреземейер, поздравила старуху. Там была Анна Егоровна, с которой мы обменялись извинениями за то, что до сих пор не были друг у друга. Была сестра M-me Дреземейер, которая много рассказывала о серебряной свадьбе Пилацких.

У M-me Дреземейер был шоколад; было порядочно много и знакомых, и незнакомых лиц.

В 5 час. я ушла, хотя меня усиленно оставляли, но M-me Дреземейер просила, чтоб вечером я непременно пришла. В 8 $^1/_2$ ч. я отправилась вторично и домой пришла во втором часу. При мне пришли твоя и Павл. Мих. телеграммы.

Мы, две соломенные вдовушки[85], почти весь вечер были вместе. Я была в моем переделанном зеленом платье, которое вышло очень мило. Даже Ан. Егор. спросила, где я шью платья, ей очень понравилось.

Сегодня я сижу дома, т.к. осталась с Катей одна. Акулина уехала в деревню за паспортом, а то дворник хотел уж хозяину жаловаться. Останется до четверга. Да еще сижу дома, потому что M-me Юргенс напугала меня насчет грудей и велела обязательно растирать маслом и туго, туго бинтовать и день, и ночь. А то у нее при первом ребенке тоже, кажется, через три или три с половиной недели после того, как она перестала кормить и не обратила внимание на груди, сделалась грудница.

Теперь я сижу обвязанная и никуда не выхожу.

Я пишу тебе уже за моим милым столиком, а передо мною стоит твой портрет. Как хорошо столяр все сделал, просто прелесть, и взял за все 3 р. 75 к. Ужасно дешево!! Столик просто восторг какой!?! Занавеси все висят, все чистенько, беленько, приезжай только ты, мое золото, поскорее!

Оличка – умница, сегодня опять гуляла. Тебя крепко целует. Теперь я ее приучаю так спать, чтоб вечер она подольше гуляла, а то она все в 5 ч. встает. Сейчас хочу пить кофе (6 ч. веч.), а то обедала рано и пить хочется. Сегодня напишу баронессе. От моих тебе поклоны и поцелуи. Я же тебя обнимаю и крепко, горячо целую, мой соколик, мой ненаглядный Саничка, голубок.

Скоро, скоро увижу твою милую, дорогую рожицу.

Еще разок, дай, поцелую.

Твоя Люкуша.

P.S. Знаешь, Кох вчера там не был; ужасно странно, что его не пригласили!!»

«7-го октября 1897
Только еще 3 дня!!

Миленький, дорогой мой, ненаглядный Саничка!

Получила я твое письмо вчера и бесконечно рада, что все идет благополучно. О том, как я была у Дреземейер, тебе уже известно и поэтому сообщить нового ничего нет, а пишу только, чтоб исполнить твою просьбу и лишний раз сказать, как я люблю тебя, как ужасно рада и счастлива, что уже 7-ое число

и скоро, значит, увижу и расцелую тебя. К Анне Егоровне я не иду потому, что спросила, когда она бывает дома и она сказала, что по субботам. Она на этой неделе обещала непременно быть у меня.

Страшно меня интересует история с Левандой, значит, я нисколько не ошиблась, когда сделала маленькую характеристику о нем у Барона.

Ольгушка наша такая душечка, просто прелесть! У Акулины она каждую ночь мочилась, а вот как со мною спит, ни разу не обмочилась. Вообще, придется Акулину рассчитать. Баронессе я написала тоже. Больше ничего нет сообщить.

Мои тебе поцелуи. Ольгуша тоже крепко целует своего папочку.

Я же жду не дождусь обнять и расцеловать моего дорогого, милого Саничку. До скорого свидания, моя радость! Целую горячо, по-бутырски. Твоя Люкуша».

«10-го января 1898 г.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Как-то ты доехал вчера в Дорогобуж, мой голубок? Спал ли ты или мучился, сидя всю ночь? Сегодня целый день вспоминала тебя, когда завтракала, обедала и пила чай.

Вчера, ложась спать, я была поражена ранним прибытием гостей, это, вероятно, оттого, что я волновалась. Сегодня в ужасном количестве, т.ч. я никуда не ходила, а завтра думаю даже побольше лежать. Оличка тебя целый день ждала и, как только ей скажешь, что сейчас звоночек: «Динь-динь» – она сейчас же продолжает: «Папа!».

Мама приходила меня наведать, кланяется тебе и целует.

Дома пока все по-старому. В ожидании от тебя весточки пишу, чтоб обрадовать тебя по приезду в Смоленск и, что я была первая, которая поздоровается с тобой там.

Целую и люблю бесконечно, горячо. Твоя Люкуша.

Денег у меня 89 р. 31 коп.».

«Дорогобужский склад
10 января 98 г.
4 ч. утра

Родненькая моя женушка, дорогая Люкуша.

Добрался благополучно: до Вязьмы хорошо спал, в Вязьме понадобилось место: меня разбудили. Кое-как продрал глаза, вышел на платформу, заглянул в вокзал, – оказывается сюрприз: сидит Барон и пьет кофе. Мы с ним вместе и приехали; он ехал (дальше) в Сычевку. Вчера приехала его мать и его отпустили из дому. Ждут со дня на день. Расцеловались мы с ним, а тут и звонок, так поговорить и не удалось. Просил, одначе, тебе написать поклон. Здесь такая же мокрая погода, как и у нас, так что удовольствие проехаться 20 верст вовсе не так велико, как ты мечтала. На складе приняли радушно, – здесь же и Лютык. Запишет меня в клуб гостем, и каждый четверг могу танцевать. Следовательно, в четверг 22 ты будешь у меня в Смоленске. Решено и подписано. Увидимся, поцелуемся и потанцуем. Поклоны передал – отсюда шлют ответные, а я шлю тебе привет любящего мужа и лучшие пожелания. Кроме того, много, много горячих поцелуев, которые должны тебе сказать, как я люблю тебя, моя родная, милая, ненаглядная Люкуша. Целую милую, радостную деточку нашу и желаю тебе и ей доброго здоровья. Не скучай, милая Люкуша, вспоминай и люби твоего Саничку.

Поцелуй родителям».

«12-го января 1898 г.

Миленький, голубок мой Саничка!

Спасибо тебе за письмо, я рада, что ты поспал в дороге хотя немного, а то я уже думала, что тебе не придется совсем спать. Что, наверно, барон очень обрадовался увидеть тебя? Мне сегодня как-то особенно было скучно по Юлии Владимировне и я написала длинное письмо. Хоть бы скорее она распросталась бедная.

12-е января 1898 г.

Миленькій, голубокъ мой Санечька!

Спасибо тебѣ за письмо, я рада
что ты поспалъ въ дорогѣ хотя
немного, а то я уже думала
что тебѣ не придется совсѣмъ
спать. Что навѣрно баронъ
очень обрадовался увидѣть тебя?
Мнѣ сегодня какъ-то особенно
было скучно по Юліи Владимировнѣ
и я ей написала длинное
письмо. Хоть-бы скорѣе она
распростилась бѣдная.
Сегодня имянины у Тани
Бѣлановской и я съ Катей
послала свою карточку съ
поздравленіемъ. Тамъ была
Эльза съ Олечкой; мнѣ Катя

Письмо О.О. Тидеман от 12 января 1898 г.

Сегодня, ведь, именины Г-жи Белановской и я с Катей послала свою карточку с поздравлением. Там была Эльза с Оличкой; мне Катя сказала, что барыня похожая на Вас, и, когда я ей показала Эльзину карточку, то она ее признала.

Сегодня ходила на кофе к маме и, когда пришла в 4 часа, нашла письмо для тебя.

Не сердись, что я распечатала, сама даже не могу отдать отчета, как это я сделала, совершенно машинально.

Зачем Лютык в Дорогобуже?

Из-за вашего отопления что ли? Если дома будет все хорошо и мама согласится побыть у нас, то я приеду 22-го повидаться с тобою, мой голубок, мое солнышко ясное. Вчера я никуда не ходила, чувствовала себя не особенно хорошо и много лежала. Сегодня ничего, хорошо себя чувствую, но к доктору не пошла, т.к. не имеет смысла теперешний визит.

У нас вторая зима настала; снегу навалило ужас сколько, уже третьи сутки все идет снег. Сегодня мороз 10° и, при этом, вьюга.

Что-то сегодня студенты выкинут? Или будут держать себя благопристойно. Оличка все хныксит и зубы все не вылезают. Дома все по-старому. Мама тебя целует, Оличка тоже обнимает ручками.

Я же тебя бесконечно, горячо люблю, мой родной, и крепко, крепко целую. Люби и пиши твоей Люкуше.

P.S. Денег у меня 87 р. 03 к.».

«13-го янв. 1898 г.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Получила твое письмо, очень рада и спокойна, что, наконец, ты добрался до Смоленска. Теперь ты напишешь, где ты поселился и тогда совсем хорошо будет.

Анна Васильевна у меня ночует сегодня, были и мои, но теперь ушли, (1 ч.н.) А.В. легла, а я села написать тебе хотя немного. Знаешь, Саничка, у Олички опять такой запор, как тогда; завтра утром будет 2-ые сутки, как она не ходила. Сегод-

ня вечером она опять так ужасно кричала и корчилась, я поставила ей клистир, но она маялась до 11-ти час. и все-таки так и не сделала. Я с ужасом думаю о завтрашнем дне или, может быть, еще даже и ночью. Зубок у нее один прорезался сегодня, а другой еще мучает.

Ах, как я боюсь, как она начнет опять так мучиться, как тогда. Утром опять поставлю клистир с глицерином, а если не поможет, то к Тагеру.

Студенты вчера вели себя довольно скромно, в Эрмитаже никаких беспорядков не учинили и люстры уцелели.

Сегодня ходила в город и переменила эту вешалку для полотенец, а то ту нельзя было совсем прибить. Купила сахар и чай, и вот теперь стала сводить счет и, вдруг, не хватает рубля, так и не могу придумать, где я его просчитала. Ужасно это меня расстроило, ломаю голову и ничего не могу придумать. Теперь у меня денег 82 р. 18 к., а надо 83 р. На днях надо покупать дрова, а то морозы-то завернули. Сейчас 20°.

Ну, прощай, моя радость, мой золотой Саничка, целую крепко, горячо без конца. Лягу немного, а то скоро опять вставать. Будь здоров. Целует горячо твоя Люкуша.

Мои и А.В. тебе шлют привет».

«№ 5.

Смоленск 14/I 98

Милая моя женушка. Согласно обещания, данного тебе сегодня на вокзале написать тебе еще сегодня подробное письмо, я, как только очутился у себя в номере, заказав самовар, уселся беседовать с тобою, ненаглядная, дорогая, радость моя, Люкуша. Написав тебе вчера письмецо, я поехал в 3 часа на склад, осмотрел вновь устроенную нашу мастерскую, купил еще железа для подстилки под горн и для устройства зонта над ним, купил лампу молния[86], угол и приступил к работам, обещав наградить за старание. Затем поехал на товарную станцию выкупать материал версты за три, совсем на край города; материал выкупил, нанял лошадей для доставки его на склад и вернулся обратно на работы. В 8-ом часу прибыл в гостиницу,

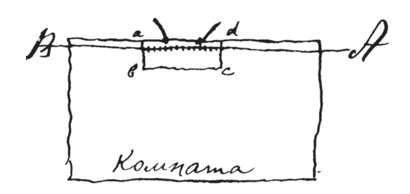
напился чаю и пошел в клуб на rendez-vous[87] с Лютыком (в Дорогобуже он был из-за трещины в котле) около 9 час. веч.

Вскоре прибыл и он туда – страшно любезный, записал меня на 1 месяц гостем (уплатил за билет 2 руб., конечно, я). Потом стал он играть на биллиарде, – забыв совершенно даже меня чем-либо угостить. Я в это время сидел читал журналы и газеты, потом разговорился с одним из членов клуба и время прошло до $^1/_2$ 2-го. Вдруг Лютык очень любезно предупреждает, чтобы я ушел, а то мне придется не 30 коп., а 90 коп. после 2 час. ночи штрафу уплатить. Я, конечно, поблагодарил его за любезность и ушел домой не солоно хлебавши и уплатил еще 30 коп. штрафу за удовольствие просидеть с Г. Лютык в клубе. Я бы на его месте никогда так не поступил в первый вечер со своим гостем в клубе. А я положительно стеснялся что-нибудь закусить, боясь вызвать его на уплату и думая, что все же он и сам догадается хоть рюмку водки с бутербродом предложить. Итак, прошел мой второй день в Смоленске. Сегодня на меня напала скука, не смотря на то, что я целый день был занят. Скука эта усугубилась еще отсутствием от тебя хотя бы коротенькой весточки.

Утром проснулся в 8 $^1/_2$ час., напился чаю со вчерашними еще сдобными кренделями и поехал на склад. Нанял каменщиков, съездил в Казначейство, где меня продержали 1 $^1/_2$ часа и, когда я вышел из терпения и вошел кабинет казначея узнать, получу ли я, наконец, купоны на 225 р., то они объявили мне, что купонов срочных не имеется, а не срочных они не отрезают. Я деликатно спросил, почему же мне никто не скажет об этом целых 1 $^1/_2$ часа – мне ответили, и не деликатно, что ответ уже отправлен в Акцизное Управление (так как я пришел с бумагой из Акц. Упр.) – а мне будто бы никто и не должен ничего говорить. «Очень любезно!» – ответил я им и откланялся.

Затем зашел в клуб, за 90 коп. позавтракал, 10 к. лакею и снова на склад, – в надежде получить от тебя писулечку. Вместо этого получаю от Пав. Мих. – при его письме приложено письмо от Управляющ., что в Ельне полопались трубы и мы должны их исправить. Пав. Мих. пишет, чтобы я ехал в Ельню. Чувствуя инстинктивно в вежливом письме Пав.

Мих. некоторое неудовольствие на то, что со всех складов жалуются на неисправность – я тотчас же отписал П.М. подробное письмо.



Из письма А.Г. Тидемана от 14 января 1898 г.

Дверь – две половинки которой целый день раскрыты настежь. abcd – деревянные сенцы для защиты комнаты от холода из раскрытых дверей. А. В. – наша труба под полом. Таким образом, часть этой трубы с точечками оказывается прямо на улице и что же после этого мудреного, что труба эта лопается; когда вода в ней замерзнет. Этот случай как раз обнаружился эти 2 дня, что я был в Дорогобуже, на Дорогобужском складе и я отказался исправлять такие повреждения, ибо они

Г. Смоленск. Пушкинская улица, слева здание Благородного собрания. Почтовая открытка начала XX в.

не по нашей вине. В контракте сказано, что «отопление должно действовать при плотно закрывающихся и плотно закрытых двойных оконных рамах и дверях», а не при настежь раскрытых среди зимы окнах и дверях. В заключение письма моего к П.М. я пишу: «Параллельно с соблюдением Ваших выгод в этом деле прошу обратить Ваше внимание на это обстоятельство, как равно и на неумелое и небрежное отношение к приборам отопления машинистов склада (что и вызывает частые жалобы на неисправность), – как и оправдание от могущих возникнуть на меня нареканий в якобы небрежном выполнении мною работ по устройству Ваших отоплений. При личном же свидании с Пав. Мих. я упомяну ему и несообразность устроенного Гофманом водяного отопления.

Расстроившись этим письмом, да еще тем, что Отто опять не выслал то того, то другого по невниманию своему, – я уже не мог собраться писать тебе – к тому же, и ты не написала мне. Приехав, однако, на вокзал, чтобы сдать заказное Пав. Мих. я не утерпел и написал тебе открытое письмецо. Затем вернулся на склад, пробыл до 7. Поехал в клуб, почитал журналы и в 10 был уже в номере, где заказав самовар, сел поболтать с тобою. Так что теперь я пишу тебе и пью чай с пирожными.

Мороз трещит здесь ужасный – 24° держит целый день. Завтра посмотрю, что за вечеринки в Благ. Собр.[88] – начало в 9 час. – сперва вокальные упражнения, но не утомляют публику: 4 и никогда не больше 5 номеров, а с 10, с 10 $^1/_2$ танцы до 2, а, если разойдутся, то и до 3 час. ночи. Подробности сообщу завтра. Зал и паркет очень хороший.

Надеюсь, все же крепко потанцевать с тобою здесь. Одначе, целый час прописал, а так как прошлую ночь не очень важно спал, то клонит меня в сон. А потому, до завтра. Спокойной ночи. Люблю, думаю о тебе, скучаю и крепко целую без счету тебя и со счетом дочку.

15 Января

8 час. С добрым утром, миленькая.

11. – Побыл на работах. – Зашел в контору черкнуть несколько строк еще, так как новостей нет, то эти строчки будут

посвящены лишь объяснению в любви. Итак, я люблю тебя бесконечно, нежно, горячо, нет у меня ничего дороже на свете, как ты, прежде всего, и, затем, дочурка.

Целую крепко ее и родителей, а тебя страстно – по-бутырски.

Здоров совершено. Дай Бог и тебе, и Оличке того же».

«№ 4

15-го января 1898 г.

Миленький, радость моя Саничка!

Пишу и спешу ужасно, т.к. хочу везти эти письма на вокзал, а вот сейчас З.А. прислала письмо, что она опять больна, лежит и просит непременно придти. Надо сходить обязательно, ну, вот я и спешу! Сегодня ночью в 4 ч. вдруг опять телеграмма. Оказывается, от барона, сообщает, что родилась дочь и все благополучно, хорошо.

Сейчас посылаю письмо с поздравлением, а тебе тоже пишу, чтоб ты завтра послал. Сегодня была у старой Дреземейер с визитом. Там в субботу собирается большой пикник, должно быть, троек 10.

Как раз барышни рассуждали, что нет никого, кто бы дирижировал, а я подумала, что вот у нас так наоборот. О Кохе M-me Дреземейер отзывается с большим благоговением!

А тебе, мой родной, еще выговор от меня, что это ты утром только приезжаешь в Смоленск и уже успел повидать гимназисток?! Смотри, Сашулька, я тебе задам за барышень-то.

Вот еще новость: Надя прислала сегодня письмо и пишет, что приедет 20-го или 21-го. Как же теперь быть, ведь, я хотела к тебе ехать?!

Ну об этом еще поговорим, ты скажешь, что ты думаешь, а пока кончу и покачу на вокзал. Люблю и целую тебя горячо, крепко, мое солнышко, мой родной дружочек Саничка!

Оличка целует тебя и все зовет, зовет.

До свидания!

Твоя, навеки твоя Люкуша».

«6.

Смоленск 16/I 98

Склад

Родненькая моя, милая ненаглядная Люкуша, любимая женушка. Только пришел в контору склада с намерением тебе писать и узнать об Олечке – а то я тоже забеспокоился за Вас двоих. Но оказалось, что твоя открытка уже ждала меня с успокоением. Рад за вас, и благодарю тебя за письмецо и внимание.

Вчера, отправив тебе письмо, часов около 12 вернулся на склад и пошел к одной женщине, где мне рекомендовали дешевые обеды, по 30 коп. Обеды действительно дешевые, но неважные. Затем часов около 5 решено было на складе между 2 служащими взять меня на пансион к ним, – не долго думая, расплатился в гостинице и переехал на склад: дали мне комнатку и полный пансион за 30 рублей в месяц. Ведь отлично – и на извозчиков тратиться не нужно, – встал и на работе.

Итак, экономия в кармане. Вечером был в клубе. Должны были петь 2 барыни по 2 номера, но одна перед самым началом прислала письмо с отказом и пела только одна. Спела недурно 2 номера и 5 коротеньких на bis и в 10 час. начались танцы.

Познакомили меня с одним артиллеристом, который представил меня 4 первым барышням и одной дамочке – княгине Урусовой.

Танцами своими обратил на себя внимание. Во время одного вальса даже удостоился быть приглашенным, когда дамы приглашали.

Надеюсь, однако, – не ревнуешь (10 минут тому назад получил твое вчерашнее письмо, где, однако, что-то про гимназисток сказано), потому что ты знаешь, как я тебя люблю и что лучшее удовольствие для меня танцевать с тобою. Про гимназисток позволь написать опровержение: до сих пор ни одной не видел; я писал про гимназистов.

Тороплюсь и я кончить письмо и хочу послать работника на вокзал, – сам ожидаю Лютыка для сдачи ему материала нашего, что нужно для получения 1800 руб.

Итак, вечера в клубе очень милые, – танцуют еще танец венгерку – которую мы не умеем, но я и не жалею, ибо хорошего мало. Много танцуют мазурку. Вернулся в 3 часа.

Добился сегодня у Лютыка циркуляра во все склады, чтобы жалоб на лопнувшие трубы больше не было, а если трубы по их вине лопнули, то пусть сами и в исправность приводят. Барону сейчас телеграмму отошлю. Спасибо за твои письма, любовь и внимание. Целую без счета мою дорогую, милую, симпатичную женщину и возлюбленную, а также и детку нашу радостную. Привет родителям.

Твой и только твой Санька».

«№ 5.

16-го января 1898

Золото мое, родной мой Саничка!

Как меня встревожило известие, что опять неудача на твоей постройке в Ельне и что, как ты говоришь, П.М. недоволен очень этим. Это уже всегда так бывает, высшие напортят, а ты и расхлебывайся. Пожалуй, Коху это на руку будет? Что ты думаешь? А и Лютык очень мило поступил с тобою!?

Значит, ты на этих днях уедешь в Ельню? Как-то ты там справишься? Господи, как это меня волнует и обижает, что столько стараний было положено, чтоб все хорошо было и вот теперь вдруг ото всюду жалобы и неприятности. Ну да что же делать, не ты во всем этом виноват.

Сегодня Наталья опять ездила за паспортом и выправила, наконец, его, теперь и Осип успокоился, а то отдыху не давал ей. Забрала в счет жалованья 4 р. 25 к. и все до копейки истратила. Она вся прелесть какая хорошая, сделала очень хороший домашний квас, и вообще у нас теперь такая тишина и спокойствие, что прелесть. Я себя, благодаря этому, очень хорошо чувствую и даже вставанья по ночам меня не утомляют, т.к. днем я ничем не волнуюсь и не сержусь. Катя вчера была опечалена отъездом в деревню ее тетки и дяди (Алексея), ей теперь некуда ходить со двора. Она послала в деревню 3 рубля.

Сегодня у меня была Маня, принесла Оличке игрушку опять, они ее порядочно балуют. Она не плакала совсем при ней и скоро очень доверчиво и смело подходила и давала ручку. Сейчас (11 ч. веч.) я должна была опять сделать клистир Оле; хотела подождать до утра, да она проснулась, должно быть, от боли и ужасно кричала.

Теперь она облегчилась и засыпает у Кати на руках. Завтра пойду опять к Тагеру, спрошу, что значат эти запоры, хотя я уверена, что это вследствие зубов. Она ужасно скучает по тебе, Наталья говорит, что она и беспокойна так еще больше от тоски по тебе. Как она зовет и ищет тебя повсюду, если бы ты видел. С тех пор, как ты уехал она меня ни за что не целует и отрицательно качает головой, если спрашиваешь: любит ли она меня? Твои же портреты расцеловывает все, какие только есть. Саничка, не забудь, 19-го рож. Мани, может, ты напишешь ей; а меня она просила к обеду.

Я не понимаю, что ты все говоришь, писем нет; напиши, сколько ты получил, ты ничего не пишешь о письме от Матросова, а ты его должен был получить 13-го, т.к. 12-го я возила на вокзал. Вчера была у З.А., у нее страшное нервное расстройство, она тебе кланяется и говорит тоже, чтоб ты там разных гимназисток не отыскивал. Миленький мой, голубок, если бы ты знал, да ты и знаешь это! – Как я тебя люблю и боготворю просто. Я так счастлива твоею любовью и ласками, скажи, счастлив и доволен ли ты мною, мое солнышко, жизнь моя, Саничка. Целую тебя крепко, страстно, родной мой, твоя любящая бесконечно Люкуша.

P.S. Касса моя на сегодня состоит: Р.С. 57. 64 к.

Пиши мне, писать ли мне, пока ты в Ельне? В надежных ли руках будут мои письма?

Привет от родителей и Мани».

«№ 6.

18-го января 1898 г.

Золото мое, родной мой Саничка!

Вчера работала зеленую юбку, потом прошла после обеда к маме, папа собирался ехать на лисицу в «Подсолночную»[89]. Пришла домой в 10 $^{1}/_{2}$ ч., Наталья устроила мне мытье головы, а Катя мытье ног, так что я и снизу и сверху была омыта и поэтому легла сейчас же в постель и не могла тебе написать, но чтоб ты не остался завтра без мытья (заболталась!) письма, то я сегодня еще на вокзал отвезу. Сегодня папа приедет в 5 ч. веч. и они будут со мною обедать. У нас вчерашний горох, потом нам, жареное мясо, а папе вареники и потом ватрушки к кофе.

Сейчас ходила гулять, заходила к З.А., потом в Охотный к Смирнову[90].

Радуюсь, что ты веселишься, хотя, откровенно говоря, завидую тебе, что ты веселишься.

Про гимназисток беру слово обратно, т.к. увидела, что ты действительно писал про гимназистов.

Очень хорошо, что ты поселился на складе, как это для тебя удобно, да и дешево здорово, так что поэкономишь немножко.

Сегодня я Оличку взяла к себе спать, чтоб вымывши ноги, не простудить бегавши, и принуждена была два раза ее высечь за капризы, после чего она отлично уснула. Она тебя целует крепко. Я здорово озябла и хочу попить кофейку горячененького, а пока крепко, горячо целую тебя, моя радость!

Теперь 8 ч. веч. Хотела после кофе тебе еще немного написать, да пошла Наталье помогать вареники делать и вот теперь только после обеда могу тебя крепко, горячо расцеловать и сказать, что я тебя бесконечно, страстно люблю, моя радость, жизнь моя, Саничка дорогой. Сейчас поеду на вокзал с мамой. Папа тебя записал и подписано еще членом, но, наверно, не было еще заседания, хотя он думает, что завтра пришлют. Ну, родной мой, будь здоров, жду, что ты мне напишешь, а пока до свидания. Целую крепко и люблю бесконечно, твоя Люкуша.

Мои тебя целуют».

«№ 7.

19-го января 1898 г.
12 ч. ночи

Родной мой, ненаглядный Саничка!

Сейчас приехала от Мани, где, конечно, все сидят и играют в карты, и поэтому скучища смертельная. Мы с Настей только и развлекались, что где-нибудь в уголочке разучивали «Mignon»[91]. Показывала она мне и «венгерку», но мне не нравится. До сих пор телеграммы от тебя не было.

Сегодня днем только что я собралась к портнихе, как пришла Вязмитинова и просидела до 4 $^{1}/_{2}$ ч., так что мне осталось только время одеться и ехать к обеду, а портниху по боку. Думаю завтра съездить. Сегодня я была уже опять в своем милом зеленом платье.

Приехать, значит, к тебе мне не придется, т.к. и ты едешь в Ельню и не знаешь, когда вернешься, да и от Нади жду каждый день известие о выезде. Позже 22-го и не стоит уже ехать, т.к. ты, мой голубок, прилетишь 31-го, а тогда уже опять увидимся в Гжатске, а не то, так я приеду к тебе. Вязмитинова была очень мила, просила непременно придти к ней. У Коли так и нет зубов до сих пор, ничего не ест и на ногах теперь совсем не стоит.

Оличка была очень миленькая при ней, подошла к ней, давала ей мячик и все бегала по гостиной и хохотала. Тебя она все в гостиной ищет и, если в спальне, то зовет в щелочку двери гостиной. Меня с твоего отъезда не любит и не целует ни за что. Знаешь новость, хотя ты, наверно, в газетах читал, театр Солодовникова[92] сгорел сегодня ночью.

Вот и все пока. Кончу на сегодня. Верю тебе, мое золото, верю в твою любовь ко мне и отплачиваю тебе такою безграничною любовью, какая только существует. Живу теперь 31-м числом, эти дни хотя бы быстрее промелькнули!!

Обнимаю, тоскую и целую тебя крепко, крепко, мое счастье, моя жизнь и отрада, и деточка тебя тоже целует. Твоя Люкуша.

Папа и мама тебя целуют. Поликарповы и Настя тоже».

«№ 8.

20-го января 1898 г.

Радость моя, дорогой Саничка!

Подумай, получаю сегодня письмо от Нади, где она сообщает, что должна вместо Москвы ехать по делам в Петербург, что пробудет там неделю, потом заедем дня на два-три домой и приедет к нам. Значит, и она не приедет, и я к тебе не поеду, а буду теперь рот разиня ожидать 31-е число, чтоб обнять и исцеловать всю твою милую, дорогую мордашку. Мы с Натальей очень заняты теперь обедом 1-го числа. Мы решили пока так: бульон с пирожками, телятину-жаркое и крем. Ты скажи, если тебе что-нибудь хочется особенно из кушанья.

Сегодня меня Наталья накормила очень хорошим рассольником и даже на третье устроила бланманже[93]. Вот как я важно живу теперь без тебя, три блюда обед устраиваю.

Ах, я теперь ужасно довольна, миленький Саничка, спокойствие и тишина теперь в доме и все вовремя, все сделано.

Сейчас (9 ч. веч.) приехала от Нади Бюрнье, поехала, да не застала ее дома.

Спасибо тебе, родной, за твое вчерашнее, хорошее письмо. Верю и знаю, Саничка, твою любовь и стараюсь, по возможности, платить тебе тем же.

Милее, выше тебя у меня ничего нет, моя жизнь – это ты, мое солнышко, моя отрада.

Напилась чайку (10 $^1/_2$ веч.), докончу тебе писать и лягу спать.

Теперь я ставлю себе будильник под подушку, чтоб он не так звенел, и поэтому сплю крепко. Оличка через 2-2 $^1/_2$ ч. отправляет свои надобности. Сегодня 2 тревоги я слышала, а третью в 6 ч. утра, подумай, проспала, но Катя, оказалось, просыпалась сама и поэтому Оля была суха. У Оли оба зуба теперь вышли. Если бы ты, Саничка, посмотрел, какая она обезьянка теперь становится, просто потеха.

Ты теперь, вероятно, спишь в Ельне или дуешься в карты!?

Ну, родной, окончу на сегодня и пойду спать, пока до первой очереди 12-12 $^1/_2$ ч. Будь здоров, люби и вспоминай твою тебя любящую и обожающую Люкушу.

Ольгунька тебя крепко целует и старики тоже.

Касса моя сегодня: 43 р. 98 к. Что, мало? Меня тоже поражает, куда это деньги идут, но я теперь аккуратно записываю все и каждую копейку вижу, куда идет. За 7 дней что-то, на стол вышло 9 р. 90 к, а остальные расходы 22 р. 46 к. Здорово!!

Ну, спокойной ночи, миленький мой, дай Бог скорее увидеться и обнять тебя, мое солнышко».

«Дорогобуж
21/I 98

Милая моя Люкуша.

С воскресенья не писал тебе... ибо те два слова на открытом бланке, что я писал тебе за 2 минуты до ухода поезда – считать за письмо нельзя, – так я был занят, моя дорогая, что, право, 2 минут свободных не было: масса хлопот по получению 40% Дреземейера, не меньше по получению каких-то несуществующих купонов в Казначействе, черчение 1 экземпляра проекта, составление, по вдохновению, сметы 1 экземпляра для Акц. Управления, а тут опять неприятность... В Дорогобуже заморозили калорифер и льдом разорвало 10 из 12 батарей.

В Контору официально сообщил, что это по вине тамошнего машиниста, а потому прошу назначить туда Г. Кох и просить Техн. Лютык для осмотра повреждений. Исправлять повреждения я отказался совершенно. – Завтра утром я возвращаюсь в Смоленск. Так мы и не могли списаться с тобою относительно твоего приезда – сначала я думал телеграфировать тебе из Ельни, чтобы ты выехала сегодня курьерским, да побоялся, ибо не знал, как долго задержат меня дела в Дорогобуже. (Могла ли ты впрочем еще и приехать – не знаю; может быть, у тебя гостит уже Надя, – чему я тоже очень рад). Итак, видишь, как я был занят... И в этой кутерьме я совершенно забыл поздравить милую Манечку. Сходи, будь добра, к ней, поцелуй ее за меня крепко и скажи, что я искренно прошу

ее извинить меня, что я вполне сознаю свою вину, но надеюсь на доброту ее и думаю, что мы все же останемся по-прежнему друзьями. Затем, поцелуй ее еще раз и поздравь сердечно, хотя и задним числом, и пожелай ей всего, всего лучшего от меня. Покажи ей даже письмо это и скажи, что я даже тебе с 18 не писал. Сделаешь? Ну вот, спасибо!

Итак, что же Люкуша? Приехала Надя? Или не приехала, и наше свидание могло бы состояться... Тогда обидно, очень обидно. Хотя, у меня на утешение имеется такой план: ты выезжаешь в среду на курьерском, в 3 часа ночи уже со мною (это 29); вечером ты едешь в Благородное Собрание танцевать, в пятницу мы высыпаемся и в 7 час. вечера выезжаем в Москву вместе. В субботу в 9 час. утра мы всем семейством пьем утром кофе. Затем я на 2 часа еду в Контору; потом обедаем и собираемся на семейный вечер в Verein[94], – встречаем мою 32-ую годовщину существования. Затем у нас в 6 час. обед, в 8 – чай, затем небольшой винт, закуска и отдых. Понедельник 2-го в 6 час. на курьерском мой отъезд. Таким образом, мы вместе: четверг, пятницу, субботу, воскресенье и понедельник до вечера. Ведь, кажется, не дурно... Как ты думаешь. Сообщи. И будем надеяться, что на этот раз никакая труба не лопнет на этих поганых складах. Да, про воскресенье забыл тебе рассказать. Офицерское Собрание[95] в Смоленске никуда не годится... в смысле того, что это небольшой сравнительно зал, без всякой вентиляции, где после первого вальса воротнички приходят в негодность. Половину зала занимают любопытные, не танцующие... В зале какой-то туман, копоть, пыль. Простояв весь спектакль (с 7 до 12 ч. ночи) на ногах, я потерял всякое расположение к танцам, а протанцевав 3-4 тура с Жибуртович, лишился воротничка, расположения духа, а когда сошел вниз, чтобы одеться и уехать домой, то оказалось, что лишился еще и калош, – это, конечно, неприятное лишение, хотя я не побрезговал рядом имеющимися на красной байке, номером больше моих, так как не желал шлепать по лужам. Здесь удивительная погода: сыплет огромное количество снегу лишь для того, чтобы было чему таять. Был день мороза 24° на другой день было + 2°, и теперь все время либо снег, либо дождь.

Чем ты занимаешься? Шьешь муфту? Делаешь шляпу? Или Олечке белье? Взяла ли колечко и цепочку для часов, а также и часы, уплатила ли за сапоги. Сколько денег?

Целую, люблю, обожаю мою ненаглядную женушку, Люкушу. Поцелуй деточке. Привет родителям. Поклоны. Твой любящий Санька.

До завтра!»

«№ 9.
22-го января 1898 г.

Миленький мой, родной Саничка!

Приехал ли ты из Ельни или нет? Вчера только не писала, а уж как соскучилась, точно вечность тебя не видала, и не говорила. Когда я пишу тебе, так мне тогда так хорошо – точно я тебя видела и поговорила.

Вчера я не писала, т.к. была уставши, да еще и думала, что сегодня от тебя письмо будет, так я и хотела сегодня писать. Вчера утром я была у Лапшиной: она нашла, что леченье идет очень хорошо и сказала, чтоб я зашла к ней так пос-

Г. Смоленск. Зал офицерского собрания. Почтовая открытка начала XX в.

ле следующих гостей. После завтрака ходила в город, взяла твои часы и свою цепочку, которую очень хорошо сделал; кольцо оставила, так как сделали и оно опять велико. Уплатила 10 руб. Вечером с мамой были у Вольтер и смотрели из окон у них на «карнавал на льду». Масса народу и порядочно много маскированных. Вольтер и Элерс тебе шлют свой сердечный привет.

У нас опять страшная мокрятица, днем 3°, а теперь 1° тепла. Какая безобразная погода все стоит, такие резкие перемены.

Сейчас 12 ночи, Оличка все плачет, не спит, вероятно, у нее животик болит, я ее накормила сегодня кашей «Геркулес» к завтраку. У нее сделалось расстройство. Я думаю, что это скоро пройдет, это просто новая пища попала в желудок. А как она ела с удовольствием эту кашу!

Саничка, как же мне быть, ведь ледник, значит, не надо набивать? Или останусь на лето здесь, так тогда надо подумать теперь, а то лед проворонишь.

Если ты теперь в Смоленске, то, вероятно, танцуешь, веселишься, а я сижу себе одна, и как сердце ноет, как тоскую я по тебе, мой дорогой Саничка!! Хорошо, хоть ты можешь веселиться, тебе не так заметно разлука, а вот мне так никуда не хочется идти, а и пойду, так не сидится – все домой скорее, скорее спешишь. Или ты скучаешь сейчас (12 $^{3}/_{4}$ ч. н.) или тебе очень весело, потому что на меня такая тоска напала, так гложет сердце и сна нет и утомление какое-то! Как гадко, гадко на душе..... дам волю слезам, а то душат – легче будет!! Кончу на сегодня, больше не хочу писать, уж больно гадко, тоскливо, и ничего хорошего не напишу.

Прощай, пиши, люби и думай о твоей Люкуше, которая тебя так ужасно, бесконечно, глубоко любит, обожает и молится на тебя, моя жизнь, моя отрада, Саничка».

«№ 10.

23-го января 1898 г.

Дорогой мой, голубочек Саничка!

Только вчера я написала тебе такое гадкое письмо, да уж больно гадко на душе было, а сегодня получила твои два милые письма, за которые крепко, горячо целую и благодарю. Так хорошо стало на душе, опять услышала, что ты говоришь «люблю». Какая я глупая, право, женщина, я это вижу, но что же, если мне так скучно без тебя, если я тебя так люблю и хочу постоянно слышать и знать, что и ты тоже!

Да, Саничка, и мне тоже очень жаль, что моя поездка не состоялась, но, хотя твой план и очень заманчив, и если ты захочешь, ты, конечно, уговоришь меня, ведь это ты знаешь, но только, я думаю, благоразумнее будет, если я не поеду, а ты приедешь днем раньше. Право, жалко тратить деньги на дорогу, когда ты все равно приедешь, значит, только на один день, а истратить надо много. У меня деньги вылились, как вода, теперь я даже думаю, что-то ты скажешь? Как мы сделаемся, я, право, не знаю, ты сказал, чтоб я вышла с деньгами до конца февраля, а у меня теперь уже только 23 р. 43 к.

Ничего решительно себе не позволяла, а денег нет, да и на хозяйство ушло немного. Этот денежный вопрос меня ужасно волнует. Что же это, голубок, на всех складах неприятности и неприятности?

Теперь, надеюсь, ничего нигде не случится и я могу тебя встретить в пятницу утром и расцеловать.

Ольгушка усиленно тебя зовет каждый день и вчера даже «папатя» сказала. Какая славная она делается! Могу себе представить, как она тебе обрадуется.

Итак, золото мое, я ожидаю тебя в пятницу утром на вокзале.

Пока крепко, горячо целую твою милую, славную мордочку, моя радость, моя жизнь, Саничка. Сегодня взяла и кольцо, довольно хорошо сделал. Ну, покойной ночи, иду спать!!

Целуем тебя крепко, твои Люкуша и дочурка.

P.S. Загладь вину свою, напиши Мани пару слов к 26-ому – ее именины».

«№ 11
25-го января 1898 г.

Дорогой мой, ненаглядный Саничка!

Спасибо тебе, радость моя, за твое милое, хорошее письмо; прости, соколик, что я тебя опечалила своими слезами и тоскою, я сама знаю, что это нехорошо, но что же, если мне было так скучно. Вот теперь после твоих хороших писем я опять умница стала, веселая и довольная. Ты теперь уже получил письмо, где я пишу, что не приеду, а жду тебя, моя радость, в пятницу утром. Вчера я не писала тебе потому, что была со своими в Эрмитаже, смотрела чудеса. Вчера давал обед и бал В.П. Берг[96] – этот миллионер, что бывает у Андр. Андр. Что за роскошь была, трудно себе и представить. В колонном зале были накрыты 7 круглых столов по 10 перс. каждый. В середине каждого стола возвышалась чудная пальма под потолок (кадки их были скрыты под столом, а штамба выходила в середине стола). Ствол был декорирован камелиями и сиренью, потом цветы все ниже и ниже и, наконец, по всему столу раскидывалось чудное плато из роз, ландышей и гиацинтов. Эти плато были освещены разноцветными лампочками электрическими, а на среднем столе, где сидел хозяин с хозяйкой и вся пальма, каждый лист были освещены. Проволоки (проводы) середины потом к каждому столу, были обвиты плющом, так что получилось нечто вроде беседки. Кроме того, что на столе все утопало в цветах, на каждом приборе были бутоньерки. Все было чудно-хорошо, точно сказка, и, подумай, это только на время обеда, а потом все убрали и был бал.

Мы сидели в 6-м каб. Надя, Калинин и мы трое и ели все от стола. Конечно, чудная закуска, натащили столько, что поместить невозможно было. Обед был: суп из свежих огурцов, Гатчинские форели[97]. Дикая коза (с салатом из Парижа). Потом был punche-glace[98]. Пулярка[99] из Парижа с вышесказанным салатом. Спаржа. Мороженое внутри с ореховым кремом и кофе.

Вино пили белое 14 руб. бут. и красное что-то вроде этого, и потом неизвестное количество шампанского, т.к. приходил Шарль, Смирнов, Шевалье и Егор Францевич (с бала) и каждый все ставил шампанское. Приехала домой в 2 ч. и легла спать. Пишу сегодня и сейчас пойду на вокзал, чтоб ты завтра не остался без письма. Оличка только что встала 5 ч. 20 м. веселенькая, танцует и целует тебя. У нее и 11-ый зуб вышел, должно быть, и еще идет. Итак, голубок, крепко тебя целую и благодарю за письмо и ожидаю в пятницу. Завтра иду к Мане. Мои тебя целуют.

Будь здоров, моя радость, до скорого свиданья.

Целует горячо, страстно твоя Люкуша.

Спасибо за деньги, хотя я вышла бы и так до твоего приезда, у меня теперь 20 руб.»

«№ 12.
26-го января 1898 г.
11 ч. веч.

Дорогой мой Саничка!

Сегодня в 11 ч. утра мне принесли уже деньги, за которые я тебя благодарю, хотя до тебя обошлась бы и так. Ходила до завтрака в город, потом завтракала.

Получила твое длинное письмо, прочла его и стала собираться к Мане. Там, конечно, все то же и те же. Маня говорила, что получила от тебя телеграмму и довольна. В конце концов все сели играть в карты, а я удрала домой.

Ты, как видно, не доволен мною и обиделся за мое письмо, но что же делать – я знаю, что это и гадко, и эгоистично с моей стороны, но я уже такая гадкая, а только, вот как пришлось, так я и написала, что есть.

Нисколько я тебя не упрекаю, а также и не сомневаюсь, что ты меня также и любишь, и думаешь обо мне, а только вот стало вдруг так гадко на душе, ну и написала под этим впечатлением, глядишь – оно и гадко вышло! Я уже говорила тебе, что я опять хорошая теперь и чтоб ты не сердился. Теперь живу надеждой поцеловать тебя в пятницу и попить с тобой кофейку уютно.

Я с тобой вполне согласна, что хорошо было бы обойтись без закуски, но только выйдет ли это? Позвать ли Поликарповых? – я, думаю, нет, к обеду не надо. Весьма возможно, что ты в пятницу увидишь утром Маню, т.к. в четверг она хотела придти в ночевку ко мне. Тогда ничего не говори о воскресенье. Итак, значит, осталось три денька! Жду, не дождусь, когда опять увижу тебя, мне кажется, что я тебя полгода не видала уже. Пока, будь здоров, люби и не сердись на твою Люкушу, которая, если и глупит, так только из сильной любви к тебе, моя радость, мое солнышко».

«2.

5-го февраля 1898 г.

Миленький мой, золотой Саничка!

Получила сегодня твое открытое письмо, обрадовалась, что ты здоров и скоро приедешь ко мне. Надя приехала и вчера же объявила мне, что пробудет у нас не более 5-ти дней, но я ей сказала, что она должна остаться до тебя, хотя она говорит, что останется только до среды, если ты не приедешь, то она должна уехать. Напиши ей, пожалуйста, строгое вразумление по этому поводу. Мы, конечно, много, много говорили обо всем прошлом, настоящем и будущем.

Надя совсем не переменилась, все такая же, как и была. Оличка и Дружок сегодня уже стали ее лучшими друзьями. Оличка получила опять игрушки, а нам она привезла пряников, приезжай скорее их есть, пока свежи.

Что же ты один будешь там до среды делать, если рабочих отпускаешь в субботу уже? Я с радостью думаю, что скоро опять увижу тебя, моя радость, голубок мой!

Сегодня я была приятно поражена прибытием гостей – ты был прав, когда говорил, что ничего не будет. Целую тебя, родной мой, крепко, горячо и долго по-бутырски, только не сердись, что я такая гадкая.

Сегодня мы с Надей не спали до 3-х ч. ночи, все болтали, болтали.

Пока ничего нового нет, только и скажу тебе, что я тебя бесконечно, ужасно люблю, мое золото, только и думаю о тебе постоянно и благодарю Бога за мое полное счастье с тобою.

Надя и мама шлют привет. Оличка и я крепко, горячо целуем своего милого, доброго папочку.

Твоя Люкуша»

«3.

7-го февраля 1898 г.

Радость моя, ненаглядный Саничка!

Я рада, что ты получил мое письмо, а то я вчера так опечалилась, что ты сделал мне якобы упрек в том, что ты до сих пор без весточки. Саничка, что ты никак не ухитришься приехать домой в среду? А то Надюшка непременно уезжает в четверг. Такая гадкая, ни за что не хочет остаться подольше; не знаю, отчего это, вероятно, оттого, что я не умею уговорить, как следует быть. Мне так хотелось бы, чтоб она при тебе еще погостила.

В понедельник мы собираемся в Большой театр. Завтра пойдем в Эрмитаж вечером.

Теперь, Саничка, ты успокоился насчет гостей – я уже тебе писала, что они явились. Я очень рада, пока что это так, хотя, может быть, это чистый эгоизм с моей стороны. Знаешь, голубок, в Твери 6-го декаб. бывает большой бал в Юнкерском училище[100], так вот мы с Надей уговариваемся ехать на этот бал. У нее траур кончится и она непременно поедет. Билеты можно будет достать через Надю, такие, какой она сейчас имеет, и тогда поездка стоит во 2-м классе туда и обратно 3 р. 80 к. Надюшка покупает на лето себе верховую лошадь; вчера мы смотрели седло, подержанное, но очень хорошее, 18 руб. всего.

Мы сидим работаем, болтаем и читаем. Оказалось, что Надя тоже начала читать «На пути к счастью» и остановилась на том же месте, где и мы, и вот мы теперь по очереди читаем вслух. Вчера ездили пить кофе к маме и гулять в город. Оличке Надя купила очень хорошенькую летнюю материю белую на платье и пестрый кушак.

Очень много говорим о тебе, т.к. у меня постоянно в мыслях ты и ты, мое счастье, солнышко мое, Саничка.

Хотя сейчас ужаснейшая погода, ураган, но я все же поеду на вокзал, чтоб ты не остался без письма, моя ласточка.

Может, как-нибудь устроишься и обрадуешь меня в среду утром, как бы я бесконечно рада была, если б это возможно было.

Дома все, слава Богу, хорошо по-старому. Оличка резвится, хотя временами зубы дают себя чувствовать и она не спит, а плачет. Надя шлет привет.

Мои и Ольгушка тебя целуют, а сильнее и горячее всех, конечно, целует тебя твоя любимая и беззаветно любящая Люкуша.

Надюшка оказалась ярой винтеркой[101] и очень сожалеет, что тебя нет, она бы с тобой ухитрилась вдвоем играть. Она это умеет!»

«4.

9-го февр. 1898 г.

Радость моя, миленький мой Саничка!

Сейчас получила твое письмо и очень опечалилась, что ты остался вчера без письма, когда я так заботилась об этом и, не смотря на ужасную вьюгу, ездила в субботу на вокзал, только чтоб ты не остался без письма, мой родной.

Положительно, не знаю, как это все выходит?

Вчера мама и папа были у нас, ели блины, а вечером мы были в Эрмитаже. Сегодня идем втроем на «Фауста»[102], взяли кресла 16-го ряда по 1 р. 80 к. Надя согласна тебя ждать до четверга и есть вместе блины, но с уговором, чтоб вечером мы ее проводили на вокзал. Ей необходимо ехать!

Фармацевтический вечер будет 14-го в субботу. Постараюсь достать билеты по 2 руб.

Как-то ты вчера веселился? А скажи, пожалуйста, кто это замужняя барыня, брюнетка, которой ты так заинтересовался? Сегодня еще мечтал об ее разговорах?! Это интересно?!? Значит, Саничка, и ты доволен прибытию гостей? Я, слава Богу,

в очень хорошем настроении и жду не дождусь встретить тебя, обнять, расцеловать всю твою милую, славную мордашку.

Дома все хорошо, хотя касса и жидковата, всего на 8-ое число 16 р. 92 к. Ну, ничего как-нибудь справимся!

Пока крепко, горячо целую по-бутырски и жажду поскорее увидеть тебя, мое золото, гулинька моя. Надя шлет привет. Ольгушка целует своего папочку, а я-то, твоя Люкуша, готова задушить тебя в своих объятиях, если б ты очутился сейчас здесь – так я тебя горячо, беззаветно люблю.

Надя сидит, глядит на мои восторги и ругается паршивой девчонкой!!

До свидания!»

«1.

17-го февраля 1898 г.

Миленький, радость моя, Саничка!

Я хочу, чтобы и ты получил поскорее от меня весточку и потому снесу сегодня на вокзал письмо. Значит, завтра мы оба получим письма. Сегодня я спала до 11-ти час., чувствую себя хорошо.

Вчера, когда я пришла с вокзала домой, вдруг кто-то в окно в кухне постучал, Катюшка, конечно, моментально убежала в переднюю. Наталья открыла дверь и говорит, что Катю спрашивают мужик и баба какие-то. Оказалось, что отец и мать Катины идут пешком к Сергии Троицы[103] и зашли повидать дочку. Вчера и сегодня переночуют и утром пойдут дальше. Из деревни они 5 дней шли. Катюшка ужасно рада!

Дома все, слава Богу, хорошо. Ольгушку должна была сейчас угостить клистирчиком и теперь она опять повеселела.

Купила дрова.

Мама пришла, кланяется тебе, хотела вчера придти проститься, да голова очень болела. Принесла тебе билет из «Покровительства» и опять весь комплект бумаг. Что, прислать уж не стоит тебе? Да?

Ну пока рассказала все новости. Хочу сегодня идти к Анне Вас. насчет платья.

Теперь скажу тебе, что я ужасно тебя люблю, жду поскорее тебя домой. Оличка тебя целует. Сейчас пообедаю и пойду на вокзал.

До свидания, родной мой Саничка, целую тебя, радость моя крепко, горячо. Люблю, люблю тебя ужасно, золото мое.

Вся твоя любящая тебя Люкуша».

«Смоленск 18 Февр.
1898 г.

«Милая моя Люкуша, как мне скучно было вчера вечером без тебя, как мне хотелось быть дома, с тобою, моя радость. И сегодня тоска... Письма не получу... Хотя, может быть, ты и снесла вчера на вокзал весточку, чтобы обрадовать меня... Как бы я благодарен был тебе! А то уж завтра буду ждать. Пишу я тебе уже с новоселья: рядом со складом увидел объявление: «Отдается комната со столом». Зашел. Оказалась довольно неважная, хотя чистенькая конурка (2 окна на улицу). Мне проходить через хозяйскую комнату, а через мою проходит другой жилец в следующую комнатку. Подумал – не велика важность

Г. Смоленск. Риго-Орловский пассажирский вокзал.
Почтовая открытка начала XX в.

на неделю-то, или 10 дней, а зато дешево-то: 15 рублей с обедом, ужином и 2 раза чай. Конечно, стол не ахти какой, да можно молоко хорошее доставать; зато по 2 р. 50 коп. в день экономии выводить можно, а ведь нужно же заэкономить оставленные 20 и прокученные на масленице[104]. Вот я и перебрался еще вчера и сегодня утром (спал с 9 до 8). Был приятно удивлен, что ни одного клопика не имеется в комнате – ведь это прелесть. Утром попил чайку с молоком, сходил на работу и вернулся к себе, чтобы побеседовать с тобою, родная моя, милая Люкуша. 10 $^1/_2$ час. утра. Написавши тебе письмецо, сбегаю еще раз на работы, посмотрю, нет ли письмеца от тебя и вернусь к первому обеду. Сообщу тебе тогда в P.S-ме меню.

Завтра с почтовым поездом на Москву выезжаю в Дорогобуж с младшим техником Перовым для определения причин разрыва батарей. В пятницу вечером или в субботу утром, как успею, вернусь в Смоленск: в субботу буду пробовать отопление, работы будут кончены в субботу утром. Опробовавши, заявлю официально об окончании работ и не позже вторника они должны будут назначить комиссию для приема. Если они решат серьезно принимать, то, пожалуй, выехать удастся лишь в среду вечером. Следовательно, не позже четверга я буду дома, а тогда пятницу и субботу буду на отдыхе; в контору пойду лишь с понедельника. В этот понедельник придется съездить в Рославль. (Сейчас слышал свисток почтового поезда – есть ли мне весточка от тебя? Через час узнаю).

Если придет расположение писать – напиши баронессе в Гжатск – узнай, как и что у них; мы могли бы на 5-ой неделе к ним махнуть на 2 дня. Что ты думаешь.

Ах, как мне скучно без тебя, ненаглядная, любимая моя, с какой бы радостью я обнял тебя, крепко бы прижал тебя к груди моей и целовал бы, целовал... Тебе тоже скучно, моя радость! Ну, потерпим еще недельку, а там опять надолго вместе. – Как хорошо было бы в Мещерском[105] все лето вместе прожить... сначала нужно было бы целые дни на работе быть, а когда все уже пошло хорошо, тоя мог бы целые дни дома быть, сходив лишь 2 раза в день на проверку. Дай Бог, чтобы это так и устроилось. Вспомнили бы мы с тобою Парголово. Как там хорошо было!

А что, миленькая, как насчет Питера и Кронштадта на Пасхе. Хотелось бы мне съездить с тобою, конечно, дня на 4, – сделать распоряжение, чтобы на могилке мамашиной цветы были и крест выкрашен, вообще все в порядке. – Може и съездим, – без Олечки только.

Да, Люкуша миленькая, напиши, пожалуйста, тете Бетти поздравление со внучкой, – не забудь, Ольги Крюгер тебе, конечно, и упоминать не нужно, – поздравление только тете Бетти (меня, конечно, приобщи к поздравлению твоему и сердечным пожеланиям).

12 $^{1}/_{2}$ час. дня. Письма не оказалось, значит, до завтра. Завтра, конечно, со мною вместе на почтовом побежит и письмецо к тебе, постараюсь и из Дорогобужа отписать.

Теперь буду обедать... Обед оказался довольно сносным, суп с перловой крупой и картофелем и тушеное мясо с картофелем. Стакан молока вместо десерта, и я чувствую себя очень хорошо. Итак, экономить по-возможности. Сообщил все новости, теперь буду ждать завтра от тебя. Надеюсь, что и ты, моя радость, и дочурка, – обе здоровы. Не скучайте же и ожидайте скоро меня домой.

Твой любящий тебя горячо Санька, который шлет тебе бесчисленно количество поцелуев, из которых несколько штук удели дочке и родителям. До скорого свидания.

Санька.

Люблю тебя, моя дорогая».

«2.

18 февр. 1898 г.

Радость моя, ненаглядный Саничка!

Сегодня, как обещала, отдала платье переделать (вчера ходила узнать, возьмут ли?). Обещали сделать. К 6-ти час. поехала в Зоологический сад, отдала и получила расписку, которую и пересылаю тебе. Оттуда домой пришла пешком и прошла 40 минут. Обедала, благодаря этому, с аппетитом: солянку и бифштекс с брюквенным соусом. Письмо твое думала уже не

получить сегодня, но все же получила, хотя, гораздо позднее обыкновенного.

Что же это опять в Рославле стряслось?

Миленький мой, я думаю завтра сходить к Дреземейер.

Хоть бы поскорее проходила эта неделя, а тогда все-таки можно будет сказать: «На этой неделе приедет мой родной, миленький Саничка!». Как я рада буду, когда ты опять будешь со мною, моя радость. Поскорей бы только проходили эти дни!!

Ольгуша спит вчера и сегодня со мною, а Кате я позволила спать с матерью в детской. Завтра, вероятно, они уйдут. Наверно, Катерина рев задаст. У нас сегодня опять страшная вьюга и снег. Куда это только снег все валит.

Надюшка так и не шлет письма до сих пор – загуляла, вероятно, здорово на маслянице. Что ты обрадовался моему письму сегодня? Ведь ты не ожидал?

Голубок мой, люблю тебя горячо, бесконечно и целую много, много раз, а потом еще долгий, горячий бутырский поцелуй. Дочка тебя тоже целует. Теперь, когда ее спрашиваешь: «Как тебя зовут? – она говорит: «Чижик! (Тидик!)».

Ну, радость моя, поцеловав тебя еще крепко, я лягу спать. Покойной ночи! дорогой мой, родной Саничка!

Твоя любящая тебя глубоко Люкуша».

«Смоленск 19/II
1898

Миленькая Люкуша, дорогая женушка.

Как тебе уже известно, я очень надеялся на твое письмо вчера, но увы! В 12 час. разочаровался: письма не было. Придя домой пообедал и задрых (pardon[106] за выражение!); спал с 2 до 5 час. Затем, выпив чайку и положив готовое уже письмо в карман, отправился на работы, затем в контору и получил твое письмо. Спасибо тебе, моя радость, за твою любовь и внимание. На вокзале купил открытый бланк и сообщил тебе в виде приложения к письму № 2 о моей радости, и для того, чтобы ты не опечалилась при мысли, что твое старание

доставить мне радость было будто бы напрасно. Итак, письмо получено, рад, доволен, благодарен, люблю, целую. Рад еще и потому, что ты сообщаешь о хорошем самочувствии на другой день мосле моего отъезда, а то я уже беспокоился, так как в понедельник ты себя чувствовала не особенно хорошо.

А что, Катерина позвала родителей к себе чай пить на другой день по их приходе – нужно бы было, чтобы они рассмотрели, где и у кого их дочь живет, чтоб зря не беспокоились и ее нравственности и житье-бытье. Вероятно, ты догадалась их позвать, моя миленькая. Катюшка, конечно, очень рада!

Ни билета, ни бумаг мне, конечно, присылать не нужно, потому сегодня через неделю я буду уже дома, а вот квитанцию на 5 руб. Домбровского жду заказным письмом. Жду новостей о твоем платье, – согласились девицы переделать рукава? Или нет? Сообщи кассу твою. Когда дойдет до конца – вынь из копилки 2 пятирублевика и пополни кассу.

К Белановским сходи, Люкуша, – я боюсь, не обиделась ли Манечка за разговор о монахах и попах. Конечно, не извиняться за это – ибо это наш взгляд и убеждение, высказывать каковые мы имеем полное право; но нужно, ведь, и тебе к ней сходить, чтобы не отвадить ее от нас, особенно теперь, когда мы ее еще и обидели, хотя и невольно. Маму благодарю за поклон. Кажется, вполне ответил на твое № 1 письмо, подожду 12-ти часов, чтобы ответить и на № 2.

Сегодня в 7 час. выезжаю, как решено, в Дорогобуж. Теперь 11 часов. Пока до свидания, до часу. Целую.

Опять не сообразил: написанное тобою в среду, да еще отправленное заказным в четверг, я могу получить лишь в субботу, по возвращении из Дорогобужа.

Итак, мне остается лишь заключить письмо, как и всегда, объяснениями в любви, – самой горячей, неизменной, подкрепленной многочисленными горячими, страстными поцелуями и сердечными пожеланиями полного здоровья тебе самой и деточке нашей милой. Любите и Вы меня, не скучайте и ждите веселые, здоровые и любящие скорого возвращения вашего Саничка.

Целую тебя, дочурку и родителей.

Тебя, конечно, и больше и горячее всех.

Твой, любящий тебя, друг и муж Санька.

Меню:
вчерашний суп (по моему желанию)
переперченные котлеты
и каша гречневая с молоком.
Сыт».

«3.

Москва
19-го февраля 1898 г.

Миленький мой Саничка!

Получила твои два письма, только была очень удивлена почерку на конверте. Неужели это ты писал? Вот уж ни за какие деньги не узнала бы я руку. Очень рада, что все-таки ты получил мое письмо, как я хотела. А ты еще благодаришь меня за него; Господи, да я не знаю, чтобы я не сделала, только чтоб ты был доволен и счастлив!

Сегодня послала утром тебе заказное. Была я у наших Дреземейер. Поздравила и старуху, и счастливую невесту. Карточки еще не готовы, так что весьма возможно, что и мы получим. Свадьба, вероятно, будет осенью. Разговор все вертится на этом. M-me Дреземейер была опять очень любезна и просила почаще бывать. M-me Юргенс очень сожалела, что когда она ожидала своего мужа на вокзале целый час и что я ждала тебя тоже, но что мы все же не видались и не могли поговорить, чтоб убить время. Я, конечно, тоже сожалела, а не стала говорить, что я вовсе не была там, надеясь, что они забыли, как это дело было. Пожалуй, и нам придется на свадьбе пировать!!

Завтра думаю сходить к Анне Егоровне и Вязмитиновым.

Сегодня прислали дополнение к «Модному свету»[107].

У Надиной племянницы (Оличка), что живет у Юдиных не то скарлатина, не то тиф – ужасно больна; я не была еще у Нади, да думаю и не ходить, а то, пожалуй, она там бывает.

Ты теперь едешь в Дорогобуж. Хоть бы скорее ты также ехал в Москву. Как я рада буду обнять и расцеловать тебя, мое золото, дорогой мой Саничка.

Дочурка тебя зовет скорее и крепко целует. Я же жду не дождусь тебя обнять, целую крепко, горячо, бесконечно и остаюсь любящая и любимая твоя женушка Люкуша.

Мои тебя целуют!»

«4.

Москва 20-го февраля 98 г.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Если бы ты знал, как я беспокоилась вчера ночью и сегодня весь день о том, как ты доехал в Дорогобуж. У нас просто света Божьего не видать, какая вьюга, ураган стоит эти дни. Все думаю, уж не сбились ли Вы с дороги, потом у тебя нет ни валенок, ни башлыка, как ты только доедешь в такую погоду.

Сегодня я никуда не выходила, т.к. Катя «говеет»[108]. Завтра, как Катя причастится[109], придет домой, то Наталья просится сходить в Марьину рощу[110]. Значит, и завтра никуда не выберусь, да оно, пожалуй, и хорошо – кто на первой неделе по гостям ходит. Оличка опять спит со мною, т.к. Катя в 5 ч. уйдет к заутрене[111].

Пока все хорошо и по-старому; купили дров и денег у меня еще 17 р. 74 к.

Я считаю каждый денек теперь до четверга, когда я опять обниму и крепко, горячо расцелую своего милого, доброго Саничку.

Чижичик наш тебя крепко, долго целует и шлет тебе свое «аттити!». Ну, радость моя, обняв и расцеловав тебя мысленно (пока!!), закончу и лягу, хотя и очень еще рано 9 $^{3}/_{4}$ веч., но ввиду раннего вставанья нашей дочери, хочу поспать хотя вместе с ней.

Будь здоров, Бог даст, ты благополучно съездил в Дорогобуж, а поэтому веселого, здорового увидеть в четверг жаждет твоя нежно-любящая Люкуша».

«5.

Москва 22-го февраля 98 г.

Миленький, родной мой Саничка!

Как я рада, что получила, наконец, от тебя письмо, а то вчера я просто измучилась от дум, что с тобою, не случилось ли чего в дороге, почему нет письма и т.д. Слава Богу, что ты уже вернулся в Смоленск. У нас эти дни все были такие ураганы, что просто мороз драл по коже, когда я думала, что тебе надо 25 верст ехать. Одно меня хотя успокаивало, что вы не заблудитесь, т.к. там «большак».

Сегодня утром получила Дреземейерскую verlobung karte[112]. Вот видишь, наверно, и приглашение на свадьбу будет. Сегодня еще вместе с твоим письмом получила и от Нади. Говорит, что я ее, наверно, ругаю, но она так привыкла к ругательствам, что ей ничего теперь не страшно. Встретил ее, конечно, «он». Веселилась она очень всю масленицу. Тебе кланяется, конечно.

Сегодня у меня папа и мама обедали. Ели мы: рассольник, папа макароны запеканку, а мы филейчики и потом пышки и маленькие пирожки с черной смородиной – вареньем. Сейчас 7 $^{1}/_{2}$ веч. Папа спит, мы пили кофе и я сейчас напишу тебе и отвезем с мамой на вокзал. Я вчера тебе не писала, т.к. хотела дождаться твоего письма, а теперь отвезу к поезду и ты получишь все равно завтра.

Значит, еще только четыре дня и я увижу тебя, мое солнышко.

Дай Бог, чтоб только работы были твои удачны и чтоб приемом не задержали тебя еще на несколько дней.

Ах, Ольгушка, сегодня еще одно слово сказала: «Мятик» (мячик), а вечером, когда в окно ей показали луну, то она смотрела, смотрела и решила, что это тоже «мятик». Ужасно занятная она девчоночка!

Она сейчас пришла ко мне, я ее спросила, что сказать папочке? Она говорит: «Аттити!»

Она, наверно, порядочно много говорить будет в 1 $^{1}/_{2}$ года.

А хорошо бы было, если бы мы вышли этот месяц. Моя касса состоит: 13 руб.

У Надиной племянницы, я сегодня от папы слышала, кажется, болезнь ничем опасным не разрешилась и температура значительно упала, а была 40,5.

У нас вчера событие: в кухне с потолка свалилась живая мышь и Дружок захватил ее сейчас же. Ну-с, кажется, сообщила все новости и теперь только скажу, что я тебя люблю, люблю горячо, глубоко и целую без конца, моего родного, золотого Саничку. Скорее приезжай, моя радость!

Оличка, мама и папа тебя крепко целуют и хотят поскорее тебя видеть. Еще раз крепко, по-бутырски целует твоя Люкуша».

«Смоленск 23/II 98

Миленькая моя женушка, дорогая Люкуша.

Что же это ты заленилась и не написала мне 21-го числа (№ 5), а я думал было сегодня получить, да ошибся в расчетах. Вчера мне было очень не по себе: до 12 часов пробовал отопление, немного расстроился, затем разболелась голова и вообще так было скверно – скорее на душе, чем физически. Целый день никуда не ходил, а как раз под вечер заснул, да чуть было и почту не проспал; все же, написал открытое письмецо и съездил на вокзал. Вернувшись, решил, было, чтобы рассеяться, на концерт идти, да и туда не пошел, а в 10 час. спать лег. Проснулся сегодня в 6 час. в хорошем настроении, проба отопления сегодня гораздо удачнее, погода лучше, и для полного довольства не хватает твоего письма. Ну, подожду до завтра. Думаю, что удастся выехать в среду, хотя, если проба не даст хороших результатов, то, пожалуй, день или 2 опоздаю. Не горюй только раньше времени. Завтра сообщу, наверное, о дне выезда... Сходил на пробу и получил твое письмо. Хорошо, что хоть 22 не поленилась. Вот теперь и совершенно доволен днем: спасибо, что написала, деточка моя. Нехорошо только, что ты так волнуешься без всяких поводов; ведь, если вьюга в Москве, – это не значит еще, что она на всем земном

шаре, а ты понапрасну создаешь себе беспокойства. Теперь ты, конечно, спокойна. Довольна ты Дреземейровским вниманием к нам, хотя иначе и быть не могло после твоего визита к ним. Ты, вероятно, не упустила из виду сказать тогда старухе, что узнала новость эту от Павла Михайловича чрез меня, чтобы оправдать до известной степени свою поспешную любезность, хотя особенно оправдывать ее и не нужно было. Я тоже думаю, что и на свадьбу мы приглашены будем, если обстоятельства будут таковы, как они теперь.

Надю благодари за поклон и кланяйся ей, когда будешь писать: Облизывался, читая твое воскресное меню, хотя и у меня было не совсем уж скверно: перловый суп, телятина, – добропорядная и клюквенный кисель с молоком. Да, Люкуша, дай Бог, чтобы мне не долго прокопаться с пробой и поскорее сдать работы, – а для чего? Лишь для того, чтобы быть поскорее с тобою, моя цыпочка, родная, дорогая Люкуша.

Радуюсь успеху дочурки в русском языке, – продолжай обучать. Радуюсь, что Надина племянница избежала опасности, дай ей Бог поскорей совсем поправиться.

Рад также и успеху Дружка в ловле мышей, а что он с нею сделал?

Привезти домой думаю около 35 рублей, так что с теми, что в копилке, десятью рублями (кроме восьми серебром) мы, надеюсь, сведем концы с концами. Ты видишь, что я всему рад, что ты мне писала, рад самому письму, а, главное, рад твоей любви ко мне, в которой ты признаешься в конце его.

Отвечаю тебе вполне тем же, т.е. такою же горячею любовью и преданностью и столькими же поцелуями.

Просьбу твою – приехать скорее, постараюсь исполнить, по возможности, аккуратнее.

Благодарю дочь и твоих родителей за их желание видеть меня поскорее... Мое желание таково же. Передай им мой привет и поцелуи. Дочурку поцелуй покрепче.

До скорого свидания.

Твой любящий тебя Санька.

Целую долго и крепко (4 часа пополудни).

6 час. вечера. Проба еще удачнее; думаю, что завтра все будет хорошо и я заявлю в Акц. Упр. об окончании работ и буду просить о назначении комиссии.

Целую еще и еду на вокзал».

«6.

Москва 18 24/II 98 г.

Миленький, дорогой мой Саничка!

Вот я и опять вчера не писала, но не могла, т.к. Наталья просто в лежку была от головной боли. Никуда я не попала благодаря этому, т.к. думала, что придется и стряпать самой. Но потом ей стало лучше и она меня ни за что не допустила в кухню.

После нее у меня поднялись зубы, вероятно, поволновалась и сейчас же нервы дали себя знать. Вообще, эти дни я в таком странном настроении, от ожиданья и нетерпенья тебя, мое золото, поскорее увидеть. А ты еще сегодня меня так опечалил твоим сообщением о возможности задержки на 2-3 дня. Неужели же, правда, я не увижу тебя еще в четверг, моя радость?

Сегодня была у Анны Егоровны. Пошла не в субботу, думая, что не застану ее дома и отдала карточку. Позвонила, а она и дверь мне сама открыла, была ужасно рада, что я пришла, сейчас же чаепитие устроила. Извинялась, что все не попала ко мне, теперь непременно постарается придти. Посидела у нее боле часа, повозилась с Оличкой и пошла к M-me Вольтер, там мама меня дожидала. M-me Вольтер и M-elle Элерс просили позволения придти к нам в воскресенье вечерком, иначе они не могут.

Ах, знаешь, не мы одни думали на Коха, что он женится на Элле, – Анна Егоровна была тоже почти уверена в этом. Ноты и «Ниву»[113] я отдала по твоей просьбе в переплет, в субботу будут готовы.

Ну что это, право, я совсем не могу писать, не могу сосредоточиться, так как-то все путается, такое нетерпение: просто не могу сидеть на одном месте. Завтра смотря по тому, что ты напишешь: если ты приедешь в четверг, то я не буду писать,

а если не приедешь, то отвезу опять к поезду. С нетерпением ожидаю завтрашнего приговора твоего, мое золото, дорогой мой Саничка. Что же это у тебя, верно, неприятности какие по отоплению были, как я вижу по твоему письму? Что у тебя не ладится работа или какая твоя ошибка? Пав. Мих. завтра куда-то уезжает на два дня. Ну, голубок мой, буду молить Бога, чтоб Он тебе помог скорее окончить все и вернуться к своим любящим бесконечно жене и дочке, а пока закончу горячими, крепкими поцелуями и скажу, что я тебя ужасно, страстно люблю, мой соколик. Не волнуйся и я тоже буду пай, и приезжай скорее к твоей Люкуше и Ольгушке. Мама тебя крепко целует.

P.S. Как вечер настанет, «чижик» ходит по всем окнам и ищет светлый «мятик».

«7.

Москва 18 25/II 1898 г.

Миленький мой, золотой Саничка!

Я сегодня ушла из дому в 12 ч. Пошла к маме пить кофе, оттуда пошла в 2 ч. к Вязмитиновым; А.А. не застала дома, она с Колей куда-то уехала. Прислуга рассказала мне, что у Коли третьего дня прорезался первый зуб и что он здоров и начинает ходить. Оставила карточку и пошла к Сухаревой купить Оличке тазик умываться, оттуда прошла до Соматеки и села в конку. По дороге решила зайти заодно и к Зинаиде Африкановне. Пришла к ней, она очень рада была, узнала, что она всю масленицу провела в деревне и теперь себя довольно хорошо чувствует.

Утром решила еще и уговорила своих идти к Наде, но придя домой в 6 ч. нашла твое письмо и такая скука на меня напала, что я не могу никуда идти. Господи, когда же это ты приедешь, мне за неделю каждый день кажется! До чего мне скучно и гадко на душе, я и сказать не могу. Сейчас лягу спать, хотя еще только 9 ч. веч., но это будет самое лучшее, пока не разразилось все ревом. Письмо не стану опускать в ящик сегодня, а подожду завтрашнего твоего письма и тогда отвезу

на вокзал. Может быть, завтра письмо лучше будет, тогда и это переменит свое содержание и не будешь ты, мое золото, волноваться за письмо.

Пока до свидания, иду спать!

Целую крепко, много твоя опечаленная Люкуша.

26-го февр. 7 $^{1}/_{2}$ ч. веч.

Радость моя, дорогой Саничка! С каким трепетом я ожидала сегодня письма, думая, что ты вдруг сообщишь мне радостную весть о приезде. Но, конечно, это не так, но я все слушаю и люблю тебя, моя радость, и поэтому набралась терпения и буду ждать. По возможности, исполню твою просьбу – не скучать.

Вчера мне, правда, очень тяжело и скучно было, а Ольгушка точно чувствовала своим детским сердечком мою тоску и так она ласкалась, так мило, нежно играла со мною, когда мы ложились спать, что поневоле должна была отогнать тоску и смеяться, радоваться ее детским, невинным ласкам. Сегодня утром встала, увидела свой новый тазик и сейчас же выучилась говорить: «Тазик». Еще она говорит: «Зайчик». Ну, радость моя, значит теперь будем ждать милейшего Г-на Лютека. Ужасно дурацкое состояние у меня! Будь покоен, я буду умница, т.к. я тебя очень, очень люблю. Целует тебя твоя дочка, а также и любящая горячо Люкуша.

Сейчас написала баронессе письмо».

Примечания

[1] М. Дреземейер – предположительно, Мейнгард Дреземейер – немецкий подданный, занимавшийся бизнесом в Москве. Компания М. Дреземейера в конце XIX в. занималась установкой пароводяного отопительного оборудования. В этой компании и служил автор писем Александр Генрихович Тидеман. Известны два сына М. Дреземейера – германский подданный Вильгельм-Мейнгард Дреземейер и московский 2-й гильдии купец Павел Мейнгардович Дреземейер. В 1897 г. два брата Дреземейера учредили совместную фирму – «Московское товарищество производства шелковых мельничных сит М. Дреземейера».

[2] *приципалов*, по-видимому, принципалов от принципал – глава торгового дома, фирмы по отношению к своим служащим.

[3] Возможно, в письме упомянут Константин Петрович Вязмитинов, потомственный почетный гражданин, на рубеже XIX-XX вв. проживавший в Москве, по адресу: 3-я Мещанская ул., 3 (дом П.И. Тимофеевского) // Вся Москва на 1901 год. С. 91, стлб. 235.

[4] Петровско-Разумовское – дачный поселок при одноименном селе в пригороде Москвы (сегодня в черте города).

[5] По сведениям, опубликованным в «Смоленском вестнике» от 25 сентября 1898 г., в Смоленске «за небольшое помещение в 2-3 комнаты жильцы платят теперь до 10 рублей в месяц, вместо 5-6 руб. и это почти на окраинах города, значительно удаленных от рынков».

[6] M-me – сокращенное от ma dame (фр.) – почтительное обращение к замужней женщине.

[7] Малаховка – дачный поселок (с 1885 г.) и железнодорожная платформа (построена в 1884 г.) на железной дороге Москва – Рязань. Ныне в Люберецком районе Московской области, в 10 километрах к юго-востоку от Москвы.

[8] Вяземская Императора Александра III гимназия Смоленского земства – мужская классическая гимназия; первая в России земская гимназия. Открыта 30 августа 1869 г., первоначально именовалась «Александровская гимназия Смоленского земства в г. Вязьме».

[9] Служба проходила в домовом храме во имя Александра Невского, устроенном в здании гимназии в 1876 г. // Санковский А.В. Краткое описание церквей Смоленской епархии. Вып. I. Смоленск, 1898. С. 151.

[10] Речь идет о законоучителе Вяземской мужской гимназии священнике Михаиле Ивановиче Тредиаковском (Третьяковском, Тредьяковском), служившем в гимназии с 11 августа 1878 г. и, вероятно, до самого ее закрытия в 1918 г. М.И. Тредиаковский – кандидат богословия Московской Духовной академии (1878 г.), награжден наперсным крестом, автор нескольких проповедей, напечатанных в журнале «Смолен-

ские епархиальные ведомости» // Виноградов И.П. Двадцатипятилетие Александровской гимназии Смоленского земства в г. Вязьме (1869-1894). Историческая записка, сост. по поручению Педагогического сов. препод. истории И.П. Виноградовым. Вязьма, 1894. С. 104, 119. Санковский А.В. Краткое описание церквей Смоленской епархии. Вып. I. Смоленск, 1898. С. 151. Памятные книжки Смоленской губернии за 1880-1915 гг.

[11] Кусково – дачный поселок при одноименном селе на землях графа Шереметева в пригороде Москвы (сегодня в черте города).

[12] alte (нем.) – старик, старый.

[13] Имеется в виду Иван Михайлович Леванда, в описываемое время коллежский секретарь, занимавший в Гжатске должность одного из помощников надзирателя акцизного управления VI акцизного округа, включавшего Гжатский и Сычевский уезды // Справочная книжка Смоленской губернии на 1898 год. Смоленск, 1897. С. 92.

[14] В конце XIX в. московские сад и театр «Фантазия», подобно популярным «Эрмитажу» и «Аквариуму», были местом, где устраивались сборные концерты (дивертисменты).

[15] Пассаж – торговый комплекс (по всей видимости, речь идет о Петровском пассаже на ул. Петровке в Москве).

[16] На рубеже XIX-XX вв. в Москве числился лишь Сам. Бюрнье, проживавший по адресу: ул. Тверская, дом Толмачева // Вся Москва на 1901 год. С. 65.

[17] Останкино – дачный поселок при одноименном селе на землях графа Шереметева в пригороде Москвы (сегодня в черте города).

[18] На рубеже XIX-XX вв. в Москве значились два практикующих врача с фамилией Тагер: Борис Исаевич, проживавший в доме насл. Смирнова в Просвирнином переулке, врач Московской школы мукомолов (1907 г.), родился 5 сентября 1862 г.; Сем. Ис., проживавший в доме Сытова на ул. Мясницкой // Вся Москва на 1901 год. С. 433.

[19] Линейка – многоместный открытый экипаж, в котором сидят боком к направлению движения.

[20] По сведениям, опубликованным в «Смоленском вестнике» от 15 января 1898 г., в Смоленске «цена на хлеб стоит без перемены: продают из лавок: рож 65 к. п.[уд], овес 60 к. п.[уд], муку ржаную 70-75 к. п.[уд], ячмень 65 к. Сильно дорожают дрова, привозимые на базар подгородными крестьянами: 70-80 к. небольшой возик незавидных дров. Птица вчера продавалась: индейка жив. 2 р., утка 50 к., гусь живой откормленный 1 р. и 1 р. 10 к., поросята битые приблизительно 9 к. фунт...; масло коровье: топленое 28 к., чухонское 23 к. фунт, яйца 20 к. десяток».

[21] Троица – День Святой Троицы – один из главных христианских праздников, входящий в православии в число двунадесятых. Православная церковь отмечает Троицу в 50-й день по Пасхе, в воскресенье.

[22] *Мюр* – «Мюр и Мерилиз» – московский магазин торгового дома с одноименным названием; крупнейший торговый центр. В настоящее время здание бывшего магазина «Мюр и Мерилиз» занимает Центральный универсальный магазин (ЦУМ).

[23] pince-nez (фр.) – пенсне.

[24] *была у Иверской* – по всей видимости, у чтимого списка Иверской иконы Божией Матери, находившегося в Смоленском соборе Московского Новодевичьего монастыря.

[25] *целую без конца по-бутырски* – по-видимому, означает крепкий, страстный поцелуй, от которого теряют голову (от *бутырить* – переворачивать, мешать, приводить в беспорядок // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955. С. 146).

[26] Село Пречистое Духовщинского у. – согласно списку населенных мест 1904 г. в нем имелось: церковь Положения Честныя Ризы Пресвятой Богородицы, церковно-приходская и земская школы, ярмарки (27 мая, 2 июля, 26 августа, 8 сентября и 14 сентября), три бакалейных лавки, школа грамоты, врачебный пункт, почтовая станция, ветряная мельница, бараночная, постоялый дом, синильня.

[27] В г. Белом протекает река Обша.

[28] В г. Гжатске (ныне г. Гагарин) протекает река Гжать.

[29] На конец XIX – начало XX в. в г. Белом насчитывалось пять церквей: Троицкий собор; приписанная к нему кладбищенская Петропавловская церковь; Николаевская церковь; Воскресенская церковь; приписанная к ней кладбищенская Ильинская. Кроме этих церквей, существовали еще две домовых церкви: при бельском духовном училище – во имя святого благоверного князя Александра Невского и при тюремном замке тоже во имя святого благоверного князя Александра Невского.

[30] Одна из кондитерских в центре г. Белого принадлежала немцу Владимиру Ивановичу Гренбергеру. Над входом заведения висел большой металлический крендель. Ассортимент продукции, высочайшего качества, был разнообразен. Производство находилось в подвале, на первом этаже – кондитерская, а на втором этаже жил владелец с семьей.

[31] Возможно, упомянутым нотариусом был Сергей Васильевич Суслов, живший с семьей в собственном доме в самом центре города, рядом с Дворянским собранием. Также в городе практиковали менее известные нотариусы на дому.

[32] Предположительно, речь идет о клубе Бельского Дворянского собрания.

[33] В 1873 г. Бельское земство вынесло постановление о необходимости создания в городе мужской прогимназии. 17 сентября 1874 г. состоялось открытие 4-классной прогимназии. Большую роль в этом сыграл С.С. Иванов, помощник попечителя Московского учебного округа. По

уставу прогимназия считалась всесословной. Первоначально для учебного заведения снимали дом купца Н.И. Зенбицкого по Торопецкой ул., а в 1876 г. было построено собственное здание. В 1881 г. в прогимназии начал действовать шестой класс. 1 июля 1899 г. она была преобразована в гимназию. В ней прибавились 7-й, а через год и 8-й классы. В конце XIX в. около двух лет в ней преподавал Василий Васильевич Розанов, а его брат, Николай Васильевич, был директором. Здание сохранилось до настоящего времени.

[34] Бельское духовное училище. Открыто при преосвященном Гедеоне (Вишневском). Из-за недостатка средств несколько раз закрывалось. 6 декабря 1842 г. вновь открылось в специально построенном под него здании на пожертвования дворянина Александра Каленова. Здание сохранилось до настоящего времени в несколько измененном виде. В училище обучался Николай Японский (Касаткин).

[35] В сентябре 1861 г. было основано Бельское женское училище 3 разряда. 12 октября 1880 г. его преобразовали в прогимназию, включавшую в себя три класса. Через 12 лет в прогимназии начал действовать четвертый класс, затем пятый. В 1900 г. прогимназия была преобразована в гимназию. Большой вклад в открытие женской прогимназии в г. Белом внес потомственный почетный гражданин купец, городской глава Н.И. Зембицкий. Начальницами учебного заведения состояли: О.Н. Моргунова (1861-1864), А.М. Шефер (1864-?), В.К. Цызарева (?-1912).

[36] *Чертовщина* – так, по всей видимости, А. Тидеман называет оставивший у него не самые приятные впечатления г. Духовщину.

[37] Фон Штейн – не имеющий чина Петр Александрович Фон-Штейн – помощник надзирателя IV округа (Бельский и Духовщинский уезды) Смоленского губернского акцизного управления (г. Духовщина) // Справочная книжка Смоленской губернии на 1896 год. Смоленск, 1896. С. 108.

[38] Курьерский поезд – пассажирский поезд, идущий с очень большой скоростью, без остановок на небольших станциях. Вагоны второго класса уступали первым только изяществом отделки, а не удобством.

[39] Открытый бланк, открытое письмецо – почтовая открытка.

[40] Знаменитый магазин фирмы «Ф. Швабе» – крупнейшего производителя оптических, физических, геодезических приборов и медицинских инструментов. Располагался в Москве в доме князя Голицына на углу Кузнецкого моста и Большой Лубянки (ныне на этом месте новое здание ФСБ). С 1880 г. все права на фирму «Ф. Швабе» принадлежали бывшему компаньону ее основателя (Федора Борисовича Швабе) Альберту Ивановичу Гамбургеру.

[41] Мадерца – разговорное, ласкательное слово от мадера (мадейра) – крепкое вино, изначально изготавливавшееся на лесистом острове Мадейра. Вина данного типа могут быть как сухими, так и десертными.

[42] Эрмитаж – знаменитый московский ресторан, располагавшийся на Трубной площади.

[43] «Яръ» – легендарный ресторан в Петровском парке на Петербургском шоссе, был одним из центров цыганской музыки. «Яръ» посещали особы императорской фамилии, литературная богема, богатейшие банкиры: Савва Морозов, Плевако, Чехов, Куприн, Горький, Шаляпин, Распутин и др. После октябрьских событий в здании ресторана располагались: кинотеатр, спортзал и даже госпиталь. В 1952 г. здание было перестроено, и в нем находился правительственный ресторан «Советский», который любили посещать первые лица иностранных государств.

[44] Харчи – еда, пища, съестные припасы.

[45] По-видимому, автор письма останавливался в рославльской гостинице «Европа», находившейся на Ландинской ул. (ныне ул. Каляева), здание которой не сохранилось.

[46] 1-й пехотный Невский его величества короля эллинов полк, с 1882 г. дислоцировавшийся в Москве, в 1892 г. был переведен в Рославль, где находился вплоть до начала Первой мировой войны. Этот полк входил в состав 1-й пехотной дивизии 13-го армейского корпуса, чьи штабы размещались в Смоленске. В указанный период командиром Невского полка был полковник А.М. Артоболевский.

[47] Автор письма не точен: в конце XIX в. в Рославле еще не было гимназий. Существовали же две прогимназии – женская, возникшая в 1873 г. в результате преобразования существовавшего с 1865 г. рославльского женского училища 2-го разряда, и мужская, открывшаяся в 1874 г. Гимназиями эти учебные заведения станут лишь в начале XX в.

[48] Верста – русская единица измерения расстояния. 1 верста = 1 066,8 м.

[49] На рубеже XIX-XX вв. в Москве значились два домовладельца с фамилией Казаринов: купец Сергей Алексеевич Казаринов, живший на Садово-Сухаревской ул.; вдова полковника Александра Алексеевна Казаринова, проживавшая в Большом Афанасьевском переулке // Вся Москва на 1901 год. С.182, 183.

[50] Автор письма гостила в семье Михаила Семеновича Поликарпова (это ясно из ее дальнейших писем). На рубеже XIX-XX вв. в Москве значились два человека с такими именем и фамилией: один из них купец, содержавший драпировочное заведение и проживавший в доме Товарищества «Эрмитаж» на Петровском бульваре, другой – домовладелец, живший на Старом шоссе и служивший в Обществе благоустройства Петровско-Разумовского // Вся Москва на 1901 год. С. 345.

[51] Шереметевская больница – больница при Странноприимном доме графа Шереметева на Сухаревской площади в Москве (сегодня Институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского).

[52] Манчтот – Алексей Петрович Манчтет. По данным на 1898 г., старший помощник окружного надзирателя Поречского акцизного

управления губернский секретарь // Памятная книжка Смоленской губернии на 1899 г. – Смоленск, 1898. С. 148.

[53] Возможно, имелась в виду Надежда Петровна Манчтет, артистка оперы (лирико-драматическое сопрано), выступавшая на многих оперных сценах, в том числе в Екатеринбурге (1900 г.) // Пружанский А.М. Отечественные певцы. 1750-1917: Словарь: В двух частях. Ч. 2. М., 2000. С. 386.

[54] Смоленское губернское акцизное управление – местное учреждение Министерства финансов, занимавшееся администрированием акцизных сборов.

[55] Mogen (нем.) – любить, чувствовать расположение к кому-либо, чему-либо.

[56] В Невском полку имелись струнный и духовой оркестры. Полковые музыканты играли на праздниках, благотворительных вечерах, гуляньях, которые в том числе устраивались «на горушке в саду», то есть на Бурцевой горе (ныне расположенное в центре современного Рославля городище «Бурцева гора» является объектом археологического наследия федерального значения) // Иванов С. Его Величества, короля Эллинов... // Рославль. Очерки по истории города Рославля и Рославльского района. Смоленск, 1997. С. 80, 81.

[57] Фунт – русская единица массы. 1 русский фунт = 0,4095 кг.

[58] Имеется в виду купец Аф. Ник. Гундарев, проживавший в Москве в доме Прокофьева по Долгоруковской ул. и занимавшийся продажей молочных продуктов, кондитерских товаров, чая и сахара // Вся Москва на 1901 год. С. 120.

[59] Парголово – дачный поселок в пригороде С.-Петербурга (сегодня в черте города).

[60] По-видимому, речь идет о прибавлении в семье Франца Васильевича Путкамера, трудившегося в оркестре императорского театра и проживавшего в доме Воронцова на Цветном бульваре // Вся Москва на 1901 год. С. 360.

[61] Вероятно, автор письма посещала врача Александра Николаевича Шмидта, служившего в императорском Московском университете и проживавшего в доме Осиповых в Трубецком переулке // Вся Москва на 1901 год. С. 507.

[62] Гатчина – населенный пункт. С ноября 1796 г. по указу императора Павла I имению Гатчина присвоен статус города. В конце XVIII в. Гатчина стала центром Гатчинского у. С.-Петербургской губ. В настоящее время – административный центр Гатчинского муниципального района Ленинградской обл. До 2010 г. Гатчина имела статус исторического поселения, в 2010 г. город был этого статуса лишен.

[63] Барон Фитингоф-Шель – Федор Федорович Фитингоф-Шель. По данным на 1898 г., действительный член Гжатского комитета Общества Красного Креста // Памятная книжка Смоленской губернии на 1899 г. – Смоленск, 1898. С. 100.

[64] «Мавритания» – знаменитый ресторан в Петровском парке в Москве.

[65] «Ломовой» – вид извоза, получивший распространение в середине XIX в., предназначенный для транспортировки тяжелых грузов. Для ломового извоза использовались лошади тяжеловозных пород. «Рессорный» – четырехколесный рессорный экипаж с откидным верхом.

[66] Межиречье – город в Радинском у. Седлецкой губ.; населенные пункты на Украине (села в Жидачовском и Сокальском районах Львовской обл., а также в Ровненской обл.).

[67] Синематограф – прибор, воспроизводящий при помощи целого ряда моментальных фотографических снимков, передаваемых на экране волшебного фонаря, все движения живых существ и неодушевленных предметов; изобретен Эдиссоном. Предшественник кинематографа.

[68] Род Вильбоа в г. Белом был достаточно известен. В конце XIX в. помощником надзирателя IV округа (Бельский и Духовщинский уезды) окружного акцизного управления служил коллежский регистратор Рафаил Владимирович Вильбоа, сын которого, очевидно, и упомянут в письме // Справочная книжка Смоленской губернии на 1898 год. Смоленск, 1897. С. 117. До октябрьских событий 1917 г. представители рода проживали в г. Белом в собственном доме на углу улиц Большой Смоленской и Вяземской. По воспоминаниям старожил – в роду Вильбоа был крупный военачальник, умерший в 1920-е гг. и похороненный с большими почестями на Ильинском кладбище г. Белого. Мария Рафаиловна Вильбоа (предположительно, сестра В.Р. Вильбоа) была замужем за Константином Генриховичем Краевским (из рода Каленовых). Краевским принадлежало имение Александрино близ города. Александр Генрихович Краевский, брат К.Г. Краевского, был женат на двоюродной сестре М.Р. Вильбоа – Елене Ивановне Амшинской.

[69] Лопатинский сад – парк в центре Смоленска, одна из городских достопримечательностей. Создан в 1874 г. по приказу губернатора А.Г. Лопатина на месте бывшей Королевской крепости, впоследствии назван его именем.

[70] «Le main et le coen» (фр.) – правильно: «Le coeur et la main» («Рука и сердце», 1883) – комическая опера французского композитора Шарля Лекока Charles Lecocq (1832-1918).

[71] По-видимому, упомянута А.Н. Стефани-Варгина, артистка оперы (сопрано), в 1894 г. выступавшая в Перми, где пользовалась особенными симпатиями публики. Среди лучших ролей – Виолетта («Травиата»).

[72] Возможно, упомянутые барышни Ревякины – дочери почетного гражданина Прокофия Ивановича Ревякина, дорогобужского нотариуса, члена Дорогобужского благотворительного общества // Справочная книжка Смоленской губернии на 1898 год. Смоленск, 1897. С. 105, 113.

[73] *Чичкин* – Александр Васильевич Чичкин, крупный предприниматель, владелец молочной компании и сети магазинов.

[74] *Мюрка* – см. *Мюр* (магазин «Мюр и Мерилиз»).

[75] Тангентные спицы – велосипедные спицы, которые позволяют колесу быть прочным и в то же время упругим, чтобы амортизировать удары во время езды. Так называемые тангентные натяжение спицы идут как бы по касательной к некоторой окружности с центром во втулке колеса. В этом случае спицы пересекаются друг с другом, и отсюда выражение «набор с крестами».

[76] Дюйм – единица измерения длины. 1 дюйм = 2,54 см.

[77] Трюмо – одно зеркало на тумбочке.

[78] Шереметевский – Ипполит Константинович Шереметевский. По данным на 1898 г., старший ревизор Смоленского Губернского Акцизного управления // Памятная книжка Смоленской губернии на 1899 г. – Смоленск, 1898. С. 16.

[79] gemutlicher (нем.) – приятный.

[80] Лютык – Ипполит Анзельмович Лютык. По данным на 1898 г., техник-технолог Смоленского Губернского Акцизного управления, губернский секретарь // Памятная книжка Смоленской губернии на 1899 г. – Смоленск, 1898. С. 16.

[81] Возможно, в письме упомянут Иван Августович Барц, органист московской евангельско-лютеранской церкви святых апостолов Петра и Павла // Вся Москва на 1901 год. С. 32.

[82] verlobt (нем.) – помолвленный.

[83] Гамаши – вязаные или сшитые из плотного толстого материала чехлы без подошв, закрывающие щиколотки, иногда доходящие до колена. Надевались поверх ботинок. Застегивались на пуговицы сбоку. Предназначались для защиты обуви, так как она до начала массового производства была достаточно дорога.

[84] Сажень – старорусская единица измерения длины. 1 сажень = 2,1336 м.

[85] Соломенная вдова – жена, временно оставшаяся без мужа или не живущая с ним.

[86] Лампа «молния» – мощная керосиновая лампа.

[87] rendez-vous (фр.) – свидание, встреча.

[88] Смоленское Благородное собрание возникло около 1833 г. К концу XIX в. размещалось на Кирочной ул. (с 1899 г. – Пушкинской, в настоящее время – ул. Ленина) в здании, построенном в 1887 г. Согласно своему уставу 1899 г. имело целью «доставлять посещающим приятное препровождение времени в занятиях беседою, чтением и дозволенными играми». Собрание «для своих членов и их семейств и гостей» устраивало «балы, маскарады, танцевальные, музыкальные, драматические и литературные вечера», а также выписывало «журналы, газеты и книги».

[89] Подсолнечная – пригород Москвы, железнодорожная станция (ныне – город Солнечногорск Московской обл.).

[90] *в Охотный к Смирнову* – магазин Смирнова на ул. Охотный ряд в Москве.

[91] mignon (фр.) – крошка, милашка.

[92] Здание театра Г.Г. Солодовникова расположено в Москве на углу улиц Кузнецкий Мост и Большая Дмитровка. Основу строения составляет усадьба Щербатовых-Шаховских, в 1883-1884 гг. перестроенная по заказу купца Г.Г. Солодовникова под театр. В здании размещались «Частная русская опера» С.И. Мамонтова, «Оперный театр Зимина». С 1961 г. и по настоящее время здесь находится Московский театр оперетты.

[93] Бланманже – желе из сливок, сахара, миндаля и рыбьего клея.

[94] Verein (нем.) – союз, общество, клуб.

[95] Смоленское офицерское собрание – здание на углу бывших Малой Дворянской и Кадетской улиц (современные улицы Маяковского и Коммунистической), называемое «дом Будникова» (в настоящее время Дворец творчества детей и юношества). Возведено в 1895-1896 гг.

[96] Василий Павлович Берг – потомственный дворянин, владелец чугунолитейных, металлургических и золотопромышленных заводов.

[97] Гатчинская форель – форель реки Ижора, рыба морского происхождения, разновидность балтийской кумжи, удивительного вкусового качества. Вот как «аппетитно» описывает ее Л.П. Сабанеев: «Светлая, почти совершенно серебряная, с светло-коричневой спиной и белым, слегка желтоватым брюхом. Мясо этих форелей почти совершенно белое, только у крупных светло-розовое». Из-за прекрасных вкусовых качеств на форель были высокие цены: до революции за одну гатчинскую форель могли просить до 1,2 руб.

[98] punsh-glace (англ., фр.) – замороженный пунш.

[99] Пулярка – жирная, откормленная кастрированная курица, всегда стоившая дороже обычных кур. Пулярки более мясистые и быстрее варятся, чем обычные куры.

[100] Вероятно, упоминается Тверское кавалерийское юнкерское училище. Создано в 1863 г. в ходе военной реформы как окружная юнкерская школа. В 1865 г. на ее базе образовано училище, готовившее офицеров со средним военным образованием для армейской кавалерии. Имело двухлетний срок обучения. Принимались вольноопределяющиеся и юнкера из войск, выпускники военных прогимназий и унтер-офицеры обязательного срока службы. С 1910 г. называлось Тверское кавалерийское училище. Расформировано в конце 1917 г.

[101] Винтерка – женщина, любящая играть в винт, карточную игру для четырех партнеров, играющих попарно.

[102] «Фауст» – опера Шарля Гуно, написана на сюжет первой части трагедии Гете «Фауст».

[103] *пешком к Сергии Троицы* – Свято-Троице-Сергиева Лавра.

[104] Масленица – народный праздник, сохранившийся у славян с языческих времен. Обряд связан с проводами зимы и встречей весны. Получила свое название от того, что в этот период времени – последнюю неделю перед Великим постом – разрешается употребление в пищу сливочного масла, молочных продуктов и рыбы.

[105] Мещерское – дачный поселок при одноименном селе в Подольском у. Московской губ. (сегодня в Чеховском р-не Московской обл.).

[106] pardon (фр.) – простите, извините.

[107] «Модный свет» – иллюстрированный журнал для дам, с двумя отделами, модным и литературным, издававшийся Г.Д. Гоппе в С.-Петербурге в 1868-1883 гг. В 1884-1898, 1902-1905, 1906-1914 гг. в С.-Петербурге выпускался другой аналогичный журнал – «Модный свет и модный магазин», также предназначавшийся дамам.

[108] Говеть – у православных приготовление к таинству причащения, заключающееся в посте и воздержании.

[109] Причащение – таинство, в котором верующий под видом хлеба и вина вкушает само Тело и Кровь Христову, таинственно соединяясь со Христом и получая залог вечной жизни. Таинство Св. Причащения было установлено самим Иисусом Христом на Тайной Вечере.

[110] Марьина роща – исторический район на севере Москвы, за бывшим Камер Коллежским валом. Названа в XVIII в. по соседней деревне. В конце XIX в. вошла в состав города. Название Марьина роща сохранилось в современных названиях улиц и проездов.

[111] Заутреня – одно из богослужений суточного круга в православной церкви, совершаемое утром.

[112] verlobung karte (нем.) – «обручальная карточка».

[113] «Нива» – еженедельный иллюстрированный литературно-художественный и научно-популярный журнал, издававшийся в С.-Петербурге в 1870-1918 гг.

Не судьба

Повесть А. Т.

I
В дороге

Светлый, солнечный день. Не смотря на то, что уже октябрь в начале, погода стоит теплая и хорошая; однако, в природе чувствуется если еще не самое приближение матушки-зимы, то все же ее ожидание: листья уже все побледнели и начали сильно осыпаться, с полей все убрано, только кое-где стоят запоздавшие стога сена и ждут, когда и до них дойдет очередь спрятаться от пронизывающего иногда насквозь осеннего ветра и мелкого, как из сита, надоедливого дождя. Как-то грустно становится смотреть на постепенное замирание природы: все приутихло, приуныло, и только вороны да сороки, чувствуя, что наступает их господство, оживились, и то и дело слышится их карканье.

Два часа пополудни.

По густому, раскинувшемуся на десятки верст, лесу бежит почтовый поезд; пассажиры, за исключением двух, трех, спят или, вернее сказать, дремлют. Разговоров не слышно никаких, ибо сильная тряска и стук отбивают почти всякое желание сводить знакомство, неминуемое вообще при совместных длинных путешествиях в вагонах или на пароходах. До станции осталось еще верст 12, а потому мы имеем время полюбопытствовать: заглянем в один из вагонов второго класса.

В самом углу его на правой стороне, у окна, сидит стройный молодой человек, среднего роста, со смуглым загоревшим лицом и голубыми глазами, которые как бы освещают его, если не красивое, то очень симпатичное, с правильными чертами, лицо. Густые темные волосы его, остриженные под гребенку, представляют красивую бобровую шапку. Одет он в новенькую с иголочки форму мичмана. Сейчас видно, что это, как их обыкновенно называют, – «из вновь испеченных». Он сидит глубоко задумавшись; хотя глаза его и устремлены за окно на мелькающие мимо деревья, застилаемые дымом

РОДИНА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 17

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Воскресенье, 22-го апрѣля 1890.

Подписная цѣна за годъ:

52 №№ иллюстрир. литературнаго журнала.
52 №№ политической и общественной газеты.
12 книжекъ **„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ"**.
12 №№ „Для Дѣтей", повѣсти и разсказы.
12 №№ „Всемірнаго Путешественника".
12 №№ „Сельскаго Хозяйства и Домоводства".
12 №№ „Моды и рукодѣлья" и къ нимъ
12 №№ Модныхъ выкроекъ.
12 №№ Нотъ для пѣнія и инструментовъ.
12 листовъ „Раскрашенныхъ узоровъ".

4 Р., 5 р. 60 к. съ пересылк. и доставкой

КОНТОРА РЕДАКЦІИ

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 74.

Рукописи, присланныя безъ обозначенія гонорара, считаются безплатными.

За перемѣну адреса съ иногородняго на иногородный прилагается марками 28 коп.

Татарская арба.

Титульный лист журнала «Родина» за 1890 г. № 17 от 22 апреля

от локомотива, но он, по-видимому, ничего не видит. Мысли его где-то далеко, далеко... О чем он думает, о чем мечтает?

Чтобы быть в состоянии ответить на этот вопрос, скажем несколько слов о его прошлом.

Отца своего, Николая Сергеевича Рагутина, сухопутного офицера, он лишился еще в детстве и помнит его весьма смутно; со смертью его, оставившего жену и сына с весьма скудными средствами к существованию, для вдовы настала жизнь, исполненная борьбы с лишениями, недостатками, различными невзгодами... Не смотря на все это, она, будучи женщиною образованною, дала и сыну своему сперва дома, а потом, в соседнем губернском городе, в реальном училище первоначальное образование. Но этого, конечно, было недостаточно, – нужно было идти дальше: мать предоставила сыну самому выбрать себе карьеру; он решил быть моряком, – к морю его тянуло еще с детства; когда его маленького спрашивали: «Кем же ты будешь: генералом или профессором?», он с гордостью отвечал: «Нет, я буду адмиралом!»

Ольга Александровна Рагутина повезла сына в Петербург; как он, так и она были всю дорогу сильно взволнованы: она предстоящей разлукой на 4 года, он же от мысли, что для матери будет страшный удар, если он не поступит в морское училище и поездка будет напрасна. Но приехали они в Петербург, он поступил в числе первых, и после многих благословений и обильных слез она оставила сына в училище, попросив наблюдать за ним одну из дальних родственниц. И вот прошли эти четыре длинные тяжелые года разлуки, в продолжении которых мать и сын исписали сотни писем друг другу, – и он, наконец, мичман!

Справив все дела свои в Петербурге после производства, он летит теперь в уездный городок N, Воронежской губернии, на свидание с матерью. Итак, о чем он думает, о чем мечтает?

Тысяча различных планов, предположений проносится в его молодой голове. Он мичман!.. Исполнилась та заветная мечта, которую он лелеял четыре года, настала, наконец, эта минута. Производство – это один из счастливейших дней в жизни и, к сожалению, не повторяющийся. Помнит он этот день со всеми мельчайшими его подробностями: сколько

разнородных чувств волновали его душу, – и чувство свободы, которая в таких розовых красках рисуется во время пребывания в училище, и чувство удовлетворенного самолюбия, и радость предстоящего свидания с матерью, которой он так давно не видал...

Наконец, ко всему этому и новый блестящий мундир...

Я вижу уже насмешливую улыбку у вас, читатели; вы хотите сказать, что это мелочность. Да, я с вами согласен, – это так; но кто из нас, будучи в подобных обстоятельствах, мог бы подумать в эту светлую, счастливую минуту о том, что мелочность, и что нет!?

Всякий, кто был на месте героя моего рассказа, согласится со мною; вообще же описать все чувства, волнующие 20-ти и 22-х-летних юношей в этот день, очень трудно, – нужно самому их испытать. Этот первый шаг молодого Рагутина в жизнь со всеми ее дрязгами, столкновениями, неудачами и вместе с тем в жизнь, так много обещающую ему в будущем, – невольно заставлял его призадуматься.

Быстро проносятся в его голове воспоминание за воспоминанием. Все это было так недавно: поступил он в реальное училище, помнит, как приезжал домой три раза в год на праздники и на каникулы и как возвращался каждый раз в училище буквально заваленный различными пирогами, домашними булками, печеньями, гостинцами; как он, данного на дорогу на два дня, на самом деле, не мог съесть и за неделю.

То припоминается ему отъезд в Петербург, опасения, и лицо его озаряется радостной улыбкой. «То-то она теперь меня ждет не дождется», – думается ему и кажется, что поезд идет слишком медленно. Вот мысль его унеслась вперед.

Вспоминается ему почему-то один вечер из его детства: видит он родной, дорогой уголок; он еще маленький; на диване сидит его мать, печальная, задумчивая и работает. В комнате так тепло, хорошо; лампа ярко освещает лежащую перед ним книгу, – он читает вслух. Сделав усилие и отогнав какую-то беспокойную думу, она с бесконечною любовью смотрит на сына и говорит ему: «На сегодня довольно, а то ты устал, мой дорогой мальчик». Она проводит рукою по его густым волосам и горячо его целует; невольная слеза за-

таенного горя скатывается у нее по щеке, а у него так светло, радостно на душе.

И думается ему: «Теперь, дорогая моя, не будет у тебя больше мучительных дум; разгоню поцелуями все твои морщинки на лбу. Как мы с тобой заживем-то! Конец твоим тяжелым трудам», и счастлив он бесконечно, что может, наконец, доставить матери в благодарность за все то, что он получил от нее, тихую и спокойную жизнь, дать ей возможность отдохнуть и спокойно прожить вместе с ним, пока Господу не угодно будет их разлучить. Вот еще воспоминание: как живая, стоит в его памяти черноглазая, бойкая девочка-гимназистка, дочь соседа-помещика, в имении которого он довольно часто гостил.

Какова она теперь? Наверно, окончила курс, стала напыщенной барышней-провинциалкой. Интересно будет увидеть!

«Однако, на чем же я остановился?» – прервал он свои размышления и посмотрел в книгу, лежавшую у него на коленях и открытую чуть ли не целый час на одной и той же странице.

Он невольно улыбнулся, захлопнул книгу и выглянул в окно. В это время раздался пронзительный свист локомотива, возвещающий станцию; пассажиры закопошились и приготовились выйти на вокзал пообедать или напиться чаю, так как поезд стоял здесь 25 минут, а другой продолжительной остановки скоро не предвиделось.

Через несколько минут поезд остановился и Владимир Рагутин вышел на платформу с отрадным чувством от возможности хоть немного отдохнуть от тряски, и направился в буфет. Закусив и выпив стакан чаю, он добрался до своего места и радостно вздохнул: осталось только 5 часов этой утомительной и скучной дороги, и он дома. Через четверть часа поезд мчался уж дальше. В окна вагонов быстро мелькали при закате солнца одна картина за другою.

Вот лепится по косогору деревушка; черные хаты стоят, как бы прижавшись друг к другу, чтобы теплее было, и только две, три из них стоят бобылями на некотором расстоянии от остальных и, кажется, тоскуют, что не примкнули к своим собратьям. Широкая дорога красивою желтою лентой проходит через деревушку и теряется где-то вдали. Не затейлива

картина по сюжету, а так и повеет, при виде ее, чем-то родным, хорошим... Целая ватага босоногих ребятишек стоит у края насыпи и провожает взглядами пробежавший мимо поезд. Сейчас побегут они встречать возвращающееся домой стадо, за которым лениво плетется старик-пастух с мальчуганом-подпаском; в руке у последнего предлинный, длинный кнут, а за пазухой целый десяток дудок, вырезанных из молодой ольхи. «А во, поглядим, у кого лучше дудка-то: у Петюхи, аль у меня?» – думает он, предвкушая заранее удовольствие, если его дудка заиграет лучше Петюхиной, и не замечает даже, что две коровы отстали от стада.

Но далеко уже деревушка... Вот густая роща, чрез поредевшую чащу которой можно различить барский дом с различными пристройками и угодьями; на полянке с пожелтевшею травою блестящею змейкой извивается речка. Все лето провели в ней деревенские мальчуганы: кто удил мелких пескариков да плотвичек на червяка или муху; кто, путешествуя по реке в одной рубашонке, ловил сачком, а то и просто руками скользких и увертливых налимов, норовя ухватить их за голову, чтобы вернее поймать; иные, шаря по берегу, искали раков в их норах, другие просто купались и, вытаскивая ракушки или плоские камешки, пробовали свою ловкость, делая возможно большее число скачков по воде, или, кидая камешки вверх и заставляли других угадывать, «дуб или береза» будет при падении камня в воду. Смех, шум, возня, брызганье водою, – видно, что все беззаботно веселы и счастливы.

Теперь же никого на ней не видно, но зато заходящее солнце ослепительным светом отражается в холодных ее водах... Вот мелькнула будочка; у рельс стояла черномазая девчурка, держа развернутый флаг; за будкой тянулся огород; вдали за холмом показалась церковь какого-то села, а дальше чернел темный густой сосновый лес... Потом все это слилось у Владимира Николаевича в одну какую-то серую массу и вдруг он увидел себя на большой поляне, сплошь засыпанной всевозможными цветами; от них был такой сильный аромат, что у него даже голова закружилась. С выси глубокого безоблачного неба неслась какая-то чудная музыка, заставлявшая трепетать каждый фибр всего его организма. Кругом было так

светло, хорошо, – он чувствовал себя необыкновенно счастливым... Но еще минута, и как бы по мановению волшебника все исчезло, что-то невидимое подхватило его и понесло с такою страшною быстротою, что у него замерло даже дыхание... «Отчего я не остался там?» – со щемящею грудь тоскою думал он. «Не судьба»! – ответил ему какой-то внутренний голос. Вдруг он ясно ощутил толчок, и чей-то голос произнес: «Ваше благородие!»

«Ваше благородие», – повторил этот голос опять, – «Приехали!». Владимир Николаевич быстро вскочил, отер холодный пот, выступивший на лбу от беспокойного сна, и, взяв свои вещи, направился к выходу, удивляясь, как мог он, подъезжая к дому, так крепко заснуть. «Приехали, слава Те, Господи!» – широко крестясь, проговорила объемистая купчиха, обращаясь к не менее объемистому мужу. – «И точно приехали!» – сладко зевая и крестя рот, ответил купец.

А на платформе в это время мелькали огни, двигались темные фигуры, слышался глухой шум от колес багажных тележек, возгласы встретившихся, обниманье, расспросы, предложение услуг носильщиков и пр. и пр.

II
Дома

Оставим пока нашего героя по дороге к дому и посмотрим, что делается в это время там, куда он так стремится, за день до его приезда. На одной из второстепенной важности улиц, в маленьком, но весьма кокетливом по наружному виду и очень уютном внутри домике сидят две женщины: одна лет 45-50, с задумчивым и очень приятным лицом, с черными, среди которых много уже и серебряных нитей, волосами, тщательно уложенными на голове; другая – молоденькая девушка. Ее хорошенькое личико, совершенно смуглое, с нежным румянцем на щечках, кажется, ни минуты не может сохранить своего выражения: ее темно-карие глаза то бесконечно веселы, то задумчивы, то блещут насмешкой, то омрачаются печалью; они – верное зеркало ее души, чуткой и впечатлительной, ее сердца, доброго и отзывчивого на всякое чужое горе. Ее нельзя назвать ни блондинкой, ни брюнеткой, но волосы ее –

это действительно роскошь: длинная густая коса ее лежит теперь у нее на коленях, как бы для того, чтобы не обременять эту маленькую изящную головку. Часто подруги ее трунили над нею, что учитель истории прибавлял ей плюс к пяти именно за ее чудные волосы. Она только весною окончила курс гимназии и теперь одета в форменное коричневое платье с черным передничком, обрисовывающее всю стройную и красивую фигуру девушки. Из-под платья выглядывает кокетливый носок ее маленькой ножки. Первая из них мать Владимира Николаевича, Ольга Александровна Рагутина, вторая – дочь помещика Синявина; она приехала погостить у Ольги Александровны, разогнать скуку, навеваемую однообразною провинциальною жизнью, а для последней, кроме того, нетерпеливым ожиданием приезда своего сына. Обе они, под впечатлением только что происходившего разговора, задумались. Мать думает о сыне, единственной ее опоре на старости, цели своей жизни. О чем же думает молодая головка? Отчего ее глазки, за минуту перед тем блиставшие удовольствием, теперь потемнели, омрачились? Куда унеслась ее мысль?

Она думает также о нем, – молодом мичмане, о котором только что шла речь и приезд которого в этом уютном уголке ожидался со дня на день. Помнит она его, серьезного реалиста, которого она постоянно злила своим беспричинным веселым смехом и проказами; как, рассердив его, просила прощение, а затем, начинала снова. Припоминается ей, как они с тетушкой катались на лодке, предварительно хорошенько ее напугав; как она постоянно шалила, брызгала на злюку-адмирала и приводила тетушку в ужас своею храбростью. «А теперь он офицер! Неужели я снова расхохочусь, когда увижу его? Вот-то будет хорошо, – ведь я теперь взрослая, и он, вероятно, все такой же серьезный, да еще, побывав в Петербурге, на меня будет смотреть свысока. Ну, что ж... и пускай... И чего я, право, так много о нем думаю. Здесь, кажется, достаточно молодых людей...» – и она покраснела при воспоминании о том, как частенько, гуляя в это лето в поле, она видела красивого поручика адъютанта, смотревшего на нее восхищенными взглядами. «Да и не один он... так что в случае, если тот заважничает, мы покажем ему, что не обращаем на него ни малейшего вни-

мания», – утешила она себя. Вдруг она громко и от души рассмеялась. Ольга Александровна взглянула на нее ласковыми глазами и спросила:

– О чем это, Наташа, вспомнила?

Наташа ответила не сразу.

– Знаете ли, что я вздумала, – проговорила она, наконец, сквозь веселый смех, – вдруг ваш сын носит pince nez и, знаете ли, этак на самом кончике носа. Фи! Как это противно!.. – и она сделала милую капризную гримаску.

Ольга Александровна тоже рассмеялась и поспешила ее разуверить. Разговор, прерванный на некоторое время, снова возобновился, и вечер промелькнул для них незаметно.

– А завтра утром я еду домой, – решительно заявила Наташа. – Я уж и то загостилась у вас: папе я обещала быть дома сегодня. Спокойной ночи, пора и спать, – заключила она, крепко целуя Ольгу Александровну. Та, в свою очередь, сердечно поцеловала молодую девушку и с любовью посмотрела ей вслед.

...

Сильно билось сердце Владимира Николаевича, когда он подъезжал, в девятом часу вечера, к домику, которого он не видел более четырех лет. Сейчас он будет дома... сейчас обнимет свою дорогую, любимую мать. Минуты казались слишком длинными, лошадь бежала чересчур тихо... но вот извозчик остановился у ворот. Рагутин быстро соскочил с дрожек, пробежал через маленький дворик, растворил дверь и весело крикнул: «Мама, я приехал!»

Из следующей комнаты послышалось радостное восклицание Ольги Александровны: «Дорогой ты мой!» и сама она, быстро выбежав навстречу, бросилась к нему на шею и зарыдала. Заплакал и Владимир Николаевич. Это были слезы радости свидания после долгой разлуки, слезы радости осуществившихся надежд и благоговейной благодарности Богу за то, что Он дал ей возможность и силы довести сына до сих пор и увидеть свою заветную мечту сбывшеюся, – одним словом, это были хорошие, счастливые слезы. Крепко прижимала она к себе своего милого сына, любовалась им и не могла налюбоваться.

– Однако, мамочка, нужно с извозчиком расплатиться, – вспомнил, наконец, Владимир Николаевич.

Через полчаса они сидели уже за самоваром. Расспросам и конца не было: он должен был подробно рассказать о своих последних днях в Петербурге, про дорогу, про петербургских родственниц; в свою очередь, и она говорила ему про свое хозяйство, житье-бытье, про знакомых, и разговор протянулся далеко за полночь. Когда они разошлись, то Владимир Николаевич, утомясь с дороги и чувствуя себя совершенно счастливым, быстро заснул сном праведника, а мать долго еще молилась перед образом Спасителя и благодарные слезы текли по ее доброму лицу, освещенному слабым светом лампады...

Прошло несколько дней. Сделав визиты всем знакомым в городе, Владимир Николаевич, выбрав хороший денек, собрался сделать визит и Андрею Федоровичу Синявину в имение «Карахоткино», находящееся в шести верстах от города. С каким интересом припоминал он каждое деревце, каждый поворот дороги, каждое местечко. «Здесь, вот, идя домой, частенько садился я на траву и ел чернику, – а сколько ее здесь вырастало? – думает он. – А вот речка, где я готовился в моряки; вот и мост... Все по-старому, только мельницы этой тогда здесь не было», – рассуждал он, смотря с удовольствием на сделанную в полуверсте от моста плотину и беленькую чистую мельницу. Въехав на горку, где стояла усадьба, Владимир Николаевич, как и прежде, увидел замечательный порядок и чистоту как самого барского дома, так и различных построек: скотного двора, сараев, флигеля для прислуги, зеленого ледника, в виде египетской пирамиды, и пр. Самый же дом был особенно тщательно отделан, чисто выкрашен светло-желтою краскою; карнизы и окна имели лепные украшения; на крыше красовался традиционный петух, медленно и гордо повертывавшийся в разные стороны. Одним словом, везде был виден зоркий глаз заботливого и энергичного хозяина-помещика.

Ямщик лихо подкатил к крыльцу господского дома, где стоял уже дворовый, чтобы встретить гостя.

– Здравствуй, Игнатий! – весело крикнул Владимир Николаевич. – Андрей Федорович дома? – спросил он, вылезая из тарантаса.

– Он в городе, – ответил не узнавший молодого Рагутина и смущенно смотревший на него Игнатий.

– Что, верно, брат, не узнал меня? А ну-ка вспомни...

– Господи, да неужто это вы, Владимир Николаевич! – вглядевшись в молодого моряка, вскрикнул обрадовавшийся старик, усиленно заморгавши от выступивших слезинок радости. – Пожалуйте, пожалуйте, Владимир Николаевич, – захлопотал он, – барышня наша оставшись дома, Наталья Андреевна, и он провел гостя в зал. – Вот не узнал-то, – да, ведь, и переменились же вы... Сейчас доложу барышне, она в саду, – проговорил все еще не пришедший в себя от радости Игнатий и вышел через широкую дверь на балкон.

Владимир Николаевич остался один, прошелся по комнате, осмотрел все картины, перебрал ноты, лежавшие на рояле одной из лучших фабрик. «Однако, это ведь скучно... Очень долго заставляет себя ждать: вероятно, переодевается; как же можно встретить гостя, да еще столичного, не по моде одетою! Воображаю себе...» Но он так и не успел вообразить, и ироническая улыбка замерла у него на губах: перед ним стояла в живописном, собственной работы, русском костюме хорошенькая девушка с раскрасневшимися, от быстрой хоть бы или от волнения, щечками и милою очаровательною улыбкою, открывавшею два ряда белых, как жемчуг, зубов.

– Явился засвидетельствовать вам и вашему папаше свое почтение после почти пятилетнего отсутствия. Надеюсь, вы меня узнаете? – проговорил быстро оправившийся от смущения Владимир Николаевич.

– Разумеется, узнаю, очень вам благодарна за ваш приезд, только... – она на минуту запнулась и опустила свои длинные ресницы, – следовало бы друзей навестить пораньше, – храбро договорила она, и вскинула на него свои красивые глаза.

– Но я недавно только приехал... – начал было Владимир Николаевич, но Наташа не дала ему и договорить.

– Ах, да! Вы только шесть дней тому назад приехали, – иронически подчеркнула она слово «только», – конечно, где же было раньше успеть, – продолжала она, весело улыбаясь и глядя на него.

«Так вот ты какая!» – чуть не вслух подумал Рагутин, и не находил ничего сказать себе в оправдание.

– Однако, вот что: не хотите ли помочь мне работать, я убираю цветы на зиму из сада, и непременно нужно кончить сегодня; теперь уже немного осталось, и втроем мы это быстро окончим. Впрочем, вы перепачкаетесь.

«Положим, что это верно», – подумал Владимир Николаевич, однако поспешил согласиться.

Наташа провела гостя в сад, вооружила его ножом для выкапывания цветов, строго наказала не портить корней, и велела приниматься за работу. Садовник показал ему прием, и работа у них, действительно, стала быстро подвигаться к концу. Наташа, по-видимому, совершенно углубилась в занятие, изредка лишь спрашивая Рагутина, справляется ли он, и затем снова начиная работать. Но это только казалось; на самом же деле, она частенько кидала быстрые взгляды на занятого своею работою офицера и сравнивала его с тем Владимиром Николаевичем, которого она ожидала увидеть.

«Ну, он, кажется, совсем не такой, каким я его воображала... А, право, так и хочется расхохотаться; разве не смешная у него теперь фигура? В мундире, в треуголке... и копается в земле... Хорошо еще, что не заважничал, а то я ему показала бы, как мы ценим столичных жителей».

В свою очередь, Владимир Николаевич, поглядывая украдкой на молоденькую девушку, думал:

«Все та же ... шалунья, хохотушка; только выросла и похорошела».

Наконец, все цветы были выкопаны и уложены в большой деревянный ящик. Наташа выпрямилась, стряхнула землю и пригласила гостя в дом.

– Если вам нужно почиститься, спросите у Игнатия, а я через пять минут приду, – сказала она, убегая.

«Вот не думал-то в земле пачкаться сегодня», – раздумывал Рагутин, медленно направляясь к балкону.

– Что, и вы изволили попасть под команду к нашей барышне? – спросил с добродушною улыбкой встретивший его Игнатий.

Да, брат, попался!

– Бедовая она у нас, – с гордостью проговорил старик.

– Теперь я за хозяйку; так как папа и тетя уехали в город, то уж я постараюсь вас занять, хотя, право, не знаю, удастся ли мне, провинциалке, эта обязанность, – говорила Наташа, входя минут через пять в зал.

Рагутин подметил иронию в этой фразе и ответил ей:

– Вы особенно подчеркиваете слово «провинциалка» и говорите с такою иронией, как будто хотите поставить мне в упрек, что я воспитывался в Петербурге.

– О, совсем нет, быстро перебила его Наташа, – а только, вообще, столичные жители смотрят на провинциалов, как на медвежат косолапых и неуклюжих. А вы играете? – переменила она разговор.

– К сожалению, нет, хотя в душе музыкант и страшно люблю музыку. Сыграйте вы что-нибудь, я вам буду очень благодарен.

– Хорошо, – согласилась Наташа, – только печального я играть не буду, а то вы станете потом неинтересным собеседником.

Она села на табурет и, выбрав ноты, заиграла какой-то концертный вальс. Эта девушка, своею милою простотою, откровенностью, смелою речью, кокетливым своенравием, положительно, произвела на него сильное впечатление. Кроме того, ее стройная фигура и красивая головка так гармонировали со всем остальным, что остаться равнодушным было, действительно, трудно.

Сыграв две пьесы, она быстро встала с табурета, с шумом захлопнула рояль и пригласила Рагутина выпить стакан кофе.

– Если бы папа был дома, он угостил бы вас водочкой, различными настойками и наливками, а я уж, извините, не буду: вида бутылок не выношу, а уж пьющих – и говорить нечего. А вы, я думаю, здорово выпиваете? – лукаво, слегка прищурившись, спросила Наташа.

– Я? – удивился Владимир Николаевич. – Почему вы думаете? Водки я совсем не пью, а вина иногда, когда нельзя уж никак отказаться.

– Не пьете? – спросила она, в свою очередь, с удивлением и тоном легкого недоверия, – а я слышала, что все моряки сильно пьют... Разве это неправда?

Он поспешил ее разуверить, и разговор завязался весьма оживленный. Рагутин рассказывал ей про училищную жизнь, которая всегда так богата приключениями и анекдотами, про Финляндию, в которой он провел четыре лета в плавании. Вспомнили они прошлое, и время пролетело весьма быстро.

– Однако, папаша ваш не едет, а мне уж пора и домой отправиться, – с сожалением проговорил Владимир Николаевич.

– Удерживать вас не буду, но, надеюсь, что вы сделаете визит и моему отцу?

– Конечно, не замедлю явиться, – проговорил Владимир Николаевич.

– Вам будет буквально некогда; вы в городе, наверно, вошли в моду, вас там приглашают нарасхват, да и не будете ли вы с нами скучать? – лукаво спросила Наташа.

– В вашем обществе скука будет чуждая гостья, Наталья Андреевна! – ответил он, почтительно раскланиваясь.

– Будем ждать! – крикнула она вслед уходившему гостю.

Молодые люди расстались совершенно довольные друг другом. Он был очарован ею и упрекал себя за нелестное о ней первоначальное мнение; а она, проводив гостя, подошла к роялю и задумалась.

«А ведь он, кажется, хороший, добрый... Впрочем, недаром же его так сильно любит мать...»

Когда вернулся отец, она крепко, крепко его поцеловала и заставила отгадать, кто был у нее сегодня. Андрей Федорович, не смотря на все усилия, отгадать не мог, чем Наташа осталась очень довольна и торжественно рассказала отцу, как она заставила Владимира Николаевича рыться в саду, как угощала его, вообще, все подробности этого посещения.

– А, значит, адмирал наш приехал! Ну, конечно ты угостила его и водочкой, и наливочкой? – заботливо осведомился Андрей Федорович.

Дочь с комическим ужасом развела руками и ответила:

– Нет, дорогой папа!

– Как же ты, моя умница, не догадалась? – опечалился Синявин.

– Ничего, папочка, он обещал и тебе сделать визит, вот тогда и угостишь!

– И то правда, – ответил Андрей Федорович, добродушно улыбаясь.

III
Бал

Между тем, слова молодой девушки блистательно оправдались. Владимир Николаевич вошел в моду: ему беспрестанно присылали приглашения то на именины, то на обед, то потанцевать; подруги передавали друг другу по секрету то одну, то другую новость про приехавшего моряка. Вообще, его приезд в маленьком провинциальном городке произвел довольно сильную сенсацию как среди молодых барышень, так и среди маменек, не успевших еще пристроить замуж своих дочерей. Вследствие этого безо всякого военного совета единодушно решено было сделать на Рагутина сильное и решительное нападение. Каждая как маменька, так и дочка составила себе заранее план действий и ждала только удобной минуты, чтобы открыть свой смертельный огонь против неприятеля. Эта удобная минута должна была скоро настать: ежегодно сезон зимних удовольствий, довольно скудных вообще, начинался балом в местном офицерском собрании N пехотного армейского полка, куда обязательно уже являлись все маменьки в сопровождении иногда полудюжины дочерей, из коих младшей 19 лет, что достоверно известно, а старшей ни в коем случае не больше 23. Барышни всегда ожидали этот бал с трепетом сердечным; еще за месяц до бала, если не раньше, начинались приготовления к нему. Какие только хитрости не употреблялись для того, чтобы узнать, как будет одета Катенька Иванова, какого цвета платье будет у Жени Петрушевской, какая отделка – у Вареньки Зайцевой. Сведения эти приобретались со страшными усилиями, как личными расспросами, так и различными окольными путями. Волнение это все росло и росло... доходило до максимума; не обходилось без ссор, без неприятностей, без слез; истинные подруги делались иногда

страшными врагами на это время. Маменьки употребляли все свои усилия, чтобы дочь или дочери не были одеты хуже других, чтобы у них не оказалось бантиком меньше, чем у прочих.

Наконец, все готово. Осталось только томительное ожидание; подруги заключали перемирие и шушукались где-нибудь в укромном уголке о том, кто с кем будет танцевать, и уж, наверно, Машенька Долгорукова будет одета хуже всех.

В этом году это волнение было еще сильнее по случаю приезда молодого моряка, – факт, и не особенно важный; но для маленького городка все же из ряда вон выходящий. Итак, все с нетерпением ожидали этот, так много обещающий день бала.

...

Владимир Николаевич не замедлил, однако же, и вторым своим визитом к Синявиным в «Карахоткино». Он с замечательным тактом поддерживал общий разговор, вспоминал старое, рассказывал много интересного и был, как говорится, в ударе. Его перебивали, расспрашивали, много и от души смеялись, – одним словом, все чувствовали себя очень хорошо, и Владимир Николаевич успел одинаково понравиться как Андрею Федоровичу, так и его сестре Александре Федоровне, жившей у брата в качестве хозяйки.

При прощании Андрей Федорович убедительно просил Рагутина не забывать их, а посещать почаще. «Да вы мамашу-то вашу тащите, пожалуйста, сюда, а то она, верно, и дорогу уж забыла к нам», – добавил он, провожая гостя на крыльцо. Рагутин искренно благодарил и, не смотря на то, что «вошел в моду», находил, однако, каждую неделю свободный день, чтобы побывать в «Карахоткине». Приезду его были всегда очень рады и больше других, разумеется, Наташа; когда он не приезжал в назначенный день, она страшно сердилась, что он обманул, потом начинала беспокоиться, не захворал ли он, – вообще скучала. Но не подумайте только, что покой ее сердца нарушен, что она влюблена, – нет, нет и нет. Правда, она сразу отличила и выделила из среды своих кавалеров-поклонников молодого и симпатичного моряка, но после второго же визита она закрепила старую, оставшуюся еще с детства, дружбу

и считала себя вполне гарантированною от какого-либо другого непрошенного чувства. Хотя она и скучала без него, была весела и довольна, когда он с нею, но, ведь, это вполне естественно между друзьями. Владимир же Николаевич не пропускал ни одного удобного случая побывать у Синявиных; там ему было так хорошо, весело, приятно. Он считал дни, когда будет иметь возможность съездить туда снова. Остальное времяпрепровождение ему надоело... было несносно это постоянное хожденье по гостям, на вечера, на обеды... Только дома еще он чувствовал себя хорошо, проводя время в задушевных беседах с любимою матерью. Чего-то не было переговорено в эти длинные, счастливые вечера, сколько планов на будущее... и тут, однако же, мелькала хорошенькая головка с длинными косами, добрые глаза и белые блестящие, точно жемчуг зубы. Легко отсюда вывести заключение, что Владимир Николаевич влюбился в Наташу, – и не мудрено: ее веселый, ровный характер, ее добрая, чуткая и впечатлительная душа, наконец, ее ум, развитый серьезным чтением и рассуждениями с отцом – человеком далеко не дюжинным, делали то, что остаться к ней равнодушным было почти невозможно. Владимир Николаевич и не остался равнодушен; но, не отдавая себе еще отчета, насколько это чувство в нем сильно, и считая его за простое увлечение, надеялся, что, когда он уедет в Петербург, и увлечение это, под благотворным влиянием могучего целителя – времени, пройдет бесследно. Поэтому он решил строго наблюдать за собою, чтобы не выдать своего чувства, а оставаться всегда только любезным и вежливым, насколько это требуется. Подкрепило его в этом намерении еще и то обстоятельство, что, не смотря на всю свою наблюдательность, он совершенно ничего не мог подметить в отношениях к нему Наташи такого, что можно было бы объяснить в свою пользу; кроме простой дружбы не подметил бы и самый опытный глаз чего-либо другого.

Таким образом, время быстро летело, отпуск приходил к концу и Владимир Николаевич с тоской думал о необходимости двойной тяжелой разлуки.

...

Наконец, наступил так нетерпеливо ожидаемый и дважды отложенный, к крайней досаде всего города, день бала.

Рагутин еще накануне получил пригласительный билет и, конечно, решил быть, так как увеселений в городе не было никаких, а кроме того, он танцевал с Наташей мазурку.

Начало было назначено в девять часов вечера; не будем забираться туда так рано, а то, пожалуй, проскучаем, при медленном съезде гостей. С другой стороны, впрочем, мы не увидим, какими, украдкой бросаемыми, пытливыми инквизиторскими взглядами обмениваются барышни между собою, чтобы определить, не лучше ли ее одета ее соперница, и, Боже сохрани, если это случится; она ей этого никогда не простит. Итак, после перемирия перед балом, война снова объявлена. Но всегда в утешение себе пораженная и оскорбленная в своем достоинстве найдет что-нибудь у соперницы неправильно или некрасиво пришитое или приколотое и, конечно, поспешит рассказать это своим подругам, с которыми она потом сойдется. Но через некоторое время все осваиваются, сходятся в группы, чтобы передать друг другу, по секрету, что-нибудь очень интересное, а тут и звуки вальса... забыто все... Бал начался. Зайдем в собрание часов в одиннадцать, когда бал уже, так сказать, в полном разгаре. Эконом на этот раз не пожалел дров, а потому жара в зале невозможная, танцующие барышни то и дело убегают в уборную попудриться; офицеры с густыми эполетами расстегнули по две пуговицы мундира. Танцуют кадриль.

– А-де-колон! Дозадо! – старается изо всех сил перетянутый в рюмочку поручик. – Грран роннн! Не отставайте, Марья Ильинична! Балянсе авек во дам!

Полдюжины жидков, составляющих бальный оркестр, что есть мочи, пилят на своих инструментах кадриль из русских песен. Хотя в полку и была своя духовая музыка, но для пущей важности, взяли бальную. Пол поскрипывает, а на темном фоне окон залы виднеется десяток приплюснутых солдатских носов, обладатели коих любуются на своих господ, за исключением двух полковых скептиков, – фельдшера и писаря, которые в настоящую минуту жарились в три листика. В биллиардной комнате катают шары два бородатых капитана, «не уважающих» танцы; на диванах сидят ожидающие очереди и о чем-то спорят. Вдали, в уголке, сидит пожилой

штабс-капитан и сладко дремлет. В карточной винтит начальство: полковой командир с адъютантом, предводителем дворянства и директором гимназии; исправник с двумя ротными командирами и полковым доктором — страшным шутником и балагуром. В смежной комнате также за зелеными столами маменьки, оставив своих дочек веселиться, дуются в мушку; в одной из гостиных собрались чиновники, учителя гимназии, помещики и другие нетанцующие кавалеры и дамы; пьют чай, сплетничают, хихикают, рассказывают пикантные анекдотики на ушко.

Кадриль окончилась, и танцевавшие хлынули в двери и рассеялись по гостиным, столовой, библиотеке и другим комнатам; барышни заглядывали иногда, конечно, украдкой, в карточную и биллиардную; в последней в это время два игрока кончали партию в последнем шаре. Неиграющие и ожидающие очереди усиленно подстрекали то одного, то другого, — те, конечно, горячились, впрочем, столько же от интереса победы, сколько и от близости буфета, куда они частенько заглядывали, и, как нарочно, никак не могли окончить партии. Два молоденьких подпоручика, смотревшие на танцы, как на бессмысленное препровождение времени и потому просидевшие до самого конца бала в биллиардной, устроили даже пари на бутылку вина: один из них держал «мазу» за того капитана, который накануне, будто бы, выиграл подряд восемь партий; другой ему сильно оппонировал. В общем, в биллиардной поднялся такой шум и гам, что даже дремавший штабс-капитан окончательно разгулялся. Надо всем этим поднималось густое облако табачного дыма.

Но обратимся к танцующим: все раскрасневшиеся от жары и, спешу добавить, паче того, от удовольствия, лица барышень и молодых людей, ясно говорят, что им очень и очень весело. Кавалеры изо всех сил стараются доставить гостям как можно больше удовольствия; тут представляют хорошего и ловкого танцора краснеющей от удовольствия барышне (давно уж ей хотелось с ним познакомиться!); там с опечаленной физиономией благородно ретируется кавалер, опоздавший с приглашением на мазурку; а здесь в гостиной молодой поручик, подальновиднее, сильно ухаживает за довольно

пожилой уже дамой, в скобках скажу, имеющей хорошенькую девятнадцатилетнюю дочь.

Денщики усиленно предлагают гостям, разнося по всем комнатам, фрукты, конфеты и прохладительное. Везде оживленный разговор, искренний смех, точно пчелиный рой.

Итак, все были счастливы, веселы и довольны, если не считать исправника, который из пяти роберов выиграл только один, и то маленький: проигрыш его, как он мысленно рассчитал, по сороковой простирался до красненькой бумажки, чем он был страшно недоволен. Была еще одна особа, которая не веселилась от души, как остальные; она с нетерпением посматривала по сторонам и, очевидно, кого-то искала. После каждого танца поиски возобновлялись, но ожидаемый не являлся; с течением времени беспокойство ее все возрастало.

«Да что же он не идет? Неужели его вовсе не будет? Но ведь это гадко с его стороны: меня приглашали на мазурку, я из-за него отказала, и вдруг он... не придет», – думала с досадой и волнением молодая девушка.

Тем не менее, она явно этого беспокойства не выказывала и с очаровательною улыбкою слушала своего кавалера, с жаром что-то рассказывавшего, впрочем, и половины не слышала из того, что он ей говорил.

«Ну, пускай бы не приходил, да хоть бы предупредил, а то теперь без кавалера останусь», – старалась она обмануть себя в истинной причине беспокойства.

«Какой противный!», – докончила она, и яркий румянец сильной досады покрыл ее хорошенькое личико.

Эта девушка была Наташа, а «противный» – Владимир Николаевич Рагутин. Танец следовал за танцем, приближалась мазурка, а он не приезжал.

«Неужели не приедет? Что с ним? – с явным уже беспокойством задавала она себе вопросы.

После четвертой кадрили Наташа упросила Александру Федоровну ехать домой.

– А мазурку-то? – осведомилась тетенька, давно бы, впрочем, с удовольствием уехавшая с бала.

– Не буду я танцевать... Ах, едем, тетя, пожалуйста, мне нездоровится, – просила Наташа.

– Синявина уехала! – передавали с сожалением танцоры друг другу...

Бал, тем не менее, закончился также оживленно, как и шел все время; все напрыгались до изнурения и, позевывая украдкой в платок или веер, помышляли о мягких кроватях, об отдыхе; но не устали расходившиеся ноги пехотинцев; ярые танцоры упросили полкового командира, все еще винтившего, разрешить еще одну кадрильку. Разрешение последовало и, собравшись с последними силами, протанцевали еще полчаса.

После ужина, часа в четыре, гости стали разъезжаться.

...

Многие в эту ночь долго не могли уснуть, ворочаясь с боку на бок и припоминая мельчайшие подробности этого вечера, начиная с разглядыванья костюмов и кончая последним пожатием руки или тихонько сказанным сладким словечком.

Об одном только все искренне пожалели, – об отсутствии молодого Рагутина.

IV
Мать и сын

Наташа явилась домой действительно расхворавшись. Отделавшись от разных услуг и оставшись одна, она бросилась лицом в подушки и истерически разрыдалась.

Дело в том, что под надежным покровом дружбы у Наташи, неведомо для нее самой, зародилось другое, более теплое чувство, охватывавшее постепенно все ее существо, в котором она боялась признаться даже самой себе, но которое так и просилось быть определенно названным. Сегодня она в первый раз принуждена была поставить себе вопрос: «Что это? Неужели любовь? Нет, нет... не может быть... и с чего я взяла?» – не хотела она сознаться, но слово было сказано... Это была только слабая попытка защититься от нахлынувшего на нее сразу сильным потоком чего-то счастливого, заветного, дорогого, с чем она теперь не рассталась бы ни за что на свете. И, чувствуя себя бессильною бороться, она совершенно отдалась этому чувству, и страх, и сомнения, и слезы, – все исчезло

под всесильным влиянием любви. Что-то могучее, до сих пор неизведанное, подхватило ее и понесло в область счастливых грез и мечтаний. Она не спрашивала себя, любит ли ее Владимир Николаевич и что будет, если он не отвечает ей взаимностью; не задавала себе вопросов, что скажет на это отец, отдаст ли он ее за Рагутина, и только мучительная дума: «Отчего его не было? Он болен...» не давала ей ни минуты покоя. Так ей и не удалось заснуть эту ночь.

А он? Он был действительно болен. Возвращаясь накануне домой от директора гимназии, он довольно сильно простудился и в день бала утром, не смотря на нежелание, принужден был остаться в постели. «Ну, пустяки, уж вечером-то на бал поеду», – думал Рагутин, однако, ему сделалось к вечеру хуже, и он не мог даже послать извинение Наташе, что должен отказаться от мазурки. «Завтра съезжу и все объясню, – однако, ведь страшно досадно...», – рассуждал больной. Но пролежал Владимир Николаевич и второй день, и еще неделю. Все это время Наташа сильно страдала от неизвестности: спросить у отца она остерегалась, ибо могла при этом выдать свое волнение, а узнать стороной было не у кого. Она даже побледнела за эти дни и потеряла свою милую улыбку, постоянно мелькавшую на хорошеньком ее личике; но она все же старательно скрывала свое беспокойство и тоску, отговариваясь, головною болью. Наконец, сам Андрей Федорович, возвратясь однажды из города, сообщил, между прочим, что видел Ольгу Александровну и что «адмирал» был болен.

Радостно забилось сердце молодой девушки, когда отец прибавил, что завтра Рагутина обещала приехать вместе с сыном к ним, и горячий румянец покрыл на минуту побледневшие ее щечки, но краска эта также быстро и сбежала, и на душе что-то сильно заныло. Она ушла в свою комнату и задумалась: «Только шесть дней до третьего декабря осталось, а там он уедет, и когда я его опять увижу? Да лучше бы и вовсе мне его никогда не видеть и не встречаться бы с ним, не знать бы его, – да видно уж «судьба». Боже, помоги мне забыть его!» Но сердце упорно подсказывает ей, что не забыть ей Рагутина никогда, что это не простое увлечение, а серьезное и глубокое чувство, и она, измученная разнородными чувствами, горько

заплакала. На другой день, как и сказал Андрей Федорович, Рагутины приехали в «Карахоткино». День, как и всегда, прошел совершенно незаметно, но тем не менее близость разлуки сильно давала себя чувствовать. Он не был в своем обыкновенном веселом расположении духа: временами был рассеян, невнимателен, будто что-то тяжелое лежало у него на душе; казалось, он минутами готов был в чем-то сознаться, и не хватало у него на это храбрости; временами он был как-то нервно весел, дурачился как ребенок, смеялся, но так и проглядывало сквозь этот смех усилие, каким он заставлял забыть и отогнать какую-то неотступную тяжелую думу.

Она также, хотя и твердо решилась превозмочь себя и не показать ни малейшим намеком, что разлука эта будет для нее очень тяжела, должна была сознаться, что эта борьба ей не по силам, и ее лихорадочно блестевшие глаза ясно выдавали, что происходит в душе молодой девушки.

От нее не ускользнуло, впрочем, и его волнение, она поймала раза два его задумчивый взгляд, с тоской и любовью устремленный на нее, и в сердце ее запала слабая надежда: «А что, если и ему тяжело уезжать отсюда?», но она сейчас же, испугавшись возможности горького, обидного и страшного разочарования, отогнала от себя эту мимолетную мысль о счастье, но все же где-то в глубине души ее, помимо ее желания, осталось какое-то мучительное ожидание чего-то неизбежного: хорошего или худого – в этом она не могла дать себе отчета.

– Знаете, Владимир Николаевич, на меня напала охота играть... хотите слушать? – предложила Наташа Рагутину.

– С большим удовольствием, – поспешил он согласиться и они отправились в залу.

Она села за рояль; он взял стул и поместился вблизи, чтобы иметь возможность налюбоваться на нее вволю. Наташа взяла несколько аккордов и, подумав минуту, заиграла наизусть одну из симфоний Гайдна.

Казалось, она вложила всю душу свою в эту минуту в музыку, звуки так и лились: то они плакали тихими скорбными слезами матери над своим безнадежно больным ребенком, то разражались страшными жгучими рыданиями любящей

и обманутой женщины; тут была и тоска безысходная, и просьба, и сомнения, и глубокое, невыразимое страдание.

Рагутин первый раз слышал такую музыку и сидел очарованный и этой музыкой, и любимой девушкой, и боялся нарушить это очарование. Она кончила, провела рукою по горячему лбу и встала. Рагутин встал тоже. «Или теперь, или никогда!» – внезапно мелькнула у него мысль...

– Наташа! Вот тебе еще гость, – раздался вдруг голос Андрея Федоровича, вошедшего под руку с новоприбывшим.

Точно что внутри у нее оборвалось при этом возгласе отца и унеслось далеко, далеко... На душе стало пусто... темно... «Вот чего я ждала... Господи! Да что же это?» – с мучительною тоскою задала она себе вопрос, однако, быстро овладела собою и направилась навстречу вошедшему.

– Дмитрий Петрович Шаврин! Владимир Николаевич Рагутин! – отрекомендовала она друг другу моряка и армейского поручика, давно уже за нею ухаживавшего и поэтому недружелюбно посматривавшего теперь на Рагутина.

Остаться им наедине в этот вечер уже больше не удалось, да и Наташа упорно избегала этого tete-a-tete с Рагутиным и, по-видимому, очень весело разговаривала преимущественно с Шавриным. Вскоре Рагутины уехали в город; у Наташи не хватило дольше силы скрывать свои чувства, она ушла в свою комнату, чтобы иметь хотя возможность выплакаться...

От зорких глаз Ольги Александровны не ускользнуло ни худое расположение, ни волнение ее сына, и ей очень хотелось расспросить его о причине этого, о которой, впрочем, отчасти она догадывалась; но она не решалась нарушить мечтаний своего Володи и ждала, когда он сам выскажется; он же так и просидел всю дорогу молча и дома, крепко поцеловав мать, ушел в свою комнату.

Быстро промелькнули последние пять дней. Накануне отъезда Владимир Николаевич сделал прощальные визиты знакомым и отправился в «Карахоткино». Андрей Федоровича и его сестра искренно сожалели об отъезде молодого веселого моряка, к которому они успели привыкнуть за эти два месяца, пожелал ему всего лучшего и проводили до самых ворот. Наташи Рагутин не видел, – ей нездоровилось.

Вечер этого дня мать и сын провели вместе и разошлись спать далеко за полночь; долго еще не спалось ни тому, ни другой.

Чего-то не передумала Ольга Александровна в эту последнюю перед новою тяжелою разлукою ночь. Сколько лет, сколько тяжелых долгих лет лелеяла она одну мечту: увидеть своего сына на твердой почве – человеком самостоятельным, чтобы можно было ей умереть спокойно. Это было целью ее жизни. Ничего не было у нее дороже, заветнее этой мечты, которая поднимала в минуту невзгоды или несчастья ее готовые к упадку силы, возбуждала энергию, заставляя ее снова, собрав всю силу воли, бороться с новыми недостатками и лишениями. И так прошла вся ее жизнь... редко клонила она свою побелевшую голову; даже в самые трудные минуты, когда приходилось уж очень тяжело, когда накипала вся горечь пережитого, когда не хватало сил бороться, – и тогда не роптала она на Бога, а просила только одного себе в награду – исполнения своей мечты, и часто мысль, что она не доживет до той минуты, когда выйдет ее сын, приводила ее в отчаяние и заставляла болеть ее уставшее сердце. И вот ее сын вышел... Он здесь... Забыты все невзгоды... Она вознаграждена за все свои лишения, за всю свою невеселую, небогатую радостями жизнь; она может теперь спокойно умереть, хоть сейчас... но нет... теперь только и жить! Теперь только и радоваться!.. Но сил у нее мало, чувствуется ей, что проживет она недолго, и сердце ее ноет, ноет... «Уезжает он снова, – думается ей, – и, Бог знает, придется ли нам снова увидеться?». Она сильно закашлялась и поднесла к губам платок, – на нем показалось ярко-красное пятно. «Вот и кашель этот зловещий!..» Ольга Александровна горько, горько зарыдала, но через минуту вытерла слезы, и горячая молитва полилась из глубины наболевшей души этой бедной женщины, молитва без слов, без просьб, молитва, которая не может не дойти до престола Всевышнего. Долго молилась она, и лицо ее мало-помалу прояснилось... на душе стало легче... светлее...

Не спалось и Владимиру Николаевичу, но мысли его были в полнейшем беспорядке; одно только ясно представлялось

ему: нежелание уезжать отсюда, расстаться с дорогою матерью и горячо любимою девушкою. «Ну, время пройдет незаметно, – приеду опять, и тогда»... – мечтал он, засыпая уже под утро, и сны один заманчивее другого сменяли друг друга.

Настало третье декабря.

Остается всего десять минут до отхода поезда. Мать и сын с любовью смотрят друг на друга; он всматривается в милые черты, как бы для того, чтобы запечатлеть ее дорогой образ, который охранял бы его в дальнейшей его жизни от всяких без и несчастий, а она, будто прощаясь навсегда со своим счастьем своею жизнью, и непрошенные слезы поминутно застилают ее глаза и мешают ей вдоволь наглядеться на своего сына. Обнялись они еще раз, она благословила его, и после долгого горячего поцелуя они расстались. Владимир Николаевич вошел в вагон и выглянул в окно, чтобы еще хоть раз увидеть мать. Раздался третий звонок, свисток обер-кондуктора, свист локомотива, и поезд медленно, лениво, как бы напрягши все свои силы, двинулся с места. Ольга Александровна сделала несколько шагов рядом с вагоном, послала ему последний поцелуй и быстро отвернулась; теперь она не в силах была более сдерживаться, – закрылась платком и зарыдала. А поезд, все ускоряя и ускоряя свой ход, прошел платформу; вдали раздался рожок стрелочника, мелькнуло два, три зеленых и красных фонаря, пробежал навстречу дежурный локомотив и наш герой помчался в Петербург.

...Прошло почти четыре месяца, как Рагутин приехал в Петербург и вел тихую и скромную жизнь. Возвратясь со службы, он или занимался или мечтал в своей маленькой уютной комнатке, нанимаемой на Васильевском острове. Часто и подолгу глаза его были устремлены на большой портрет его матери; в эти минуты он забывал все окружающее: ему казалось, что он там – у нее, что она живая смотрит на него с бесконечною любовью. Часто также любовался он и портретом любимой девушки, данным ему матерью, и в голове ясно восставал с мельчайшими подробностями его двухмесячный отпуск... Иногда же, чтобы несколько рассеяться, он отправлялся к знакомым или к товарищам скромно провести вечерок в дружеской беседе. Но лучшим его занятием и препровождением

времени было беседовать с дорогою матерью, делиться с нею впечатлениями, радостями или неприятностями в длинных письмах, на которые он немедленно получал ответы, – такие милые, хорошие ответы. Мать писала ему, что сильно скучает без него, строила планы на будущее: как она переедет к нему осенью в Петербург, как они заживут вдвоем; говорила много о Наташе, которая очень часто приезжает к ней погостить, как они болтают по вечерам и, конечно, много времени уделяют разговору о нем и многое другое.

Владимир Николаевич уже с нетерпением ждал весны, когда он в состоянии будет хоть на несколько деньков съездить снова к своим. Так жизнь его текла мирно и покойно до конца марта. «Еще полтора месяца, и я увижусь с вами, мои дорогие», – мечтал Рагутин, глядя на портреты.

Но «судьба» решила иначе.

V
Не судьба

В один из теплых весенних деньков Владимир Николаевич в самом хорошем расположении духа вернулся домой. Ему подали письмо.

Как-то особенно больно сжалось и заныло его сердце от предчувствия чего-то страшного, неизбежного, когда он увидел на адресе незнакомую руку. Предчувствие его не обмануло: мать при смерти, безнадежно больна, его просили приехать как можно скорее.

Наташа писала, что Ольге Александровне было уже давно худо, но она перемогалась, бодрилась и не велела ей, а также и сама не писала сыну о своей болезни, чтобы его не расстроить. Теперь же, чувствуя себя очень плохо, она попросила Наташу, чуть не все время проводившую около ее постели, написать сыну, чтобы он ехал скорее проститься. Весть эта страшно его поразила, тем более, что еще так недавно строили они планы на будущее, причем, еще у него всегда мелькала мысль: «А потом... годика через два, три попрошу руки Наташи... Как мы заживем-то!». А тут вдруг: «Мать при смерти... умирает...». Еще застану ли я ее? О, Боже! За что это, за что?» – повторял Владимир Николаевич.

Прошли целые сутки тяжелого, бесконечно мучительного ожидания разрешения ехать; Рагутин ходил сам не свой. Наконец, отпуск получен на двадцать дней, и вот, кое-как собравшись, он едет опять по железной дороге, как ровно полгода назад.

Весна. Стоит ясная погода, под теплыми лучами весеннего солнца почти весь снег уже стаял: с шумом и журчанием бегут везде ручейки и речки; весело чирикают воробьи; вся природа оживает; везде так светло, так радостно, но не радует это пробуждение природы, этот праздник весны Владимира Николаевича; грустный, убитый горем едет он домой, стараясь проникнуть темную завесу будущего, – недалекого страшного будущего. «Застану ли, застану ли?» – засел у него вопрос и мучительно преследует его всю дорогу, не отставая ни на минуту... А там, куда неслась его мысль, на кровати лежала сильно изменившаяся, умиравшая Ольга Александровна, считая свои последние минуты, в ожидании любимого сына...

Но не суждено ей было увидеться с ним: Рагутин застал свою мать на столе...

Теряли ли вы, читатели, отца или мать? Если нет, то счастливы вы тысячу раз; если же да, то вы поймете, конечно, каким страшным горем поражен был Рагутин при виде своей дорогой, столь сильно любимой, матери, окруженной свечами...

Первое время он не хочет верить случившемуся не понимает, не сознает всю громадную важность утраты, всю силу постигшего несчастия: перед глазами мелькают, точно в тумане, различные лица пришедших взглянуть на покойницу; в ушах настойчиво, упорно звучит какой-нибудь отрывок фразы, лишенный даже смысла, и нет возможности отрешиться от него. Страшная, безысходная тоска, какая-то тупая, неотвязчивая боль в груди и в голове не дают ни минуты отдохнуть свободно. То нет сил оторваться от милого, дорогого лица, то он сидит где-нибудь в углу безучастный, равнодушный ко всему, что вокруг происходит, а сердце сжимается... сжимается... все больней и больней... схватится за грудь руками и замрет в той подавляющей тоске... Хоть бы разрыдаться! Выплакать эту тоску!.. Да ведь слез нет... и еще больнее... еще тяжелее на душе...

Счастлив тот, кто может плакать в эти тяжелые, горькие минуты...

***

...Прошло две с половиной недели.

Последний визит Рагутина к Синявиным. Владимир Николаевич и Наташа сидят на террасе, – оба в глубокой задумчивости. Она изредка заботливо поглядывает на Рагутина, сильно тоскующего по матери, и искренно ему сочувствует, забывая даже собственное горе, собственные мучения неразделенной, непонятой любви к нему.

– Ну, о чем вы все думаете? – тихо нарушает молчание молодая девушка, и в ее голосе слышится столько ласки и нежного участия к его горю, что он с глубокою благодарностью взглянул на Наташу.

– А вот о чем, – ответил он вдруг, набравши храбрости, – я думал о том, что бы вы мне ответили, если бы я предложил вам разделить со мной мою скромную долю; согласились бы вы быть моею женой?

У нее словно крылья выросли вдруг; она озарилась вся ветлою, счастливою улыбкой и, прерывающимся от волнения голосом, чуть слышно, спросила:

– Да разве вы меня так любите?

– Люблю ли? – воскликнул молодой человек, принимая этот вопрос за согласие.

– Да, я полюбил вас с первой встречи, полюбил с тем, чтобы уж не разлюбить никогда, и только вы одна теперь можете решить счастие моей жизни, – с блестевшими глазами горячо проговорил Рагутин. – Осенью я уйду в заграничное плавание, от которого прежде я думал было отказаться; вернусь назад через три года, весною, – если вы меня любите, Наташа, то... подождите...

Наташа жадно ловила каждое его слово. По мере того, как он говорил, все дальше и дальше уходила горечь пережитых мучительных сомнений, сердце ее открылось для любви, этого, так давно желанного гостя.

«Зачем же ты меня так долго мучил, дорогой мой», – подумала она и, посмотрев на него взглядом, полным и упрека, и бесконечного счастья, чуть слышно ответила:

– Я согласна... Как папа... Она же, ваша мать, благословила нас... когда она умирала, она завещала вас мне...

Рагутин встал со своего места, подошел к Наташе, наклонился и приник к ее хорошенькой головке долгим горячим поцелуем.

– Ну, а теперь к папаше, – сказал он и оставил ее одну.

... Вечером Рагутин прощался с невестой.

– Пишите чаще, чтобы я не беспокоилась, слышите? – говорила Наташа, со слезами на глазах и с милою, очаровательною улыбкой.

– О, об этом вы можете не просить... Думайте иногда обо мне; ходите на могилу моей матери, она так нас любила... Прощайте!

Наташа порывистым, нервным движением закинула ему руки за шею и, притянув его к себе, горячо поцеловала. Прежде чем успел опомниться, Наташа разрыдалась и выбежала из зала.

На другой день Владимир Николаевич уехал в Петербург, а осенью на одном из заграничных судов в списке офицеров стояло:

«Мичман Владимир Рагутин».

...

Прошло три года.

Воскресенье. Теплое весеннее солнце ярко, радостно освещает красивую картину, карахоткинский сад и отражается в тихой воде маленького пруда; в нем резво плавают утки и гуси и с бою добывают себе каждый кусочек хлеба, который бросает им Наташа.

Она в таком же опять живописном, собственной работы, русском костюме, как и в первый день ее встречи с Рагутиным, три года назад; ее длинные и толстые косы тяжело лежат на спине, спускаясь ниже талии; ее милая улыбка так и озаряет все ее существо, вся ее фигура так и говорит о счастье. Да, она счастлива! Ее жених, ее дорогой Володя, которого она ждала три года, благополучно вернулся из заграничного плавания, был здесь уже две недели тому назад, и вот еще дней десять, и он приедет в отпуск на четыре месяца. Через месяц назначена свадьба! Припоминается ей

все, что она пережила за эти три с половиной года их знакомства. О, Боже! За то, какое счастье теперь! В эту минуту она любила весь мир; даже кругом нее от ее счастья казалось все как-то еще радостнее, веселее, светлее... Из города доносился благовест соборного колокола, благодаря легкому весеннему ветерку.

– Ну, довольно вам, мои милые! – объявила Наташа своим питомцам, раскрошив весь хлеб, бывший у нее, и весело побежала к дому.

На террасе ее встретил Игнатий, неся на подносе телеграмму.

– Барину принесли, – пояснил он, подавая ее Наташе.

Она взяла бумагу с подноса, нерешительно повертела ее в руках и хотела уже отнести в кабинет отца, но что-то подтолкнуло Наташу вскрыть и прочесть.

«Может, что-нибудь нужное... может быть, от него...» – проговорила она в раздумье и, так как она всегда читала бумаги отца, не имевшего от нее никаких секретов, она, сломав печать, развернула телеграмму и быстро пробежала ее глазами: смертельная бледность покрыла ее лицо, и ни одного звука, ни одного вздоха не вырвалось у нее из груди, она тяжело рухнула на пол.

...

Кронштадтский рейд; между двумя, тремя судами внутреннего плавания красуется блестящий фрегат, недавно вернувшийся из-за границы. Шесть часов вечера.

– Господа офицеры! Шлюпка уходит на берег через четверть часа: кому нужно – собирайтесь! – громко заявил, входя в кают-компанию, старший офицер фрегата.

Все, собиравшиеся в этот день на берег, разбежались по своим каютам, чтобы успеть снарядиться, в том числе и Рагутин, который хотел съездить к знакомым в Кронштадт рассеяться от какого-то гнетущего его с самого утра тоскливого чувства.

Переодевшись и захватив все нужное, Рагутин запер свою каюту и направился на палубу, но по дороге вспомнил, что забыл взять бумажник. Он быстро вернулся назад, взял деньги и вышел наверх. Шлюпки у трапа не было: он поднялся на

мостик к вахтенному начальнику узнать, скоро ли она пойдет.

– Что же вы, Рагутин, опоздали? – встретил его лейтенант.

– Как опоздал? – удивился Рагутин.

Вместо ответа вахтенный начальник показал рукою на недавно отваливший от борта офицерский катер.

– Минуты две тому назад и отвалил-то, – прибавил он при этом, – да я не знал, что вы едете; спрашиваю: «Все?». – «Все». «Отваливай!». А вам очень нужно? – заботливо осведомился лейтенант, – а то я вам дам...

– Нет, нет, – торопливо перебил его Рагутин, – я просто прогуляться хотел.

– Значит, «не судьба», Владимир Николаевич, – решил вахтенный начальник, и пошел отдавать какое-то приказание по вахте.

У Рагутина так сильно кольнуло при этом в сердце, что он невольно схватился за бок, но это тотчас же прошло, и только где-то далеко внутри шевельнулось какое-то гадкое предчувствие чего-то неизбежного, и он машинально повторил:

– Ну, что ж? Значит, «не судьба»!» – и как-то лениво отправился в свою каюту.

Бросив пальто и фуражку на койку, не переодеваясь, сел он на табурет перед раскрытой шифоньеркой и загляделся на портрет своей невесты, вделанный в богатую заграничную рамку. Промелькнули у него все подробности, все мелочи их знакомства, каждое ее слово, каждая улыбка, каждый взгляд; и это последнее свидание после трех лет разлуки, эти счастливые десять дней, проведенные в Карахоткине по возвращении из заграничного плавания...

– Ваше благородие, а, ваше благородие! Свистали всех наверх: брам-реи, брам-стеньги спускать.

Рагутин очнулся, безучастно оглянулся вокруг себя, затем быстро, судорожно поцеловал свою Наташу и выбежал из каюты.

На палубе суетились, бегали, разносили снасти; офицеры подгоняли запоздавших.

Раздалась команда: «По марсам и салингам!». Быстро, привычно побежали матросы по вантам, а между ними

и Рагутин, работавший на марсе. Вот все на своих местах. «Оттяжки бросить!» – команда исполнена.

Слышится сдержанный, тихий говор на марсах и салингах. «Ворочай!». Реи красиво повернулись и быстро стали спускаться вниз, за ними плавно подошли к низу и брам-стеньги.

Вдруг весь фрегат как бы вздрогнул от единодушного крика ужаса, и все, как один человек, замерли на своих местах и затаили дыхание. Владимир Николаевич, отдав все необходимые приказания, ждал команды: «Ворочай!». Мысли его были далеко, далеко... на покрытой свежею зеленою травою и цветами могиле матери... около него стоит она, его невеста... они просят благословения... на душе у него так радостно... так светло...

В раздумье он и не заметил, что взялся рукою за снасть, по которой спускают брам-реи. С командой: «Ворочай!», Рагутин почувствовал вдруг, что его со страшною силою потянуло вниз; он быстро выпустил снасть из руки, потерял равновесие и, опрокинувшись, полетел вниз, с девяти сажень высоты.

«Не судьба!» – как молния, мелькнула мысль, и светлый, дорогой облик его матери, с бесконечною любовью, взглянул ему прямо в глаза. Он инстинктивно схватился одною рукой за попавшуюся на пути снасть: один момент, казалось, он удержится, но рука разжалась, и через секунду раздался глухой стук при падении человеческого тела на палубу.

Мороз прошел по коже у всех присутствующих; все вздрогнули от ужаса, сняли фуражки и набожно перекрестились.

Рагутин еще дышал, его осторожно снесли в кают-компанию и положили на диван. Через полчаса он умер, не приходя в сознание...

***

Думали ли эти две молодые жизни, что все их грезы, все мечты о счастье будут разбиты одним жестоким, безжалостным ударом судьбы.

(Текст печатается по: А. Т. Не судьба. Повесть // Родина. Еженедельный иллюстрированный журнал для семейного чтения. 1890. 22 апреля (№ 17). Стлб. 590-597; 29 апреля (№ 18). Стлб. 622-629; 6 мая (№19). Стлб. 646-654.)

Содержание

Прдисловие 3

Письма А.Г. Тидемана и О.О. Тидеман
(фон дер Бек) 1897-1898 гг. 7

Примечания 140

Не судьба. Повесть 150

Долгое ожидание

Письма А.Г. Тидемана и О.О. Тидеман (фон дер Бек)
1897-1898 гг.

Составитель, автор вступительной статьи и подготовка текста к печати
Юлия Витальевна Петрова

Редактор
Леонид Леонидович Степченков

Авторы комментариев
Юлия Витальевна Петрова
Юрий Николаевич Шорин
Михаил Вадимович Иванов
Леонид Леонидович Степченков

Верстка
Элико Владимировна Долидзе

Адрес редакции журнала «Край Смоленский»:
214000, г. Смоленск, ул. Октябрьской революции, 14-а, ком. 301
E-mail: kraismol@mail.ru
www.kraismol.ru

Подписано в печать 1.12.2012 г.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 11,5. Тираж 500 экз.
Заказ №   .

Отпечатано в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская облатная типография им. В.И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.